

Эмпедоклъ философъ, врачъ и чародѣй.

Данныя для его пониманія и оцѣнки.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Задача, которую я себѣ поставилъ, сводится въ общемъ къ слѣдующему.

Прежде всего, — дать филологически-точный прозаическій переводъ извѣстныхъ до сихъ поръ фрагментовъ Эмпедокла, пользуясь при этомъ всѣми лучшими изданіями ихъ и справляясь какъ съ рукописнымъ преданіемъ, такъ и съ контекстомъ древнихъ писателей и комментаторовъ, въ сочиненіяхъ которыхъ они сохранились.

Затѣмъ, — въ виду того, что буквальный переводъ фрагментарнаго поэтическаго текста, допуская возможность различныхъ, иногда даже прямо противорѣчивыхъ толкованій, не достигаетъ главной своей цѣли — облегченія пониманія автора, — я счелъ необходимымъ указывать въ сомнительныхъ случаяхъ, какъ я лично истолковываю смыслъ cadaго даннаго фрагмента. Съ этою цѣлью мною введены въ текстъ необходимыя съ точки зрѣнія русской рѣчи дополненія къ буквальной передачѣ; кромѣ того, переводъ снабженъ критико-экзегетическимъ комментариемъ.

При этомъ, въ основу изученія греческаго текста положены новѣйшіе сборники *H. Diels'a* (см. ниже, „Изданія и пособія“), во-первыхъ, какъ самые полные и, во-вторыхъ, какъ наиболѣе документально и осмотрительно составленные. Расположеніе и счетъ фрагментовъ — тѣ же, что и у *Diels'a*, такъ какъ мнѣ казалось неудобнымъ, не печатая подлиннаго текста, дѣлать перестановки въ переводѣ, тѣмъ болѣе, что это само по себѣ не имѣло бы существеннаго значенія. Но самый текстъ построенъ мною самостоя-

тельно, при чемъ я взялъ за правило,—гдѣ только возможно, сохранять рукописное чтеніе, прибѣгая къ помощи коньектуръ лишь въ случаяхъ явной его порчи. Загромождать и безъ того довольно громоздкій критическій аппаратъ новыми коньектурами—я находилъ излишнимъ и скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ для дѣла, а потому въ соответствующихъ случаяхъ или пытался доводить казавшіяся мнѣ наиболѣе правдоподобными поправки другихъ толкователей до неизбѣжнаго *minimum*'а, или предпочиталъ удерживать ихъ цѣликомъ, если онѣ удовлетворяли, на мой взглядъ, всѣмъ требованіямъ критики. Напротивъ, при истолкованіи смысла отдѣльных мѣстъ, предоставлялъ себѣ большую свободу, нерѣдко не соглашаясь ни съ однимъ изъ существующихъ переводовъ и объясненій. Впрочемъ, и здѣсь, насколько возможно, старался отправляться отъ античной традиціи, т. е. сообразоваться съ указаціями древнихъ интерпретаторовъ.

Измѣненія въ примѣчаніяхъ приводятся подлинныя слова текста. Это допускалось мною въ двоякаго рода случаяхъ: или, во избѣжаніе недоразумѣній, при передачѣ трудно уловимаго отгѣнка по его внутреннему смыслу или, въ видѣ документальной справки, когда выраженіе подлинника представляетъ особенно характерный и важный для пониманія всей системы *terminus technicus*. Таково, напр., выраженіе *φρήν ἰερή καὶ ἀδελφότης* во фрагм. 134.—Въ общемъ количество подобныхъ случаевъ, особенно принадлежащихъ ко второй категоріи, весьма незначительно.

Далѣе, стремясь, по мѣрѣ силъ, отгѣвнить литературную и поэтическую сторону подлинника (стремленіе, стоящее въ тѣсной связи съ моимъ общимъ взглядомъ на характеръ творчества Акрагантскаго мыслителя—см. часть I, гл. 3 слл.)—я попытался передать всѣ отрывки, состоящіе по крайней мѣрѣ изъ одного полного стиха, гексаметромъ, по возможности, столь же точнымъ, какъ и прозаическій переводъ.

Наконецъ, въ виду того, что изъ всей изученной мною литературы объ Эмпедоклѣ мнѣ не удалось вынести согласнаго и цѣльнаго представленія о мыслителѣ и его міровоззрѣніи, я задался цѣлью выяснить самостоятельно сущность этой своеобразной личности, подойдя къ вопросу съ болѣе широкой точки зрѣнія. При этомъ я не входилъ въ анализъ частныхъ его ученія (что, въ виду крайней пестроты и разнохарактерности этихъ послѣднихъ

и при значительномъ количествѣ собраннаго мною матеріала, было бы несовмѣстимо со скромными размѣрами вступительнаго очерка), но ограничивался указаніемъ на тѣ черты, которыя, при моемъ взглядѣ на основной характеръ творчества Эмпедокла, получаютъ отличный отъ общепринятаго смыслъ или иное освѣщеніе.

Такова программа настоящей работы. Насколько мнѣ удалось ее выполнить, предоставляется судить читателю. Я же со своей стороны могу сказать только то, что, кому извѣстна по опыту трудность и кропотливость филолого-философскаго изслѣдованія, особенно когда приходится имѣть дѣло съ фрагментарнымъ текстомъ мыслителя-поэта, отдѣленнаго отъ насъ туманной далью слишкомъ двухъ тысячелѣтій, тотъ едва ли отнесется слишкомъ строго къ неизбежно допущеннымъ мною промахамъ и недочетамъ, хотя бы они оказались и очень многочисленны. Особенно сильныхъ упрековъ ожидаю по адресу стихотворнаго перевода и потому спѣшу оговориться, что я посвятилъ ему немало труда и времени, всюду внимательно слѣдя за строгимъ выборомъ словъ и выраженій и съ особеннымъ тщаніемъ отдѣлывая короткіе и постольку наиболѣе стѣснительные для переводчика отрывки. Если же, несмотря на все это, мои гексаметры лишены поэтическаго колорита и „отдають прозой“, то среди другихъ возможныхъ причинъ ихъ несовершенства не слѣдуетъ забывать также и того, что, какъ ни велики художественныя достоинства подлинника, все-же дидактическая поэма не можетъ равняться въ этомъ отношеніи съ поэмою героической, уже въ силу свойствъ самаго сюжета. Пусть приговоръ Аристотеля (Poet. I, 1447b 17),—когда онъ, сравнивая Эмпедокла какъ поэта съ Гомеромъ, заявляетъ, будто между ними общее только то, что и тотъ и другой писали разнѣренной рѣчью (τὸ μέτρον),—слишкомъ суровъ, однако и въ немъ есть своя доля истины.

Въ заключеніе, считаю долгомъ выразить глубокую благодарность Историко-Филологическому Факультету Университета Св. Владиміра за предоставленіе мнѣ мѣста на страницахъ „Университетскихъ Извѣстій“ и искреннюю признательность проф. А. Н. Гилярову какъ за выборъ самой темы, такъ и за цѣлый рядъ совѣтовъ и указаній при приведеніи работы къ ея окончательному виду.

Изданія и пособія.

- 1) *Diels, H.*, Poetarum philosophorum fragmenta. Berol. 1901 (въ коллекція: Poetarum graecorum fragmenta auct. V. de Wilamowitz-Moellendorff coll. et ed. vol. III fasc. prior).
- 2) *Diels, H.*, Die Fragmente der Vorsokratiker griechisch und deutsch. Berlin 1903.
- 3) *Fairbanks, A.*, The first philosophers of Greece—an edition and translation of the remaining fragments etc. London 1898.
- 4) *Mullach, Fr. W. Aug.*, Fragmenta philosophorum graecorum vol. I. Parisiis 1860.
- 5) *Ritter, H., et Preller, L.*, Historia philosophiae graecae etc. Ed. septima quam curav. Fr. Schultess et Ed. Wellmann. Gothae 1888.
- 6) *Holm, Ad.*, Geschichte Siciliens im Alterthum 1. und 2. Bände. Lpz. 1870.
- 7) *Holm, Ad.*, Griechische Geschichte u. s. w. 2. Band. Berlin 1889.
- 8) *Zeller, E.*, Die Philosophie der Griechen u. s. w. 1. Theil 4. Aufl. Lpz. 1876.
- 9) *Benn, A. W.*, The Greek Philosophers. Vol. I. London 1882.
- 10) *Gomperz, Th.*, Griechische Denker u. s. w. 1. Band. Lpz. 1896.
- 11) *Brandis, Ch. Aug.*, Handbuch der Geschichte der griechisch-römischen Philosophie. 1. Theil. Berlin 1835.
- 12) *Brandis, Ch. Aug.*, Geschichte der Entwicklungen der griechischen Philosophie u. s. w. 1. Hälfte. Berlin 1862.
- 13) *Ritter, H.*, Geschichte der Philosophie alter Zeit. 1. Band. 2. Aufl. Hamburg 1836.
- 14) *Hegel, G. W. Fr.*, Vorlesungen über die Geschichte der Philosophie. Hrsg. v. Michelet. 1. Band (Werke, XIII B.). Berlin 1833.
- 15) *Lange, Fr. Alb.*, Geschichte des Materialismus u. s. w. I. Buch. 6. Aufl. v. H. Cohen. Lpz. 1898.

- 16) *Burnet, J.*, Early greek Philosophy. London and Edinburgh 1892.
- 17—18) *Tannery, P.*, Pour l'histoire de la science hellène. Paris 1887.
Русскій переводъ: Первые шаги древне-греческой науки Н. Н. По-
 лыновой, С. И. Церетели, проф—овъ: Э. А. Радлова и Г. Ф.
 Церетели съ предисл. проф. А. И. Введенскаго. С.-ПБ. 1902.
 Прозаическій переводъ фрагментовъ Эмпедокла, помѣщенный
 въ этомъ изданіи, исполненъ проф. Радловымъ.
- 19) *Milhaud, G.*, Leçons sur les origines de la science grecque. Paris 1893.
- 20) *Трубецкой, С. кн.*, Метафизика въ древней Греціи. Москва 1890.
- 21) *Катковъ, М.*, Очерки древнѣйшаго періода греческой философіи.
 Москва 1853.
- 22) *Rohle, E.*, Psyche u. s. w. Zwei Bände. 3. Aufl. Tübingen und Lpz.
 1903.
- 23) *Grote, G.*, Plato etc. Vol. I. Third ed. London 1875.
- 24) *Fouillée, A.*, La philosophie de Platon. II t. 2-me édition. Paris 1888.
- 25) *Bergk, Th.*, Empedoclea въ Opuscula philologica Bergkiana ed. a R.
 Peppmüller. Vol. II. Halis Sax. 1836.
- 26) *Ritter, H.*, Ueber die philosophische Lehre des Empedokles въ Litterarische Analekten hrsg. v. Fr. Aug. Wolf. IV. Berlin 1820.
- 27) *Steinhart*, Empedocles въ Allgemeine Encyklopädie u. s. w. hrsg. v. I.
 S. Ersch und I. G. Gruber. 34. Theil. Lpz. 1840.
- 28) *Brochard, V.*, Empédocle въ La grande Encyklopédie etc. Tome quin-
 zième. Paris.
- 29) *Zeller, E.*, Ueber die griechischen Vorgänger Darwins въ Abhandl. der
 Kön. Akademie d. Wissensch. zu Berlin. Aus dem Jahre 1878.
 Philosophisch-historische Klasse. Berlin 1879.
- 30) *Kern, O.*, Empedokles und die Orphiker въ Archiv für Gesch. der Philos.
 I. Band. Berlin 1888.

I. Личность. Общій характеръ міросозерцанія.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Положеніе вопроса.

Рѣдко какое философское ученіе вызывало столько противорѣчивыхъ оцѣнокъ, сколько вызывало и продолжаетъ до сихъ поръ вызывать ученіе Эмпедокла. Уже изъ античнаго міра доходятъ до насъ на этотъ счетъ самыя противоположныя сужденія, изъ которыхъ отмѣтимъ лишь наиболѣе характерныя. Такъ, съ одной стороны, *Платонъ*, со свойственнымъ ему юморомъ, тонко иронизируетъ надъ Акрагантскимъ мыслителемъ, называя его самого „изнѣженной сицилійской музой“ ¹⁾ и его теорію чувственнаго воспріятія—„трагической“ ²⁾, а *Аристотель*, не обинуясь, клеймитъ его ученіе какъ наивный, дѣтскій „лепетъ“ ³⁾; съ другой стороны, вдохновенный апологетъ эпикурейской философіи *Лукрецій* въ страстномъ панегирикѣ поетъ ему хвалу, какъ человѣку, поэту и мыслителю. ⁴⁾

Въ новое время разногласіе отзывовъ еще больше. Одни, признавая за Эмпедокломъ исключительно поэтическій талантъ, съ явнымъ пренебреженіемъ относятся къ его ученію въ цѣломъ (*Hegel*). ⁵⁾ Другіе, отрицая его значеніе какъ самостоятельнаго мыслителя, считаютъ, однако, его систему болѣе или менѣе удачнымъ и „инте-

¹⁾ Soph. 242, D—E.

²⁾ Meno 76, E.

³⁾ Metaph. I, 4. 985^a 4.

⁴⁾ I, 714, sqq.

⁵⁾ O. I. I. 364.

реснымъ эклектизмомъ“ (*Diels, Kern и др.*)¹⁾. Третьи, выдвигая на первый планъ научные въ современномъ смыслѣ слова элементы его міровоззрѣнія, признають его въ общемъ слабымъ мыслителемъ, но зато одареннымъ геніальной интуиціей изслѣдователемъ природы, „физиологомъ“ (*Benn, Burnet, Tannery, Milhaud, и др.*)²⁾. Нѣкоторые, рассматривая его ученіе въ неразрывной связи съ ученіемъ предшествовавшихъ и современныхъ ему мыслителей, обращаютъ вниманіе главнымъ образомъ на его историческое значеніе (*Zeller и др.*)³⁾. Иные, не входя въ подробную философскую оцѣнку его умозрѣнія, но поддаваясь прелести его поэзіи, въ значительной мѣрѣ примыкають своими догматически восторженными отзывами къ Лукрецію (*Bergk*)⁴⁾ и т. д. и т. д. При этомъ всѣ перечисленные взгляды критиковъ сходятся въ одномъ пунктѣ, констатируя въ системѣ Эмпедокла наличность коренныхъ противорѣчій между его „физиологіей“, или такъ наз. „научнымъ убѣжденіемъ“, и мистической „тео—и демонологіей“. Эмпедоклъ, по остроумному замѣчанію одного изъ этихъ критиковъ, въ своемъ полу-мистицизмѣ, полу-раціонализмѣ самъ походитъ на тѣ безобразныя чудовища архаической эпохи, которыя описаны въ его морфологіи⁵⁾.

Есть, правда, попытки примирить эти противорѣчія или путемъ гадательной, сознательно произвольной реконструкціи его ученія въ дуалистическомъ духѣ (*Rohde*)⁶⁾, или на почвѣ сближенія его основныхъ принциповъ съ идеями языческаго религіознаго сознанія (*кн. С. Трубецкой*). Изъ нихъ особаго вниманія заслуживаетъ послѣдняя не столько по своей исходной точкѣ зрѣнія, которая сама по себѣ не можетъ быть признана вполне оригинальной⁶⁾, сколько

¹⁾ Kern, S. 498, ссылаясь на Diels'a (Sitzungsberichte der Berliner Akademie. 1884. S. 343). считаетъ эту оцѣнку безповоротно доказанной („.....darf heute als ausgemacht gelten“).

²⁾ Оо. II.—passim.

³⁾ Рр. 11—12. Сопоставляя Эмпедокла съ Парменидомъ, авторъ присуждаетъ пальму первенства Акрагантину на томъ основаніи, что этотъ послѣдній, не уступая именитому Элейцу въ философскомъ отношеніи, далеко оставляетъ его за собою полетомъ своего художественнаго генія.

⁴⁾ Benn. I, 28.

⁵⁾ II. 187². Авторъ заканчиваетъ очеркъ словами: „So können *vermutungsweise* die empedokleischen *Phantasien* reconstituirt werden“...

⁶⁾ Такъ, напр., Kern въ вышецитированной статьѣ выводитъ философію Эмпедокла почти цѣликомъ изъ ученія Орфиковъ. Болѣе того: „Empedokles

по той широтѣ и глубинѣ взгляда, съ какими обосновываетъ ее авторъ. Тѣмъ не менѣе и эта попытка не достигаетъ цѣли: духовный обликъ Акрагантинца и здѣсь остается половинчатымъ, полураскрытымъ, полнымъ внутреннихъ противорѣчій, которыя никакъ не могутъ слиться въ органическое единство опредѣленной индивидуальности.

Такъ, авторъ, повидимому, вполне основательно сѣтуетъ на „разлагающее горнило нѣмецкой критики“, удачно уподобляя ее вулкану, поглотившему, по преданію, философа и выкинувшему изъ жерла одни лишь его башмаки ¹⁾. А между тѣмъ онъ всецѣло присоединяется къ оцѣнкѣ Аристотеля, когда тотъ, отождествивъ, вопреки основнымъ требованіямъ объективной критики, концепцію Любви у Эмпедокла со своей собственной философской концепціей Блага, укоряетъ затѣмъ самого Эмпедокла за отождествленіе этого нравственнаго, метафизическаго принципа съ принципомъ матеріальнымъ, физическимъ, какова, по его мнѣнію, Любовь у Эмпедокла ²⁾. Послѣ этого невольно является вопросъ, гдѣ же въ міровоззрѣніи Эмпедокла граница между указываемой авторомъ „слабостью логическаго построенія“ и „глубиной мистической идеи“? ³⁾. Одно изъ двухъ. Или такая граница дѣйствительно существуетъ;—но тогда вышеприведенный упрекъ по адресу нѣмецкой критики не можетъ имѣть мѣста, такъ какъ эта послѣдняя никогда не отрицала значенія мистическихъ идей у Эмпедокла: она просто констатируетъ, какъ фактъ, противорѣчіе между отдѣльными элементами этого міровоззрѣнія, находя его непримиримымъ, что въ сущности дѣлаетъ и самъ авторъ. Или такой границы нѣтъ вовсе;—но въ такомъ случаѣ мы, очевидно, не въ правѣ приступать къ оцѣнкѣ этого ученія съ выработанными лишь въ послѣдствіи Сократомъ и Платономъ и завѣщанными намъ Аристотелемъ логическими критеріями и метафизическими постулатами.

Нельзя также не отмѣтить еще одной любопытной стороны разсматриваемой нами реконструкціи ученія Эмпедокла. Обсуждая

wird nicht nur aus den Gedichten der Orphiker Anregung geschöpft haben, sondern auch in den Aeusserlichkeiten des Lebens sich an die Gebräuche dieser Sekte angeschlossen haben“ (505).

¹⁾ Стр. 331.

²⁾ Стр. 329—330.

³⁾ Стр. 326. 329.

свидѣтельство Аристотеля, гдѣ этотъ послѣдній называетъ Эмпедокла отцомъ риторики, авторъ приходитъ къ счастливой мысли дать общую характеристику его личности, причемъ, особенно подчеркивая сицилійское происхожденіе Эмпедокла, онъ сопоставляетъ его съ бродячими „софистами-чудодѣями“ эпохи Возрожденія и съ современными намъ южно-итальянскими „взбалмошными“ демагогами. „Эмпедоклъ — демагогъ, странствующій по городамъ въ одеждѣ священника и обращающійся къ толпѣ съ хитроумными рѣчами, предлагающій средства „противъ всѣхъ золъ“—есть несомнѣнно особый и своеобразный типъ софиста, того софиста чудодѣя, котораго Италія не разъ видала впослѣдствіи въ эпоху Возрожденія. Мистицизмъ, эклектизмъ, реторика—все это указываетъ намъ на одну и ту же черту, на пламенную впечатлительность южнаго итальянца. Сицилія и въ наши дни даетъ Италіи риторовъ-демагоговъ вмѣстѣ хитрыхъ и взбалмошныхъ, фантазеровъ, увлеченныхъ собственной личностью, которые первые обманываются собственнымъ вымысломъ и сами не знаютъ, гдѣ начинается ихъ реторика“¹⁾.

Поскольку данную характеристику можно разсматривать какъ попытку уяснить міровоззрѣніе изъ личности мыслителя, она заслуживаетъ, съ нашей точки зрѣнія, полного вниманія (какъ это впоследствии и будетъ нами поставлено на видъ). Тѣмъ не менѣе необходимо признать, что въ томъ видѣ, какъ она дана, она не только не устраняетъ отмѣченныхъ выше противорѣчій, но создаетъ еще новыя. Въ самомъ дѣлѣ, что общаго между величавыми, глубоко-мысленными, какими считаетъ ихъ самъ авторъ, идеями Эмпедокла и пошлымъ, бессмысленнымъ фразерствомъ современныхъ намъ риторовъ-демагоговъ? Или между искреннимъ, опирающимся на реальные факты, сознаніемъ собственной геніальности и своихъ великихъ общественныхъ заслугъ у высоко чтимаго современниками перваго гражданина Акраганта, которому, по преданію, соотечественники предлагали даже царскую корону, какъ выраженіе признательности за оказанныя родному городу beneficia²⁾, и между напыщеннымъ шарлатанствомъ бродягъ-чудодѣевъ, наводнявшихъ Италію въ концѣ среднихъ вѣковъ? И можно ли, наконецъ, слить

¹⁾ Стр. 327.

²⁾ Xanthus et Timaeus ap. Diog. Laert. VIII. 63—64.—Zeller. Ph. d. Gr. I^a, 679.—Holm, G. S. I, 257.

въ представленіи одной личности то серьезное чувство неудовлетворенности, тотъ глубокий пессимизмъ, какимъ проникнуты дошедшія до насъ творенія Эмпедокла съ пустымъ „фантазерствомъ“ южнаго итальянца? А естественно вытекающій изъ основоположеній его ученія взглядъ на свое „я“, какъ на переживающаго высшую стадію душепереселенія падшаго демона, которому въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ покинуть этотъ „долъ безотрадный“ ¹⁾ для того, чтобы стать „сожителемъ и сотрапезникомъ безсмертныхъ“ ²⁾, можно ли истолковывать изъ „увлеченія собственною личностью“, изъ „ничѣмъ не брезгающаго“ стремленія „пріобрѣсти почеть и вліяніе“? ³⁾ Словомъ, вся вышеприведенная характеристика въ лучшемъ случаѣ можетъ мотивировать присутствіе риторическаго элемента въ твореніяхъ Эмпедокла, но она нисколько не способствуетъ уразумѣнію внутреннихъ, основныхъ особенностей его творчества, чего, повидимому, слѣдовало отъ нея ожидать ⁴⁾.

Итакъ, несмотря на многочисленность и разнообразіе точекъ зрѣнія, съ какихъ подходила къ ученію Эмпедокла древняя и новая критика, несмотря на остроуміе и проникаемость новѣйшихъ попытокъ къ восстановленію нарушенной и затемненной для насъ временемъ цѣльности его системы, общая картина міросозерцанія продолжаетъ оставаться невыясненной, а личность философа загадочной.

Существуетъ красивый легендарный рассказъ, будто жители Акраганта воздвигли Эмпедоклу памятникъ-колонну, на которомъ изобразили своего великаго соотечественника съ закрытымъ лицомъ ⁵⁾. Этотъ художественный замыселъ оказался пророческимъ.

¹⁾ Фрагм. 121.

²⁾ Фрагм. 147.

³⁾ Стр. 327.

⁴⁾ Въ посвященной Эмпедоклу небольшой статьѣ въ Энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона, кн. С. Трубецкой сильно отбѣивается культурно-историческій фонъ, на которомъ развѣтывалась дѣятельность Эмпедокла. Однако его общее сужденіе о мыслителѣ существенно ни въ чемъ не измѣнилось и осталось столь же суровымъ какъ и раньше.

⁵⁾ Hippobotus ap. Diog. Laert. VIII, 72.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Предлагаемый методъ.

Спрашивается, чѣмъ это объяснить? Полный и обстоятельный отвѣтъ на этотъ вопросъ, очевидно, равнялся бы рѣшенію самой проблемы, т. е. вполне убѣдительному изображенію личности и ученія мыслителя, и постольку уже съ внѣшней стороны выходить бы далеко за предѣлы непосредственного назначенія настоящаго краткаго очерка, требуя взамѣнъ его пространной монографіи. Наша же задача заключается лишь въ томъ, чтобы, отмѣтивъ тѣ общія причины, какія, по нашему разумѣнію, мѣшаютъ критикѣ проникнуть въ сущность оригинальнаго міросозерцанія Эмпедокла, способствовать, по мѣрѣ силъ, болѣе внимательному изученію его, а ближайшимъ образомъ предварить читателя о необходимости болѣе осмотрительнаго и вдумчиваго отношенія къ тѣмъ немногимъ, сильно пострадавшимъ отъ времени отрывкамъ его поэмъ, переводъ которыхъ и составляетъ центръ тяжести нашей работы¹⁾.

Приступая къ изслѣдованію вышеназванныхъ причинъ, прежде всего считаемъ нужнымъ устранить возможность того предположенія, будто трудность дать ясный и стройный синтезъ ученія Эмпедокла всецѣло обусловливается скудостью, отрывочностью и недостоверностью нашихъ источниковъ. Дѣло въ томъ, что ни отъ одного изъ греческихъ философовъ до-сократической эпохи не сохранилось столь значительнаго сравнительно количества фрагментовъ, какъ именно отъ Эмпедокла. Слѣдовательно, даже не раздѣляя ультра-оптимистическаго взгляда тѣхъ ученыхъ, которые, вопреки очевидной истинѣ, утверждаютъ, будто изъ неисчерпаемыхъ сокровищъ духовной культуры древности до насъ дошло *все* существенно-цѣнное²⁾, тѣмъ не менѣе слѣдуетъ признать, что примѣнительно къ данному случаю у насъ нѣтъ основаній особенно сѣтовать на судьбу. А между тѣмъ мы несравненно опредѣленнѣе и послѣдовательнѣе представляемъ себѣ міросозерцаніе любого изъ крупнѣйшихъ представителей этого періода, не исключая даже самого „темнаго“ Гераклита. Одни развѣ Пифагорейцы не подойдутъ подъ это опредѣленіе, да и то лишь потому, что ихъ ученіе было ученіемъ школы.

¹⁾ См. Предисловіе.

²⁾ Катковъ, стр. 117.

которое перерабатывалось и видоизмѣнялось на протяжении столѣтій. Если же взять такихъ мыслителей, какъ Демокритъ, Анаксагоръ, Парменидъ или даже древнѣйшіе іонійскіе „филосопы“, то, независимо отъ того, какое освѣщеніе дадимъ мы основнымъ принципамъ ихъ міровоззрѣнія, общая картина этого послѣдняго представитъ предъ нами въ довольно опредѣленныхъ очертаніяхъ и ужь во всякомъ случаѣ будетъ свободна отъ столь вопіющихъ внутреннихъ противорѣчій, какія сразу бросаются въ глаза даже въ самыхъ талантливыхъ изложеніяхъ ученія Эмпедокла.

Явно такимъ образомъ, что дѣло тутъ не въ объективныхъ причинахъ, не въ скудости преданія, какъ матеріала для критики, но, скорѣе, въ причинахъ субъективныхъ, въ несоотвѣстности предмету изслѣдованія методовъ и пріемовъ самой критики.

Въ самомъ дѣлѣ, каковы обычные пріемы современнаго изслѣдователя? Имѣя уже готовую, всецѣло обусловленную личными склонностями и характеромъ научныхъ интересовъ, точку зрѣнія, съ какой онъ намѣренъ судить о подлежащемъ анализу ученіи, онъ сразу, однимъ терминомъ опредѣляетъ его философское значеніе и историческое положеніе, помѣщая изучаемаго автора въ ту или другую категорію типичныхъ представителей современной, новоевропейской мысли. Затѣмъ, смотря по тому, насколько данное міровоззрѣніе подходитъ подъ общій уровень предъявляемыхъ къ нему съ этой точки зрѣнія требованій, онъ хвалитъ его или порицаетъ, находя его „глубокимъ и важнымъ“, или же „наивнымъ и имѣющимъ значеніе лишь для своего времени“. При этомъ вся такъ называемая широта историческаго кругозора, все критическое безпристрастіе и объективность сводятся въ большинствѣ случаевъ лишь къ нѣкоторой снисходительности окончательнаго приговора.

Такъ, если самъ критикъ — представитель положительной науки, онъ въ каждой философской системѣ видитъ прогрессъ или регрессъ только въ этой области и отмѣчаетъ „реальные результаты“ исключительно въ развитіи математическихъ, естественно-научныхъ, техническихъ и т. п. познаній. Если онъ — историкъ философіи въ собственномъ смыслѣ, то онъ укажетъ на заслуги мыслителя въ разработкѣ общихъ философскихъ идей, подробно выяснитъ связь его ученія съ ученіемъ предшественниковъ и современниковъ, прослѣдитъ его судьбу, по возможности, „до нашихъ дней“. Но этимъ и ограничится. Если онъ особенно интересуется исторіей религіознаго

самосознанія, то и въ своемъ анализѣ онъ подчеркнетъ рѣзче всего эту сторону и т. д. Сообразно съ этимъ и изучаемый нами мыслитель будетъ являться намъ послѣдовательно во всевозможныхъ образахъ: то онъ будетъ физикомъ, то религіознымъ мистикомъ, то метафизикомъ во всѣхъ многочисленныхъ разновидностяхъ этого типа: матеріалистомъ, спиритуалистомъ, монистомъ, дуалистомъ, плюралистомъ и т. п., словомъ—всѣмъ, чѣмъ угодно, только не самимъ собою. Между тѣмъ подобный критическій пріемъ, отвѣчая до извѣстной степени дѣйствительности при анализѣ философскихъ ученій новаго времени и будучи терпимъ при оцѣнкѣ многихъ древнихъ системъ, совершенно непригоденъ въ примѣненіи къ такимъ построеніямъ, какое мы находимъ у Эмпедокла, что и подтверждается на дѣлѣ всей исторіей ихъ изученія.

Исключительное положеніе подобныхъ философскихъ синтезовъ обуславливается двумя причинами: во-первыхъ, свойствами культурной эпохи, которая въ нихъ отображается; во-вторыхъ, и при томъ главнымъ образомъ,—особенностями духовнаго склада ихъ творцовъ, при чемъ эти два агента входятъ въ такое тѣсное взаимодействие, что ихъ почти невозможно отдѣлить одинъ отъ другого.

Въ курсахъ исторіи философіи нерѣдко проводится взглядъ, что ранняя эллинская мысль совершила полный кругъ въ своемъ поступательномъ движеніи отъ Талеса до Левкиппа или, говоря общѣе, отъ первыхъ проблесковъ „гиллозоизма“ до формулировки основныхъ положеній атомизма включительно. Такъ, по словамъ англійскаго изслѣдователя *Burnet'a* ¹⁾, Левкиппъ первый вполне точно и опредѣленно отвѣтилъ на вопросъ, поставленный Талесомъ: что такое окружающая насъ вселенная? Съ этимъ нельзя не согласиться, но въ то же время необходимо имѣть въ виду, что указанное движеніе протекало далеко не по правильной кривой, но по ломанной линіи: былъ въ немъ такой моментъ, который, характеризуясь кореннымъ измѣненіемъ существовавшей дотолѣ точки отправленія во всѣхъ философскихъ построеніяхъ, по справедливости долженъ считаться моментомъ перелома, поворотнымъ пунктомъ въ развитіи не только ранняго эллинскаго умозрѣнія, но и всей вообще античной философской мысли. Мы имѣемъ въ виду ученіе элейца Парменида. Потерявшись въ заоблачныхъ высотахъ

¹⁾ Р. 358. Cf. p. 369.

абстракціи, расплывшись, какъ въ смутно сознаваемомъ верховномъ принципѣ, въ мистической идее Ананки,—этой родной сестры или, скорѣе, философскаго двойника безличной царицы мифологическаго міра—Мойры, любознательная эллинская мысль не только не могла отвѣтить на поставленный Thalесомъ вопросъ, но въ своемъ безсиліи примирить патично данную дѣйствительность со своими собственными выводами и построениями зашла такъ далеко, что ей оставалось одно изъ двухъ: или сознаться въ полномъ банкротствѣ значительной части своихъ основныхъ принциповъ или признать ту самую вселенную, къ постиженію которой она стремилась, простымъ обманомъ чувствъ, а всякую попытку отстоять ея реальность въ томъ видѣ, какъ она намъ непосредственно дана,—заблужденіемъ.

Упомянутый выше маститый представитель элейской школы съ немногими приверженцами избралъ второй выходъ изъ неизбѣжной альтернативы, между тѣмъ какъ болѣе юная и смѣлая мысль, естественно, предпочла первый. Съ одной стороны, убѣдившись въ невозможности спасти догматическія положенія элейства, съ другой—поддавшись мощному идейному воздѣйствію измѣнившихся условій политической, социальной, нравственной, религіозной и художественной жизни ¹⁾, она въ лицѣ Анаксагора, Левкиппа, Демокрита и др. создала необходимость подойти къ неразрѣшенному вопросу съ прямо противоположной стороны, т. е. отправляться не съ всеобъемлющей полу-мистической, полу-абстрактной концепціи вселенной въ ея цѣломъ, но отъ болѣе узкаго конкретнаго представленія ближайшей, земной дѣйствительности, въ частности—человѣческаго организма съ его органами чувствъ, съ его ощущающей, воспринимающей способностями и т. д.,—словомъ, замѣнить методъ мифо — и космологическій методомъ фізіо — и антропологическимъ.

Въ этомъ смыслѣ, названные мыслители поистинѣ „свели философію съ неба на землю“, подобно тому какъ, при другихъ обстоятельствахъ и въ другомъ отношеніи, сдѣлалъ это въ послѣдствіи Сократъ. И хотя затѣмъ они снова вознеслись съ нею на небо, но уже нашли тамъ не то, что видѣли раньше: лучезарные „видимые боги“

¹⁾ По вопросу о взаимоотношеніи между до-сократической философіей и общей политической и культурной исторіей Эллады ср. А. Н. Гилларовъ Греческіе софисты и т. д. Москва 1888—passim, особ. стр. 115, 144.

небесной тверди превратились въ прозаическія раскаленные, каменные глыбы; необъятное мірозданіе, представленіе о которомъ, несмотря на сильную тенденцію къ матеріалистическому міропониманію уже у древнѣйшихъ мыслителей, продолжало однако до сихъ поръ носить яркую мифологическую окраску, оказалось теперь колоссальной вещественной массой, руководимой въ процессъ развитія исключительно механическими законами; сама сверхбожественная Ананка утратила всякій мистическій характеръ. частью уступивъ свое мѣсто Уму (у Анаксагора), частью отождествившись съ понятіемъ естественной необходимости, какъ простаго условія раціональнаго познанія природы (у Атомистовъ) ¹⁾. Короче сказать, наступилъ поворотъ въ пользу трезваго научнаго изслѣдованія со всей его смѣлой, не останавливающейся ни предъ какими выводами, пытливостью ²⁾.

Такова была въ общихъ чертахъ умственная атмосфера эпохи, въ которой пришлось созрѣвать и развиваться генію Эмпедокла. Если мы теперь посмотримъ на него съ этой точки зрѣнія, то намъ прежде всего бросится въ глаза тотъ знаменательный фактъ, что онъ, вступивъ на путь отъ стараго къ новому вмѣстѣ со своими современниками, не пошелъ съ ними до конца, но какъ бы остановился на полдорогѣ. Правда, отчасти это объясняется уже его хронологическимъ положеніемъ, такъ какъ описанный выше переломъ въ общемъ ходѣ развитія ранней эллинской мысли пришелся какъ разъ на начало его дѣятельности, такъ что именно Эмпедоклу выпало на долю быть однимъ изъ піонеровъ новыхъ методовъ и идей ³⁾.

¹⁾ Ср., напр., Democriti Fragm. phys. 41 (Stob. Ecl. phys. p. 160): οὐδὲν χρῆμα μᾶτην γίγνεται, ἀλλὰ πάντα ἐκ λόγου τε καὶ ἐκ ἀνάγκης.—О значеніи въ данномъ мѣстѣ термина λόγος см. Lange I, 13.

²⁾ Анаксагоръ, будучи однимъ изъ главныхъ представителей новаго направленія въ теоретической области, являетъ намъ въ то же время первый примѣръ типичнаго въ современномъ смыслѣ ученаго всей своей жизнью и личностью. Ср. превосходную характеристику его у Tannery pp. 275—276.

Демокрита за безграничную любознательность и колоссальную энциклопедическую эрудицію сопоставляютъ съ Аристотелемъ, общепризнаннымъ „отцомъ современной науки“. И чтобы убѣдиться въ полной основательности такого сопоставленія, достаточно хотя бы только бѣгло просмотрѣть списокъ дошедшихъ дъ насъ заглавій его научно-философскихъ сочиненій.

³⁾ Левкиппа мы не принимаемъ въ расчетъ въ виду крайней скудости нашихъ свѣдѣній о немъ. Есть попытки подвергнуть сомнѣнію даже самое

Однако хронологическими соображеніями отнюдь не исчерпывается все значеніе этого факта: главная его причина, какъ уже было замѣчено выше, заключается въ особенностяхъ духовнаго склада самого Эмпедокла.

Но прежде чѣмъ перейти къ этому центральному вопросу нашего очерка, необходимо предпослать ему нѣсколько общихъ замѣчаній.

За многовѣковый періодъ развитія научно-раціоналистическаго изслѣдованія, мы до такой степени привыкли отдѣлять личность мыслителя отъ его міровоззрѣнія, что весь культурно-историческій процессъ обыкновенно представляется намъ не иначе, какъ въ формѣ эволюціи объективированныхъ отвлеченныхъ идей. Поэтому, обсуждая прошлое человѣческой мысли даже съ такой сравнительно широкой и постольку, безспорно, наилучшей изъ всѣхъ существующихъ точекъ зрѣнія, какая, напримѣръ, положена въ основаніе извѣстнаго труда *Zeller'a* ¹⁾, мы смотримъ на данное міросозерпаніе какъ на внѣшній, мертвый объектъ изученія, исторгаемъ его изъ живой связи съ личностью, съ разностороннимъ содержимымъ внутренняго міра автора, а если и интересуемся этою личностью, то опять-таки лишь постольку, поскольку въ ней отразились тѣ или другія общія отвлеченныя идеи, сохранившія прямо или косвенно спекулятивный интересъ до нашего времени. Мы далеки отъ мысли отрицати научное, въ тѣсномъ смыслѣ слова, значеніе за указаннымъ методомъ. Но мы хотимъ поставить на видъ, что, разъ заходить рѣчь о возстановленіи полной картины извѣстнаго универсальнаго по замыслу и богатаго по содержанію философскаго синтеза, то этотъ методъ оказывается слишкомъ узкимъ.

Въ самомъ дѣлѣ, совершенно понятно, что мы находимъ только то, чего ищемъ. Слѣдя за развитіемъ общихъ идей, мы всюду и видимъ только постепенный ростъ и разработку общихъ идей; всѣ же мелкія, на первый взглядъ, индивидуальныя особенности мыслителя при этомъ неизбежно сглаживаются, нивелируются. А между тѣмъ эти послѣднія нерѣдко бываютъ настолько ярки и характерны, что въ нихъ-то именно и лежитъ ключъ къ разгадкѣ дѣлаго. Объясняется это тѣмъ, что всякая оригинальная, способная къ творчеству индивидуальность сама по себѣ всегда несравненно богаче внутреннимъ содержаніемъ, чѣмъ всѣ ея философскія, ху-

его историческое существованіе.—Литературу по этому вопросу см. у Ritter-Preller'a 143^b, pp. 154—155.

¹⁾ См. выше стр. 10.

дожественныя и т. п. творенія, взятія вмѣстѣ, и, слѣдовательно, мы должны судить о ней на основаніи не только ея собственныхъ непосредственныхъ заявленій, но также и всего того, что открывается намъ въ ней посредственно.

..... Nec tantum prodere vati
Quantum scire licet. Venit aetas omnis in unam
Congeriem, miserumque premunt tot saecula pectus....

Вотъ одно основаніе для необходимости освѣщать ученіе изъ личности мыслителя: не понимая съ возможной полнотою личности, мы не поймемъ и ученія. Но есть и другое, еще болѣе важное. Дѣло въ томъ, что не ученія, не системы сами по себѣ создаютъ исторію, двигаютъ культуру, а опять-таки личности творцовъ этихъ системъ и ученій: въ жизни, въ живомъ общеніи съ дѣйствительностью раскрывается и дѣйствуетъ на среду все содержаніе духовнаго индивида, а оно, какъ уже было сказано, никогда даже и въ малой части не исчерпывается философскимъ, научнымъ, поэтическимъ или какимъ-либо инымъ творчествомъ. Отсюда другой выводъ: не стараясь проникнуть во внутренній міръ отдѣльныхъ историческихъ личностей, мы не поймемъ въ достаточной мѣрѣ и культурно-исторического процесса вообще.

Итакъ, по нашему убѣжденію, наиболѣе цѣлесообразный путь къ истолкованію философскихъ ученій, особенно такихъ, какъ ученіе Эмпедокла,—гдѣ личный, субъективный элементъ выступаетъ съ особенной силой и яркостью,—долженъ состоять приблизительно въ слѣдующемъ.

I. Не ограничиваясь разсмотрѣніемъ научно-философскихъ идей эпохи, слѣдуетъ предварительно представить себѣ съ возможной полнотою и отчетливостью *всю совокупность обще-культурныхъ условий*, среди которыхъ зародилось и слагалось данное міровоззрѣніе. При этомъ нужно принять во вниманіе не только тѣ проявленія внѣшней и внутренней жизни народа,—въ частности—ближайшаго къ мыслителю общества,—которыя получили ко времени его дѣятельности вполне опредѣленное выраженіе, но также и все то, чему суждено было развиваться и обнаружиться впослѣдствіи, и что до тѣхъ поръ существовало лишь въ зачаточной и скрытой формѣ.

Только при соблюденіи этого условія мы получимъ возможность воспроизвести окружавшую нѣкогда мыслителя духовную атмосферу съ достаточной цѣльностью и безъ нарушенія исторической перспективы.

II. Переходя къ непосредственному знакомству съ подлежащимъ анализу ученіемъ, нельзя удовольствоваться тѣмъ, чтобы вѣѣшнимъ только образомъ прослѣдить ходъ мысленія автора, но, пользуясь всѣми имѣющимися въ нашемъ распоряженіи данными, необходимо поставить себѣ цѣлью охватить *все содержаніе его личности, какъ живое цѣлое*, возсоздать его духовный обликъ съ возможно большею наглядностью, передумать, перечувствовать съ нимъ вмѣстѣ, посмотрѣть его очами на всю ту сложную дѣйствительность, изъ которой онъ черпалъ вдохновеніе для творчества,—словомъ, временно подчинить свое мышленіе его мышленію, свои понятія и представленія его понятіямъ и представленіямъ.

III. Послѣ того какъ будетъ установленъ такимъ образомъ общій фонъ картины и перестанетъ быть психологической загадкой ея центральная фигура, тогда только наконецъ можно приступить къ анализу въ собственномъ смыслѣ, т. е. *подробно обсудить всѣ детали разсматриваемаго ученія, сопоставить ихъ между собою, уяснить ихъ психологическую и логическую связь и отношеніе*.

Наконецъ, IV, оглянувшись еще разъ на пройденный путь и сгруппировавъ добытыя указаннымъ способомъ данныя по соотвѣствующимъ категоріямъ, остается *подвести итоги дѣйствительному значенію мыслителя*, т. е., прослѣдивъ воздѣйствіе его личности и его идей на современниковъ и на послѣдующія поколѣнія, опредѣлить его активную роль въ непрерывномъ культурно-историческомъ процессѣ.

Другое дѣло, насколько достигимъ подобный идеаль. Лучше однако пройти хоть нѣсколько шаговъ по трудному, но вѣрному пути, чѣмъ совсѣмъ не вступать на него, ссылаясь на его трудность. Всякая истинная критика есть дѣло нелегкое. Тѣмъ болѣе это нужно сказать о критикѣ философской, задача которой нерѣдко состоитъ въ томъ, чтобы на основаніи немногихъ данныхъ воспроизвести крайне разнообразную, пеструю и вѣчно-подвижную картину оригинально мыслящей и чувствующей человѣческой души, подобно тому какъ задачей палеонтологіи бываетъ иногда по нѣсколькимъ, случайно найденнымъ, остаткамъ—зубамъ, челюстямъ и т. п.—составить цѣльное представленіе объ ископаемомъ животномъ. Если однако палеонтологъ не отступаетъ передъ своей задачей, то и у историка философіи нѣтъ основаній отступать передъ его задачей, хотя бы и еще болѣе сложной и отвѣтственной. Намъ могутъ также, пожалуй, возразить, что предлагаемый методъ слишкомъ широкъ и потому представляетъ опасность въ критическомъ отношеніи, давая большой просторъ субъективнымъ домысламъ и

произволу фантазіи? Но, *при тождествѣ фактическаго матеріала*, развѣ есть какая-либо исключительная гарантія въ объективности у общепринятыхъ, болѣе специальныхъ точекъ зрѣнія? Вѣроятность перейти изъ области факта въ міръ фантазіи и тамъ и здѣсь одинакова, но шансы на плодотворность изысканій при предлагаемомъ методѣ, естественно, должны быть больше, поскольку самый вопросъ ставится прямѣе и шире. Оговариваемся еще разъ, что мы отнюдь не претендуемъ на выполненіе всей вышеначертанной программы. Наша ближайшая задача—не рѣшать столь сложную проблему, но лишь правильно ее поставить, доказать ея интересъ и цѣлесообразность. А если намъ удастся, кромѣ того, попутно воспроизвести хоть нѣсколько единичныхъ чертъ изъ возможной лишь въ будущемъ исчерпывающей характеристики мыслителя, то мы будемъ считать себя вполне удовлетворенными.

Итакъ, каковы были внутреннія причины, отклонившія Эмпедокла отъ того пути, по которому пошла современная ему пытливая мысль въ лицѣ Анаксагора и Атомистовъ?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Происхожденіе и отроческіе годы Эмпедокла.

Широко и привольно раскинулся греческій міръ къ концу VI столѣтія до Р. Хр. Многочисленныя колоніи покрыли побережья морей; представители самыхъ разнообразныхъ племенъ и городовъ Эллады разнесли далеко по свѣту славу своей родины; недавніе цари мореплаванія и міровой торговли—финикійцы, не выдержавъ конкуренціи съ болѣе талантливыми соперниками, шагъ за шагомъ уступали имъ свое положеніе нераздѣльнаго господства. Одновременно съ этимъ стремленіемъ ко-внѣ и расширеніемъ географическихъ горизонтовъ, ширился кругозоръ жизненнаго опыта народа, пробуждалось сознаніе собственныхъ силъ и превосходства надъ варварами, закипала неудержимая страсть къ дѣятельности, къ исканію новыхъ поприщъ, новыхъ интересовъ и новыхъ формъ жизни. Словомъ, періодъ юности націи, подготовительный періодъ „ученія“ подходитъ къ концу, и на смѣну ему близился періодъ зрѣлости, болѣе сосредоточеннаго отношенія къ дѣйствительности и высшаго напряженія духовной энергіи.

И чѣмъ труднѣе были внѣшнія условія быта отдѣльныхъ общинъ, чѣмъ съ большими усиліями и чѣмъ усильнѣе въ концѣ

концовъ выпадало имъ на долю отстаивать свою политическую независимость и упрочивать свое матеріальное благосостояніе, тѣмъ быстрѣе совершался въ нихъ ростъ самосознанія. А въ такомъ именно положеніи находилась большая часть греческихъ колоній. Уже самая трудность переселенія требовала отъ колониста значительной доли предпріимчивости—способности къ широкой инициативѣ. Пребываніе же среди иноплеменного и въ большинствѣ случаевъ враждебнаго населенія, непрестанно поддерживавшее изобрѣтательность и бодрость духа, еще болѣе изощряло эти врожденные качества. Въ то же время оно располагало, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, къ взаимному общенію сосѣднихъ колоній, выведенныхъ изъ разныхъ метрополій и отличавшихся другъ отъ друга своимъ племеннымъ составомъ, религіознымъ культомъ, политическими и социальными идеалами и проч. Такимъ образомъ создавалась удобная почва для обмѣна практическихъ взглядовъ и для плодотворнаго идейнаго взаимодействія, и потому нѣтъ ничего удивительнаго, если колоніи долгое время шли во главѣ культурнаго движенія Греціи, далеко опередивъ свою материковую отчину какъ въ матеріальномъ, такъ и въ духовномъ развитіи.

Но были въ положеніи колоній и слабыя стороны. Будучи оторваны отъ родной почвы и входя въ силу необходимости все въ болѣе и болѣе тѣсное соприкосновеніе съ туземцами, онѣ неминуемо должны были утрачивать съ теченіемъ времени первоначальную чистоту своего національнаго характера, безсознательно ассимилироваться съ коренными жителями той страны, въ которую ихъ забросила судьба. Безспорно, вліяніе образованныхъ грековъ на грубыхъ варваровъ было неизмѣримо сильнѣе обратнаго вліянія, особенно въ первые годы ихъ знакомства. Но, по мѣрѣ того какъ эти послѣдніе воспринимали отъ своихъ учителей новыя знанія и идеи, перерабатывая ихъ примѣнительно къ особенностямъ своего быта, это вліяніе неизбѣжно становилось обоюднымъ. А отсюда получалось двоякое слѣдствіе. Съ одной стороны, внѣшняя и внутренняя жизнь колоній развѣтывалась быстрѣе, шире и разнообразнѣе. Но зато ея развитію недоставало того спокойствія, послѣдовательности и глубины, какія были возможны лишь въ областяхъ собственной Греціи, состоявшихъ изъ одноплеменнаго, компактнаго населенія.

Такова была въ общихъ чертахъ судьба большинства окранныхъ греческаго міра. Такова была судьба и Сициліи, родины Эмпедокла, съ тою лишь разницею, что здѣсь вышеуказанныя особенности проявлялись ярче, чѣмъ гдѣ бы то ни было.

Сицилія съ незапамятныхъ временъ была населена племенами италійскаго происхожденія, сиканами и сикелами. Выгодное положеніе на торговыхъ путяхъ и богатая природа этого острова не замедлили обратитъ на себя вниманіе финикійцевъ, которые и основали по его берегамъ цѣлый рядъ факторій для своихъ коммерческихъ цѣлей. Однако замѣтнаго вліянія на жизнь островитянъ они, повидимому, не оказали, какъ не оказывали его и въ другихъ мѣстахъ. Но вотъ вслѣдъ за финикійцами, приблизительно съ половины VIII вѣка, въ Сицилію проникаютъ іонійскіе и дорійскіе колонисты. Они овладѣваютъ восточнымъ, южнымъ и отчасти сѣвернымъ берегами острова и постепенно подчиняютъ своему вліянію всѣ элементы его населенія. Въ сферы этого вліянія остаются лишь наиболѣе удаленныя отъ моря области, служившія съ тѣхъ поръ убежищемъ для политической независимости италиковъ, и западное побережье, на которомъ утвердились вытѣсненные изъ другихъ пунктовъ финикійцы. Но эта побѣда досталась грекамъ не легко и не сразу. Мы увидимъ, что еще въ V столѣтіи имъ пришлось выдержать страшную борьбу съ финикійскимъ Карбагеномъ ¹⁾ и подавлять грозное возстаніе сицилійскихъ аборигеновъ.

Такимъ образомъ, греческая колонизація въ Сициліи на протяжении нѣсколькихъ столѣтій находилась въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ быта, о которыхъ было сказано выше. Этимъ и объясняется своеобразный характеръ культурнаго развитія сицилійскихъ эллиновъ, съ которымъ намъ предстоитъ теперь вкратцѣ познакомиться.

Пестрота этнографическаго состава и вызывавшаяся ею постоянная необходимость для колонистовъ отстаивать свое преобладающее положеніе съ оружіемъ въ рукахъ—привели къ тому, что на почвѣ Сициліи особенно сильно развилась тираннія. Такъ, на границѣ VI и V столѣтій, т. е. въ то время когда въ собственной Греціи не оставалось ни одного тиранна, въ Сициліи, наоборотъ, не было ни одной свободной общины, за исключеніемъ (да и то лишь временнымъ) Сиракузъ. Это, въ свою очередь, повлекло за собою важныя послѣдствія. Сицилійскіе тиранны, подобно своимъ материковымъ предшественникамъ, захвативъ тѣмъ или инымъ путемъ власть въ свои руки, всячески стремились къ тому, чтобы утвердить ее на основахъ широкой популярности, окружить свое правленіе такимъ блескомъ, передъ которымъ съ почтеніемъ склонились бы самые свободоло-

¹⁾ Позднѣйшее столкновеніе съ Карбагеномъ, въ тираннію Діонисія Старшаго, не подлежитъ нашему разсмотрѣнію.

бивые и непокорные умы. Главными средствами, съ помощью которыхъ добивались они этой цѣли, служили: расширение арены политической дѣятельности путемъ сближенія съ могущественными союзцами и основанія новыхъ колоній; побѣдоносныя военныя предпріятія, съ ихъ подкупающей народное самолюбіе славой и богатою добычей; наконецъ, искусственное насажденіе матеріальной и духовной культуры. Благодаря этому жизнь сицилійскихъ общинъ отличалась необычайной подвижностью: жители одного города зачастую поголовно переводились въ другой, отчего представители различныхъ племенныхъ группъ еще легче смѣшивались между собою; политическіе союзы создавались и расторгались въ непрерывномъ чередованіи; эпохи кровопролитныхъ войнъ и междоусобій, требовавшихъ страшнаго напряженія общественныхъ силъ, безпрестанно смѣнялись болѣе или менѣе продолжительнымъ затишьемъ, въ теченіе котораго, какъ бы для наведенія потеряннаго времени и въ ожиданіи новыхъ препятствій, съ удвоенной энергіей просыпались врожденныя эллинскому духу культурныя потребности. Во всѣхъ этихъ случаяхъ отъ правителей-тиранновъ исходила если не инициатива, то, по крайней мѣрѣ, самая дѣятельная поддержка. Устраивались торжественныя процессіи и богослуженія, создавались величественныя храмы, возводились грандіозныя сооруженія въ цѣляхъ городского благоустройства, появилась роскошная домашняя обстановка и проч. Въ то же время съ различныхъ концовъ греческаго міра приглашались художники, поэты и мыслители, дѣятельность которыхъ, при сильномъ развитіи общественной жизни, не ограничивалась тѣсными предѣлами двора, но оказывала вліяніе на болѣе широкіе круги, нерѣдко переходя прямо на площадь. Это послѣднее обстоятельство, въ связи съ тѣмъ, что какъ разъ въ это время, т. е. въ первыя десятилѣтія V вѣка, Сицилія стала входить въ болѣе близкія политическія сношенія съ нижней Италіей, открыло въ нее свободный доступъ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ извнѣ. Всевозможныя религіозныя культы и представленія, самыя противоположныя нравственныя и философскія ученія, различныя литературныя теченія—встрѣчались и скрещивались на почвѣ Сициліи и, сдѣлавъ ее такимъ образомъ однимъ изъ наиболѣе блестящихъ средоточій тогдашней образованности, вызвали къ жизни рядъ самобытныхъ, мѣстныхъ талантовъ, которымъ суждено было сыграть видную роль въ исторіи цивилизаціи всего древняго міра.

Однимъ изъ такихъ своеобразныхъ порожденій сицилійской культуры и былъ Эмпедоклъ.

Мы не располагаемъ достаточными данными для того, чтобы шагъ за шагомъ прослѣдить ходъ внутренняго развитія Эмпедокла. Тѣмъ не менѣе у насъ есть возможность установить косвеннымъ путемъ рядъ относящихся сюда фактовъ, которые и должны намъ служить точкой отправленія въ характеристикѣ мыслителя. Эта возможность основывается на слѣдующемъ. Во-первыхъ, намъ довольно точно извѣстно время жизни Эмпедокла; во-вторыхъ, мы знаемъ въ общихъ чертахъ, какова была предшествовавшая его появленію и какъ постепенно развивалась современная ему историческая дѣйствительность въ широкомъ смыслѣ; въ-третьихъ, до насъ дошло нѣсколько спорадическихъ свидѣтельствъ о томъ, каково было внѣшнее отношеніе Эмпедокла къ этой дѣйствительности; далѣе, принимая во вниманіе отмѣченныя выше особенности быта сицилійскихъ колоній, можно почти навѣрное утверждать, что Эмпедоклъ не остался чуждъ ни одному изъ умственныхъ теченій своего времени, откуда бы оно ни исходило; наконецъ, мы въ состояніи провѣрить и отчасти дополнить полученные этимъ способомъ выводы, сопоставивъ ихъ съ тѣми указаніями, какія могутъ дать намъ остатки его собственныхъ произведеній, а также критическая оцѣнка преданія о его личности, общій тонъ котораго, независимо отъ противорѣчій въ частности, долженъ быть признанъ соотвѣтствующимъ истинѣ.

Въ предыдущей главѣ мы указали на переломъ, совершившійся въ развитіи философско-научнаго самосознанія Эллады, и опредѣлили въ нѣсколькихъ словахъ, какое положеніе занялъ относительно его Эмпедоклъ, время дѣятельности котораго совпало съ моментомъ этого перелома. Теперь намъ предстоитъ подойти ближе къ этому вопросу, приведя его въ связь съ разсмотрѣніемъ важнѣйшихъ данныхъ о жизни мыслителя.

Эмпедоклъ, по наиболѣе правдоподобному вычисленію *Zeller'a* ¹⁾, родился около 495 года, а умеръ 60 лѣтъ отъ роду, т. е. приблизительно въ 435 году. Его родиной былъ Акрагасъ ²⁾, колонія на южномъ берегу Сициліи, выведенная въ началѣ VI вѣка изъ древнѣйшаго греческаго города на этомъ побережьи—Гелы, которая, въ свою очередь около столѣтія тому назадъ была основана выходцами изъ Родоса и Крита. Такимъ образомъ, граждане Акраганта были потомками дорянъ, но не материковыхъ, а островныхъ,

¹⁾ Ph. d. Gr. I*, 678—679 Cp. Burnet 209—210.

²⁾ Diog. Laert. VIII, 51—54.

азиатскихъ, изъ чего слѣдуетъ заключать, что Акрагасъ издревле поддерживалъ сношенія съ восточными колоніями.

Эмпедоклъ принадлежалъ къ знатному, богатому и популярному роду. Его дѣдъ по отцу, носившій то же имя, что и внукъ, одержалъ, по преданію, побѣду въ конномъ ристаніи на олимпійскихъ играхъ въ 71 олимпіаду (=496 до Р. Хр.), т. е. незадолго до рожденія философа¹⁾. Извѣстно, что участіе въ подобныхъ состязаніяхъ было доступно лишь представителямъ наиболее видныхъ фамилій и разсматривалось согражданами какъ выдающійся патріотическій актъ. По свидѣтельству Фаворина²⁾, тотъ же Эмпедоклъ—олимпіоникъ угостилъ членовъ почетнаго посольства своеобразнымъ блюдомъ—быкомъ, выпеченнымъ изъ меда и ячменной муки. Очевидно, дѣдъ философа былъ послѣдователемъ пифагорейскаго ученія, предписывавшаго своимъ адептамъ воздержаніе отъ мясной пищи, а можетъ быть даже лично зналъ и слушалъ самого Пифагора, который, повидимому, бывалъ въ Сициліи³⁾ и, во всякомъ случаѣ, имѣлъ тамъ много убѣжденных приверженцевъ. Весьма возможно, что и всѣ свидѣтельства, по которымъ философъ Эмпедоклъ былъ непосредственнымъ ученикомъ Пифагора⁴⁾, слѣдуетъ относить не къ внуку, но къ одноименному съ нимъ дѣду. Объ отцѣ Эмпедокла, Метонѣ⁵⁾, у насъ еще будетъ рѣчь впереди, пока же достаточно замѣтить, что онъ также былъ человѣкомъ весьма вліятельнымъ, отличался энергіей, предпримчивостью и демократическимъ образомъ мыслей, который съ большимъ успѣхомъ проявлялъ на практикѣ.

Вотъ все, что мы знаемъ о происхожденіи Эмпедокла и о лицахъ, окружавшихъ его въ самую раннюю пору его жизни. Какъ бы то ни было уже эти немногочисленные данныя объясняютъ намъ многое въ крайне сложной духовной организаціи Эмпедокла.

Дорянина по крови, Эмпедоклъ отъ природы отличается нравственной строгостью характера, величавостью и универсальностью концепцій, безотчетнымъ уваженіемъ къ традиціи, наклономъ къ мистицизму.

¹⁾ Diog. Laert. ibidem. Другіе источники (см. Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 679) переносятъ эту побѣду съ дѣда на внука, по очевидному недоразумѣнію, вызванному тождествомъ именъ того и другого.

²⁾ Diog. Laert. ibidem.

³⁾ Holm, G. S. I, 190—191.

⁴⁾ Timaeus et Alcidas ap. Diog. Laert. VIII, 54, 56.

⁵⁾ Diog. Laert. VIII, 51 sqq.

Сициліецъ по мѣсту рожденія и воспитанія, онъ соединяетъ въ себѣ съ указанными качествами удивительную разносторонность, страстную подвижность натуры, расположеніе къ показной внѣшности и блеску: онъ любитъ шумную жизнь улицъ и площадей, владѣетъ даромъ говорить съ толпою, умѣетъ приковать ея вниманіе эффектной наружностью, поразить ее остроумнымъ сопоставленіемъ мысли, очаровать благозвучнымъ оборотомъ рѣчи.

Рожденный въ изящной обстановкѣ образованной аристократической семьи и воспитанный въ строгихъ, проникнутыхъ духомъ глубокаго благочестія, пифагорейскихъ традиціяхъ, Эмпедоклъ всѣмъ существомъ своимъ являетъ примѣръ столь замѣчательной чуткости къ прекрасному во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ, какую рѣдко можно встрѣтить даже между его соплеменниками—эллинами, этими природными эстетиками, и, наперекоръ позднѣйшимъ вліяніямъ и несмотря на свой разившійся съ теченіемъ времени скептицизмъ, съ истинно дорійскимъ консерватизмомъ сохраняетъ на всю жизнь способность къ мистическимъ настроеніямъ и любовное отношеніе къ традиціонному, поэтически-религіозному міропониманію.

Разсказы прославленнаго дѣда-олимпіоника объ его далекомъ путешествіи, гдѣ онъ имѣлъ возможность сталкиваться съ знаменитѣйшими людьми своего времени и о великолѣпнѣ олимпійскихъ празднествъ, активные участники которыхъ становились предметомъ вниманія „всей Эллады“, а также непосредственный примѣръ Метона, популярнаго общественнаго дѣятеля, и, наконецъ, возможная встрѣча въ родительскомъ домѣ съ именитыми и просвѣщенными гостями изъ отдаленныхъ центровъ эллинской культуры на востокъ,— все это должно было рано заронить въ воспримчивую душу мальчика честолюбивыя стремленія, которымъ будущность готовила столь блестящее осуществленіе. Прошло нѣсколько десятковъ лѣтъ, и произведенія Эмпедокла распѣвались рапсодами на олимпійскихъ играхъ¹⁾, а когда онъ лично появлялся на нихъ среди праздничной толпы, всѣ взоры обращались на него, и „ни о комъ другомъ не было въ обществѣ столько разговору, какъ объ Эмпедоклѣ“²⁾. Въ приведенныхъ фактахъ нельзя не видѣть исполненія давнишнихъ завѣтныхъ мечтаній тщеславнаго внука побѣдителя въ Олимпіи.

Таковы были частью врожденные, частью пріобрѣтенные и закрѣпленные воспитаніемъ задатки, съ которыми Эмпедоклъ высту-

¹⁾ Diog. Laert. VIII, 63.

²⁾ Diog. Laert. VIII, 66.

пилъ на болѣе широкое жизненное поприще. Дальнѣйшее развитіе этихъ задатковъ, равно какъ и выработка новыхъ наклонностей и взглядовъ, естественно, зависѣли отъ окружавшей его на этомъ поприщѣ среды и общаго духа времени, къ разсмотрѣнію которыхъ мы и обратимся.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Юность Эмпедокла и современная ей историческая дѣйствительность.

Выше, при обзорѣ общихъ условій культурнаго развитія Сициліи, мы указали на повсемѣстный въ сицилійскихъ городахъ расцвѣтъ тиранніи ко времени появленія Эмпедокла и описали въ немногихъ словахъ причины, приведшія къ такому порядку вещей, и слѣдствія, какія изъ него вытекали. Мы видѣли, что однимъ изъ такихъ слѣдствій было объединительное движеніе, выражавшееся въ образованіи болѣе или менѣе прочныхъ политическихъ союзовъ, которые, въ свою очередь, способствовали возникновенію на почвѣ Сициліи крупныхъ культурныхъ центровъ. Взглянемъ теперь ближе на фактическую сторону этого процесса.

Въ концѣ VI столѣтія изъ ряда сицилійскихъ тиранновъ выдвигаются на первый планъ князя Гелы. Клеандръ, управлявшій этимъ городомъ съ 505 года¹⁾, сумѣлъ, опираясь на наемную вооруженную силу, настолько упрочить авторитетъ своего дома, что, несмотря на насильственную смерть тирана отъ руки одного изъ его подданныхъ, жители Гелы согласились признать своимъ владыкой брата убитаго—Гиппократа. Этотъ послѣдній въ семилѣтній періодъ правленія значительно расширилъ свои владѣнія рядомъ смѣлыхъ военныхъ предпріятій, изъ которыхъ особенно чреватымъ будущими событіями оказался походъ противъ сиракузянъ. Блестящая побѣда Гиппократа при рѣкѣ Гелорѣ вызвала въ Сиракузахъ возстаніе крѣпостного населенія (такъ называемыхъ киллиріевъ) противъ олигархіи землевладѣльцевъ (гаморовъ). Внутренняя смута ослабила силы города, и потому ближайшій преемникъ Гиппократа, бывшій начальникъ его конницы—Гелонъ уже безъ труда овладѣлъ этой цвѣтущей колоніей и основалъ въ ней свою резиденцію. Въ результатъ, подъ счастливымъ управленіемъ Гелона Сиракузы пошли по пути столь быстрого развитія, что въ короткій срокъ подчинили своему вліянію всю восточную половину острова и сдѣлались са-

¹⁾ Holm, G. S. I, 197; G.G. II, 89.

мымъ большимъ городомъ, не только запада, но и всего вообще греческаго міра.

Одновременно съ ростомъ Сиракузъ, на южномъ побережьи острова выросло новое „око Сициліи“¹⁾—Акрагасъ. Основанный, какъ уже было сказано, выходцами изъ могущественной Гелы, Акрагасъ рано обратился въ огромный городъ, со смѣшаннымъ населеніемъ, вслѣдствіе чего аристократическій режимъ, подъ которымъ онъ выступилъ на арену исторической жизни, продержался въ немъ лишь немногимъ болѣе десятилѣтія, уступивъ затѣмъ мѣсто тиранніи, какъ переходной стадіи къ народовластію. Періодъ высшаго процвѣтанія города начинается приблизительно съ 488 года²⁾, когда властителемъ Акраганта становится человекъ выдающихся способностей—Θερόνъ. Частію искусной политикой, частію силою оружія онъ распространяетъ свое владычество поперекъ всей середины острова, отъ Ливійскаго до Тирренскаго моря, и, вступивъ въ тѣсныя родственныя и политическія отношенія со своимъ могущественнымъ сосѣдомъ на востокъ—Гелономъ, возводитъ Акрагасъ на степень первоклассной державы эпохи.

Таково было внутреннее состояніе Сициліи, когда надъ нею разразилась гроза иноплеменнаго нашествія. Финикійцы, оттѣсненные греками въ западный уголъ Сициліи и безпокойные постояннымъ страхомъ потерять и этотъ послѣдній оплотъ своего вліянія на островъ, не могли оставаться равнодушными зрителями объединительнаго движенія среди своихъ заклятыхъ враговъ. Быстро возроставшее могущество родного Карфагена рисовало передъ ними заманчивыя перспективы разгрома главныхъ средоточій столь опаснаго для нихъ объединенія, и они ждали только удобнаго случая, чтобы начать давно задуманную борьбу.

Такой случай не замедлилъ представиться. Тираннъ Гимеръ — Териллъ, изгнанный, по просьбѣ своихъ внутреннихъ недруговъ, Θερόномъ изъ города, рѣшилъ во что бы то ни стало вернуть потерянную власть и отомстить ненавистному правителю Акраганта. Съ этой цѣлью онъ противопоставилъ Θερόну и его вѣрному союзнику Гелону цѣлую коалицію, состоявшую изъ Регія, гдѣ княжилъ зять Терилла—Анаксилай, Селинунта, съ завистью и недовѣріемъ взиравашаго на успѣхи сосѣдняго Акраганта, и, наконецъ, Карфагена, для котораго этотъ внутренній расколъ въ семьѣ эллиновъ былъ настоящей находкой, и участіе котораго дѣлало, повидимому,

¹⁾ Pind. Olymp. II, 17—18.

²⁾ Holm, G. S. I, 415; G. G. II, 91.

успѣхъ предпріятія несомнѣннымъ. Карѳагеняне снарядили огромный флотъ изъ 200 военныхъ и 3000 транспортныхъ судовъ и, посадивъ на него трехсоттысячную армію, въ которой, кромѣ жителей столицы и другихъ ливійскихъ городовъ, находились наемныя дружины изъ Иберіи, Галліи, Лигуріи, Италіи, Корсики и Сардиніи,—двинулись къ сѣвернымъ берегамъ Сициліи. Тамъ, подъ стѣнами Гимеры, и произошла рѣшительная битва, окончившаяся полнѣйшимъ пораженіемъ финикійцевъ и ихъ союзниковъ соединенными силами Оерона и Гелона (481 или 480 г.)¹⁾.

Эта великая побѣда составила цѣлую эпоху въ исторіи Сициліи. Уже древніе чувствовали всю необъятность ея значенія, когда пытались отыскать внутреннюю связь между описанными нами событіями—съ одной стороны, и нашествіемъ Ксеркса на Грецію—съ другой, или когда сопоставляли битву при Гимерѣ со сраженіемъ у Саламина, утверждая съ наивнымъ преувеличеніемъ, будто оба событія случились въ одинъ и тотъ же день. И въ самомъ дѣлѣ, побѣда сицилійскихъ тиранновъ имѣла для запада эллинскаго міра не меньшую важность, чѣмъ побѣдаThemistocles для востока. При этомъ, какъ то и естественно, послѣдствія ея особенно ярко отразились на судьбѣ обѣихъ побѣдоносныхъ державъ, Сиракузъ и Акраганта.

Однимъ ударомъ уничтоживъ своихъ единоплеменныхъ соперниковъ и устранивъ на многіе годы опасность со стороны варваровъ, Оеронъ и Гелонъ могли спокойно отдаться заботамъ о внутреннемъ благосостояніи подвластныхъ имъ областей. Огромная контрибуція и несчетная военная добыча доставили имъ необходимыя для этого матеріальныя средства, а громкая слава ихъ подвига, которому они къ тому же сами постарались придать обще-эллинское значеніе²⁾, снискала имъ столь широкую популярность, что имъ нечего было опасаться за свою власть. Несомнѣнно, счастливое отраженіе грознаго нашествія, вызвавъ въ народѣ небывалый подъемъ духа и гордое сознаніе своихъ силъ, не могло не пробудить въ немъ свободолюбивыхъ стремленій, особенно въ виду того, что какъ разъ въ это время въ восточной Греціи демократія становилась преобладающей формой правленія. Но потребность въ отдыхѣ послѣ пережитыхъ ужасовъ войны и ореолъ славы, окружавшій ея героевъ, временно заглушили эти стремленія, тѣмъ болѣе что тиранны своимъ разумнымъ и заботливымъ управленіемъ сумѣли указать другой исходъ для накопившейся въ народѣ энергіи.

¹⁾ Holm, G. S. I, 209; G. G. II, 93.

²⁾ Holm, G. S. I, 210.

Въ битвѣ при Гимерѣ карфагеняне потеряли весь свой флотъ. Благодаря этому чуть-ли не половина ихъ арміи, избѣжавшая гибели на полѣ сраженія, была взята въ плѣнъ, при чемъ значительная часть плѣнныхъ попала въ руки акрагантинцевъ, такъ какъ искала спасенія въ ихъ области, лежавшей въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Гимерой. О количествѣ этихъ плѣнниковъ можно судить по тому, что бывали случаи, когда одинъ гражданинъ Акраганта имѣлъ ихъ въ своемъ распоряженіи до 500. Θеронъ воспользовался этой массой даровыхъ рукъ для крупныхъ общественныхъ работъ: построилъ или, по крайней мѣрѣ, началъ постройку нѣсколькихъ грандіозныхъ храмовъ¹⁾; провелъ подземные каналы для стока воды; вырылъ большой прудъ, который въ одно и то же время былъ резервуаромъ питьевой воды, доставлялъ городу рыбу и служилъ ему однимъ изъ лучшихъ украшеній; развелъ въ окрестностяхъ виноградники, насадилъ плодовые деревья и проч. Примѣръ правителя повліялъ на его подданныхъ, которые наперерывъ другъ передъ другомъ стали воздвигать великолѣпные дома-дворцы, украшать ихъ художественной обстановкой и т. п. Такимъ образомъ, Акрагасъ въ нѣсколько лѣтъ обратился въ одинъ изъ самыхъ благоустроенныхъ, красивыхъ и цвѣтущихъ городовъ Эллады, и намъ становится понятнымъ приписываемый преданіемъ Эмпедоклу отзывъ объ его согражданахъ: „Акрагантины роскошничаютъ, точно собираясь умереть на слѣдующій день, и строятъ дома, словно имъ предстоитъ жить вѣчно“²⁾.

Еще болѣе пышный и продолжительный расцвѣтъ выпалъ на долю Сиракузъ, гдѣ вслѣдъ за кратковременнымъ, но плодотворнымъ царствованіемъ Гелона послѣдовало новое блестящее правленіе его родного брата Гіерона (съ 478 г.)³⁾, который, не уступая побѣдителямъ при Гимерѣ въ военныхъ и административныхъ способностяхъ, превосходилъ ихъ тонкостью ума, разносторонностью талантовъ и образованіемъ. Успѣхъ внѣшней политики Гіерона былъ настолько великъ, что сиракузское владычество распространилось при немъ на большую часть нижней Италіи, и даже самъ Акрагасъ склонился предъ его вліяніемъ, хотя формально и продолжалъ оставаться независимымъ.

Но не внѣшними успѣхами создалъ себѣ славное имя въ исторіи Гіеронъ. Главная заслуга его заключалась въ томъ, что

¹⁾ Holm, G. S. I, 248.

²⁾ Diog. Laert. VIII, 63.

³⁾ Holm, G.S. I, 211—212; G.G. II, 95.

онъ, болѣе чѣмъ кто-либо другой, пріобщишь Сиракузы, а тѣмъ самымъ и всю Сицилію, нераздѣльнымъ владыкою которой онъ могъ по справедливости считаться, къ обще-эллинской культурѣ, облагородивъ такимъ образомъ и оправдавъ передъ народомъ свою собственную тираннію, а равно и тираннію своихъ предшественниковъ. Несмотря на всю успѣшность своей внѣшней политики, Геронъ не имѣлъ за собою славы національнаго героя, на какую опирались оба побѣдителя карфагенянъ. Ему необходимо было упрочить власть на новыхъ основаніяхъ, и потому онъ не ограничился заботами о матеріальномъ благосостояніи страны и о приданіи ей внѣшняго великолѣпія путемъ созданія новыхъ колоній, сооруженій огромныхъ храмовъ, украшенія ихъ драгоценными, художественно-исполненными дарами и проч., къ чему, главнымъ образомъ, стремился его предшественникъ, но задался цѣлью возвеличить и прославить свое правленіе, сдѣлавъ Сицилію очагомъ національной, греческой образованности и заставивъ говорить о ней всю Элладу. И ему удалось осуществить эту задачу.

Частью исходи изъ указанныхъ внѣшнихъ соображеній, частью слѣдуя своимъ природнымъ наклонностямъ и вкусамъ, Геронъ привлекъ къ своему двору цѣлую плеяду именитѣйшихъ представителей тогдашней поэтической и философской мысли. А такъ какъ многіе изъ нихъ представляли изъ себя первоклассные таланты, то сиракузскій дворъ Герона, дѣйствительно, обратился въ настоящій разсадникъ просвѣщенія, и самъ Геронъ стяжалъ себѣ вполне заслуженную славу одного изъ наиболѣе замѣчательныхъ меценатовъ, какихъ только знаетъ исторія. Но славолубивый правитель шелъ въ своихъ стремленіяхъ дальше. Онъ желалъ быть и, какъ мы уже видѣли, былъ на самомъ дѣлѣ не только сиракузскимъ тиранномъ, но и владѣтелемъ всей Сициліи. Поэтому просвѣтительная дѣятельность окружавшихъ его лицъ не ограничивалась одними Сиракузами, но переносилась и въ остальные города острова, при чемъ Акрагасъ и въ этомъ, какъ въ другихъ отношеніяхъ, занималъ среди нихъ первое мѣсто, особенно пока былъ живъ Геронъ, поддерживавшій самыя дружескія личныя отношенія съ кружкомъ Герона.

Наши свѣдѣнія о лицахъ, составлявшихъ этотъ кружокъ или вообще побывавшихъ при дворѣ Герона и Герона, конечно, далеко не полны. Однако и того, что намъ извѣстно, достаточно, чтобы судить объ умственной и нравственной атмосферѣ, царившей въ описываемую эпоху въ Сиракузахъ и Акрагантѣ.

Рядъ этихъ славныхъ именъ открываетъ собою знаменитый лирикъ Симонидъ изъ Кеоса. Удивительный поэтический талантъ, простиравшійся на самые разнообразные виды лирики, знаніе свѣта и тонкія манеры придворнаго, прибрѣтенныя за время пребыванія при дворѣ Гиппарха въ Аѳинахъ, а затѣмъ Алевадовъ и Скопадовъ въ Тессаліи, наконецъ, огромная популярность какъ поэта, воспѣвавшего великую національную борьбу эллиновъ съ персами,—все это счастливо сочеталось въ личности Симонида, когда онъ восьмидесятилѣтнимъ старцемъ переселился въ Сицилію, гдѣ и провелъ послѣдніе годы своей жизни. Постояннымъ мѣстомъ его жительства на островѣ были, повидимому, Сиракузы, но, судя по его отношеніямъ къ Герону, нужно думать, что онъ бывалъ нерѣдкимъ гостемъ и въ Акрагантѣ. Пользуясь неизмѣннымъ расположеніемъ обоихъ тиранновъ, Симонидъ сдѣлался на своей новой родинѣ любимцемъ и болѣе широкихъ круговъ общества. Такъ, по крайней мѣрѣ, можно судить по общему тону преданія о немъ, которое снисходительно относится даже къ несомнѣннымъ слабостямъ его характера, напримѣръ, къ его сребролюбію, и создаетъ легенды о воздвигнутомъ ему надгробномъ памятникѣ¹⁾.

Другимъ представителемъ лирической поэзіи при сиракузскомъ дворѣ былъ племянникъ Симонида Бакхилидъ, также съ острова Кеоса. Далеко уступая своему великому дядѣ въ дарованіяхъ, Бакхилидъ подражалъ ему въ литературной дѣятельности и въ практическомъ взглядѣ на жизнь. Личность Бакхилида интересна для насъ тѣмъ, что онъ представлялъ изъ себя чистый типъ придворнаго поэта: въ своемъ стремленіи снискать милость правителя онъ доходилъ до явной лести, а зависть къ соперникамъ выражалась у него въ формѣ личной непріязни. Таково, по крайней мѣрѣ, по преданію, было его отношеніе къ третьему и величайшему лирику кружка Гіерона, какъ и вообще всей Эллады—Пиндару, къ которому мы теперь и переходимъ.

Пиндаръ, ѳиванецъ по происхожденію, значительную часть своей жизни провелъ на родинѣ, покидая ее время отъ времени лишь для того, чтобы посѣтить своихъ иногороднихъ друзей или присутствовать на панэллинскихъ празднествахъ. Поэтому его пребываніе въ Сициліи не могло быть продолжительнымъ. Но дружескія связи, соединявшія его съ княжескимъ домомъ Акраганта, начались еще со временъ его молодости, а интересъ поэта къ судьбамъ острова былъ настолько великъ, что онъ посвятилъ сикеліотамъ

¹⁾ Holm, G. S. I, 218—219.

цѣлый рядъ своихъ произведеній: 15 изъ 44 извѣстныхъ намъ эпикій Пиндара имѣютъ то или другое отношеніе къ Сициліи. Такимъ образомъ, мы въ правѣ заключать, что вліяніе Пиндара на сицилійское общество, несмотря на кратковременность его пребыванія тамъ, было весьма сильно, особенно если принять во вниманіе то обаятельное дѣйствіе, какое производила его поэзія на современниковъ вообще, а сицилійцы, какъ мы уже имѣли случаи говорить, отличались рѣдкой даже среди грековъ воспримчивостью.

Необычайная творческая сила и высокій полетъ духа въ соединеніи съ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, искреннимъ религіознымъ воодушевленіемъ и величавостью нравственнаго міровоззрѣнія стяжали Пиндару такую славу, что его имя гремѣло по всей Элладѣ, его пѣсни записывались золотыми буквами и помѣщались въ храмахъ въ видѣ священныхъ приношеній, а хоровое исполненіе ихъ считалось лучшимъ украшеніемъ торжественныхъ собраній. Пиндаръ былъ всюду желаннымъ гостемъ, какъ въ свободныхъ демократическихъ общинахъ, такъ и при дворахъ князей и тиранновъ. Неудивительно поэтому, если Геронъ всѣми силами старался привлечь его въ Сицилію, которую Пиндаръ воспѣлъ еще въ своихъ юношескихъ одахъ. Но поэтъ, вѣроятно, дорожа своей независимостью, медлилъ принять приглашеніе и явился въ Сиракузахъ лишь около 474 года ¹⁾, находясь уже на вершинѣ своей славы.

Геронъ надѣялся воспользоваться пребываніемъ знаменитаго гостя для достиженія главной своей цѣли—распространенія славы Сициліи по греческому міру. И онъ не ошибся въ расчетѣ: поэтъ сторицею воздалъ правителю за гостепріимство, увѣковѣчивъ его имя и блескъ его правленія въ своихъ дивныхъ пѣснопѣніяхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ посвящены непосредственно самому Герону, другія прославляютъ членовъ его дома (оды въ честь зятя Герона Хромія), инныя воздаютъ хвалу его другу Герону Акрагантскому и т. д.

Внѣшнимъ поводомъ къ ихъ сочиненію служили обыкновенно побѣды, одержанныя Герономъ, Герономъ или кѣмъ-либо изъ ихъ подданныхъ на большихъ играхъ въ собственной Греціи. По обычаю того времени, такіе побѣдные гимны распѣвались частью на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была одержана побѣда, частью же, по возвращеніи побѣдителя, въ его отечествѣ. Это послѣднее обстоятельство давало возможность Герону устраивать для своихъ друзей и для

¹⁾ Holm, G. S. I, 220.

народа блестящія празднества по всей Сициліи, смотря по мѣсту, откуда происходить побѣдигель. Съ этою цѣлью онъ даже самъ выдавалъ себя за гражданина попеременно то того, то другого изъ подвластныхъ ему городовъ, не желая оказывать столицѣ исключительное предпочтеніе предъ другими областями. Есть также основаніе предполагать, что, не довольствуясь участіемъ въ панэллинскихъ играхъ, Гіеронъ устраивалъ по ихъ образцу состязанія и у себя, въ Сициліи¹⁾, которыя также переносились изъ города въ городъ и украшались присутствіемъ поэтовъ, пѣвцовъ, музыкантовъ и проч.

При такомъ количествѣ торжественныхъ собраній и народныхъ увеселеній, Сицилія должна была представлять удобную почву между прочимъ и для развитія сценическаго искусства. И дѣйствительно, въ числѣ лицъ, составлявшихъ кружокъ Гіерона, мы встречаемъ, на ряду съ лирическими поэтами, представителей обоихъ основныхъ типовъ драматической поэзіи—трагика Эсхила и комика Эпихарма, которые своей дѣятельностью положили основаніе сицилійскому театру. О двухъ другихъ комическихъ поэтахъ, Формисѣ и Дейнолохѣ, наши свѣдѣнія слишкомъ скудны для того, чтобы можно было составить о нихъ опредѣленное сужденіе.

Эсхиль, подобно Симониду и Пиндару, прибылъ въ Сицилію, когда его талантъ достигъ полной зрѣлости. Несмотря на то, что онъ пользовался громкой извѣстностью на своей родинѣ, въ Аѣнахъ, какъ поэтъ-драматургъ, реформаторъ національнаго театра и, наконецъ, какъ непосредственный участникъ великой Мараѳонской битвы,—онъ не только побывалъ въ Сициліи въ правленіе Гіерона, но и переселился въ нее впослѣдствіи окончательно, изъ чего слѣдуетъ заключать, что его дѣятельность во время перваго пребыванія тамъ сопровождалась крупнымъ успѣхомъ и снискала ему многочисленныхъ поклонниковъ.—Это и понятно. Возвышенный тонъ его поэзіи, высокій идеализмъ созданныхъ имъ характеровъ, смѣлый, исполненный паѳоса и оригинальныхъ образовъ способъ выраженія,—все это какъ нельзя лучше гармонировало съ благороднымъ воодушевленіемъ, царившимъ еще въ сицилійскомъ обществѣ со временъ славной побѣды надъ варварами, и съ тѣмъ повышеннымъ, праздничнымъ настроеніемъ, въ какомъ оно неизмѣнно пребывало, благодаря стараніямъ Гіерона.

Мы не знаемъ, существовать ли уже тогда въ Сиракузахъ постоянный театръ. Какъ бы то ни было, извѣстно, что Эсхиль по-

¹⁾ Ibidem.

ставилъ на сиракузской сценѣ нѣсколько своихъ трагедій. Такъ, его пьеса *Этнянки* написана на мѣстный сюжетъ по поводу освященія основанной Герономъ колоніи Этны, и даже относительно *Персовъ* возможно предположеніе, что они впервые появились на сценѣ не въ Аѣнахъ, но также въ Сициліи, гдѣ воспоминанія о Гимерѣ способны были вызвать въ публикѣ не меньшій энтузіазмъ, чѣмъ въ восточной Греціи—воспоминаніе о Саламинѣ и Платеяхъ. Такимъ образомъ, сицилійцы имѣли возможность познакомиться съ Эсхиломъ не меньше, чѣмъ знали они, напр., Пиндара, поэзія котораго имѣла, къ тому же, по своему идейному содержанію, много общаго съ поэзіей великаго аѣнскаго трагика.

Эпихармъ, въ противоположность лицамъ, перечисленнымъ выше, почти всю свою жизнь провелъ въ Сициліи. Уроженецъ острова Коса, онъ рано покинулъ родину. нѣкоторое время жилъ въ сицилійской Мегарѣ, а по разрушеніи ея Геллономъ переселился въ Сиракузы, гдѣ и протекла остальная часть его жизни.

Вслѣдствіе столь продолжительнаго пребыванія въ Сициліи, Эпихарма называли въ древности сицилійцемъ, *Siculus*¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, характеръ Эпихарма представляетъ многія типично-сицилійскія черты: веселый нравъ, подвижность и остроуміе мысли, разнообразіе склонностей и дарованій.

Въ Сициліи издавна существовали въ большомъ изобиліи сельскія празднества въ честь Вакха, Деметры и Артемиды, сопровождавшіяся шествіями, хоровымъ пѣніемъ, танцами и мимической игрой. Имъ-то, очевидно, и обязана своимъ происхожденіемъ древнѣйшая греческая комедія, первымъ и главнымъ представителемъ которой былъ Эпихармъ. Благодаря этому пьесы Эпихарма имѣли большею частью миеологическое содержаніе. Но, обрабатывая миеологическіе сюжеты, Эпихармъ, насколько мы можемъ судить по сохранившимся отрывкамъ его комедій и по свидѣтельствамъ древнихъ писателей, относился къ нимъ со всей свободой и непринужденностью комическаго поэта и съ критицизмомъ мыслителя-раціоналиста. Переносъ боговъ и героевъ въ обстановку повседневной жизни, онъ доходилъ въ своихъ пародіяхъ до явной насмѣшки надъ наивными представленіями народной религіи. Въ этомъ отношеніи онъ составлялъ полную противоположность всѣмъ упомянутымъ до сихъ поръ поэтамъ двора Герона и приближался къ убѣжденному врагу политензма Ксенофану. Пользуясь славой основателя національной комедіи, Эпихармъ былъ извѣстенъ также какъ

¹⁾ Cicer. Tusc. I, 8, 15; ad Att. I, 19, 8.

философъ, врачъ и реформаторъ въ области правописанія, причемъ по философіи и медицинѣ ему приписывались даже спеціальныя сочиненія, о которыхъ, впрочемъ, мы не знаемъ ничего достовѣрнаго¹⁾. Къ общей оцѣнкѣ міросозерцанія Эпихарма намъ предстоитъ еще вернуться впоследствии. А пока достаточно замѣтить, что его философскія воззрѣнія не отличались, повидимому, особенной оригинальностью, но представляли лишь переработку въ удачной гномической формѣ нѣкоторыхъ положеній Ксенофана, Гераклита и Пифагорейцевъ, что свидѣтельствуетъ о широтѣ его философской эрудиціи.

Послѣднимъ изъ числа извѣстныхъ намъ лицъ, пользовавшихся гостеприимствомъ Гіерона, былъ упомянутый выше Ксенофанъ. Ионянинъ изъ Колофона, Ксенофанъ всю свою долгую жизнь провелъ въ странствованіяхъ изъ города въ городъ, изъ селенія въ селеніе въ качествѣ философа, поэта и рапсода. Въ виду того, что намъ неизвѣстенъ точно годъ его смерти, мы не можемъ опредѣлить, сколько времени провелъ онъ при дворѣ Гіерона. Во всякомъ случаѣ, хронологическія соображенія²⁾ заставляютъ признать это пребываніе непродолжительнымъ.

Рѣзко отрицательное направленіе мысли Ксенофана, его страстная полемика противъ гомеров-гезіодовскаго міропониманія и безпощадная критика политеизма—съ одной стороны, и чуждый всякаго догматизма, неопредѣленно-скептическій пантеизмъ его собственныхъ воззрѣній—съ другой,—стояли въ столь рѣзкомъ противорѣчій съ тогдашнимъ настроеніемъ сицилійскаго общества и со всей обстановкой сиракузскаго двора, что онъ едва ли могъ оказывать серьезное вліяніе на массы и пользоваться расположеніемъ и покровительствомъ Гіерона. Это подтверждается и фактически: согласно преданію, Ксенофанъ умеръ въ крайней бѣдности, на изживеніи у двухъ Пифагорейцевъ. Но если, вслѣдствіе новизны, парадоксальности и рѣзкости своихъ взглядовъ, Ксенофанъ не приобрѣлъ популярности въ широкихъ кругахъ современниковъ, то тѣмъ сильнѣе было его воздѣйствіе на единичныя личности, способныя по тѣмъ или инымъ причинамъ воспринять его идеи. Такъ, не говоря уже о Парменидѣ и позднѣйшихъ Элеатахъ, философское ученіе которыхъ выросло въ значительной мѣрѣ на почвѣ этихъ идей,—Эпихармъ, какъ мыслитель, находился подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Ксенофана.

¹⁾ Diog. Laert. VIII, 78.—Holm, G. S. I, 237—238.

²⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I^a. 486 f.—Holm, G. S. I, 181—182.

Мы нарочно остановились нѣсколько подробнѣе на изображеніи эпохи, совпадавшей съ юношескими годами Эмпедокла, такъ какъ въ эту именно пору должна была опредѣлиться въ своихъ главныхъ чертаніяхъ духовная фізіономія мыслителя. Геронъ умеръ въ 473 году¹⁾. Пѣронъ—шестью годами позже²⁾. Слѣдовательно, дальнѣйшія событія изъ исторіи общественнаго и умственнаго развитія Сициліи относятся уже къ началу зрѣлыхъ лѣтъ Эмпедокла, а подготовительный періодъ его жизни протекалъ всецѣло въ описанной выше обстановкѣ. Итакъ, въ чемъ и поскольку отразилась на Эмпедоклѣ окружавшая его въ юности среда?

Мы видѣли, что въ эпоху тиранніи, благодаря счастливому стеченію внѣшнихъ обстоятельствъ, нравственныя силы сицилійскаго общества достигли высокаго напряженія. Въ то же время въ Сицилію открылся доступъ самымъ разнообразнымъ вліяніямъ извнѣ. Ни одинъ изъ перечисленныхъ нами выше сподвижниковъ Пѣрона въ его цивилизаторской дѣятельности не былъ сицилійцемъ по происхожденію. Кромѣ того, большинство изъ нихъ переселялись туда, побывавъ предварительно во многихъ другихъ греческихъ областяхъ. Если, наконецъ, принять во вниманіе неполноту нашихъ свѣдѣній объ этой эпохѣ и, съ другой стороны, ту общую всѣмъ временамъ быстроту, съ какою новыя идеи передаются черезъ пространство, то можно съ увѣренностью утверждать, что Сицилія уже въ эту пору такъ или иначе не осталась чуждой ни одному изъ теоретическихъ и нравственныхъ запросовъ, волновавшихъ умы тогдашней Эллады. Но всякая идея для плодотворнаго обнаруженія нуждается въ подходящихъ внѣшнихъ условіяхъ. А условія эти, какъ мы уже знаемъ, были здѣсь въ данную эпоху таковы, что могли способствовать преимущественно развитію идей національно-патріотическихъ и религіозно-эстетическихъ, а не научно-философскихъ. Такимъ образомъ, Эмпедоклъ въ свои юношескіе годы вращался въ кругу понятій и представленій, въ общемъ однородныхъ съ вынесенными имъ изъ родительскаго дома и вполне гармонизировавшихся съ его природными склонностями.

Великая борьба одновременно на востокъ и на западъ эллинскаго міра противъ иноземнаго нашествія и послѣдовавшая за ней народное ликованіе и благодарственные жертвоприношенія богамъ-заступникамъ—должны были произвести глубокое впечатлѣніе на его воспріимчивую, поэтически-настроенную натуру, пробудивъ въ

¹⁾ Holm, G. S. I, 242; G. G. II, 98.

²⁾ Holm, G. S. I, 244; G. G. II, 99.

немъ влеченіе къ художественному творчеству. Аристотель, кромѣ извѣстныхъ намъ философскихъ поэмъ Эмпедокла, приписываетъ ему нѣсколько чисто поэтическихъ произведеній, между прочимъ *Переправу Ксеркса* и *Гимнъ Аполлону*¹⁾. Очевидно, эти произведенія и были первыми пробами пера Эмпедокла, подтвержденіемъ чему служить извѣстіе, будто сестра или, по другому свидѣтельству²⁾, дочь поэта сожгла ихъ впослѣдствіи, какъ недостойные его позднѣйшей славы литературные опыты.

Явившійся слѣдствіемъ побѣды необычайный экономическій расцвѣтъ его родины, вѣншнее великолѣпіе городовъ, наполнявшихся созданіями искусства, обиліе всякаго рода празднествъ и многочисленныхъ зрѣлищъ -- также способствовали, со своей стороны, развитію художественнаго вкуса и эстетическихъ потребностей. Если впослѣдствіи Эмпедоклъ выступалъ передъ народомъ, облеченный въ роскошное пурпурное одѣяніе, обутый въ мѣдныя сандалии и съ золотой повязкой въ волосахъ, то это не только являлось выраженіемъ его личнаго вкуса, но и было необходимо для привлеченія вниманія слушателей: въ Сиракузахъ или Акрагантѣ не могъ рассчитывать на успѣхъ человѣкъ въ дырявомъ плащѣ и съ нечесаной бородой позднѣйшаго философа.

У насъ нѣтъ прямыхъ указаній на личное знакомство Эмпедокла съ сицилійскими княжескими домами. Однако богатство и выгодное общественное положеніе его семьи заставляютъ признать такое знакомство весьма правдоподобнымъ. Демократическія убѣжденія Метона едва ли могутъ противорѣчить этому предположенію въ виду всеобщей популярности тогдашней тиранин. Во всякомъ случаѣ, вліяніе лицъ, составлявшихъ дворъ Герона и Ферона, на духовное развитіе Эмпедокла внѣ всякаго сомнѣнія. Изящество и утонченность Симонида и Бакхилида, строгость и возвышенность музъ Пиндара и Эсхила, живой юморъ и разносторонность Эпихарма, бичующая сатира и граничащая съ высокоуміемъ независимость духа Ксенофана, -- всѣ эти качества въ большей или меньшей мѣрѣ проявляются въ Эмпедоклѣ. При этомъ Ксенофана преданіе дѣлаетъ даже непосредственнымъ учителемъ Эмпедокла³⁾, а на близкія отношенія его къ Эсхилу намекаетъ, повидимому, тотъ фактъ, что Эмпедокла въ древности считали авторомъ многочисленныхъ трагедій⁴⁾.

¹⁾ Diog. Laert. VIII, 57.

²⁾ Hieronymus ap. Diog. Laert. ibidem.

³⁾ Hermippus ap. Diog. Laert. VIII, 56.

⁴⁾ Aristoteles, Hieronymus, Neanthes ap. Diog. Laert. VIII, 58.

Наконецъ, и непосредственный примѣръ самихъ тиранновъ не могъ остаться безъ вліянія на талантливаго и честолюбиваго юношу. Правда, Эмпедоклъ не принялъ предложеннаго ему въслѣдствіи согражданами царскаго вѣнца¹⁾. Тѣмъ не менѣе, его всегдашнее страстное желаніе властвовать надъ толпою, его торжественные выходы, его широкая благотворительность, наконецъ, его дѣятельность, какъ изобрѣтательнаго инженера, задумавшаго и исполнившаго цѣлый рядъ полезныхъ сооруженій, сильно напоминаютъ блестящихъ, предприимчивыхъ и популярныхъ вѣлителей Сиракузъ и Акраганта.

¹⁾ См. выше стр. 12.

Эмпедокль философъ, врачъ и чародѣй.

Данныя для его пониманія и оцѣнки.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Зрѣлые годы Эмпедокла.

Теперь намъ предстоитъ перейти отъ Эмпедокла-юноши къ Эмпедоклу-мужу, т. е. изложить исторію зрѣлыхъ лѣтъ мыслителя и познакомиться съ его личностью въ ея высшемъ, всестороннемъ развитіи. Предварительно бросимъ бѣглый взглядъ на внутреннее состояніе Сициліи за этотъ періодъ.

Мы видѣли, какими разнообразными и сложными средствами вынуждены были поддерживать престижъ своей власти сицилійскіе тиранны. Идея народовластія, нашедшая себѣ блестящее осуществленіе въ афинской республикѣ, дѣлала, особенно со времени основанія Делосскаго союза, быстрые успѣхи въ греческомъ мірѣ и угрожала при первомъ благопріятномъ случаѣ ниспровергнуть военныя монархіи Гіерона и Ферона. Случай этотъ скоро представился. Послѣ смерти Ферона, акрагантскій престолъ перешелъ къ его сыну Фрасидею, жестокому и неспособному деспоту. Вмѣшавшись въ раздоры между членами царствующаго дома въ Сиракузахъ, Фрасидей началъ войну съ Гіерономъ, но въ первой же рѣшительной битвѣ потерпѣлъ сильное пораженіе. Тогда событія быстро послѣдовали одно за другимъ. Акрагасъ и Гимера возстали противъ ненавистнаго тиранна и, изгнавъ его изъ страны, ввели у себя республиканское устройство. Ихъ примѣръ повліялъ на другіе города, прежде всего на Сиракузы. Какъ только умеръ Гіеронъ, тамъ вспыхнула революція, приведшая къ кровопролитной междоусобной войнѣ и окончившаяся повсемѣстнымъ введеніемъ на островъ демократической формы правленія.

Однако этот кровавый переворот далеко не умиротворил Сицилию. За низвержением тираннов последовала трудная борьба с их многочисленными наемными дружинами; за этой борьбой — продолжительные споры и неурядицы по поводу изгнания призванных тираннами чужестранцев и возвращения изгнанных ими граждан; за этими неурядицами пришла новая гроза — возстание сицилийских аборигенов, под предводительством царя сикелов Дукетия. Если, в дополнение ко всему этому, мы укажем на вооруженные столкновения и усобицы, которыми сопровождалась попытка влиятельных лиц провозгласить тиранию (петализм!), на войну Сиракуз с этрусками, а также неумолкавшую явную или глухую партийную вражду в недрах самой побѣдоносной демократии, — то получится довольно точная картина политического и социального состояния Сицилии в описываемую эпоху. Только с начала второй половины столѣтія безконечныя смуты стали прекращаться, страсти — утихать, и страна вступила на путь мирнаго развитія, по которому ей суждено было идти до войны с Аѳинами.

Какъ же при такихъ условіяхъ развивалась духовная жизнь сицилійскаго общества? Мы знаемъ, что уже въ эпоху тиранин Сицилія стала однимъ изъ важнѣйшихъ очаговъ умственной жизни эллинскаго міра, и что въ нее открылся доступъ всевозможнымъ культурнымъ теченіямъ того времени. Но, какъ мы указали въ своемъ мѣстѣ, однимъ изъ послѣдствій тираническаго режима было то, что фактически на почвѣ Сициліи могли приниматься и преуслѣвать почти исключительно идеи патріотическія, нравственно-религіозныя и эстетическія, тогда какъ свободное научное изслѣдованіе и критическое безпристрастіе мысли не находили подходящихъ условій для плодотворнаго развитія. Съ измѣненіемъ формъ общественнаго быта рѣзко измѣнились и духовныя потребности. Великія политическія событія и пышный расцвѣтъ поэзіи и искусства, которыми ознаменовалась предшествовавшая эпоха, давно уже привели умы въ состояніе броженія. Поэтому, какъ только внѣшнія препятствія были устранимы, сицилійцы съ жадностью набросились на новыя идеи и восприняли ихъ съ обычной для себя быстротой и пламеннымъ увлеченіемъ.

Отсюда получилось двоякое слѣдствіе. Съ одной стороны, общественная мысль, провозгласивъ демократическій принципъ равенства въ области политики, ополчилась противъ вѣры въ авторитетъ и въ теоретической области, принявъ односторонне-раціоналистическое, разсудочное направленіе. Съ другой стороны, не привыкшія къ самостоятельному критическому мышленію массы, лишившись

нравственной и умственной поддержки, какою служили для нихъ традиціонныя вѣрованія, испытывали всѣ муки духовнаго голода и готовы были окружить восторженнымъ поклоненіемъ всякаго, кто такъ или иначе обѣщалъ заполнить эту невыносимую внутреннюю пустоту. Подобныя эпохи представляютъ широкій просторъ для дѣятельности всякаго рода чудотворцевъ, пророковъ, проповѣдниковъ, руководителей умовъ и совѣсти и проч. Люди, утративъ вѣру въ небесныхъ боговъ, тѣмъ съ большей страстью и легковѣріемъ ищутъ чудеснаго и сверхъестественнаго въ налично-данной дѣйствительности и тѣмъ охотнѣе подчиняются вліянію геніальныхъ энтузіастовъ или просто даровитыхъ честолюбцевъ, которые по тѣмъ или инымъ причинамъ собираютъ вокругъ себя толпу и затѣмъ привораживаютъ ея вниманіе своими увлекательными рѣчами.

При такихъ обстоятельствахъ пришлось жить и дѣйствовать Эмпедоклу. Какъ же сложилась его жизнь, и на что направилъ онъ свою дѣятельность?

Уже изъ всего сказаннаго нами до сихъ поръ нетрудно замѣтить, что Эмпедоклъ обладалъ многими данными, необходимыми для роли народнаго учителя, способнаго увлекать за собою массы. Дальнѣйшія обстоятельства какъ нельзя болѣе благоприятствовали развитію этихъ данныхъ.—Во время смутъ, постигавшихъ въ Акрагантѣ за смертью Керона, особенно выдвинулся изъ среды гражданъ отецъ Эмпедокла, Метонъ, заявившій себя однимъ изъ самыхъ ярыхъ враговъ тиранніи. Его вліяніе было настолько велико, что, пока онъ былъ живъ, никто даже не дѣлалъ попытокъ къ восстановленію тиранніи, хотя подобное предпріятіе могло бы, повидимому, рассчитывать на успѣхъ въ виду несовершенства тогдашней демократіи въ Акрагантѣ. Но какъ только Метона не стало, тираннія снова подняла голову. Тогда-то и выступилъ впервые на арену общественной дѣятельности Эмпедоклъ, въ качествѣ горячаго поборника гражданской свободы¹⁾. Онъ началъ съ того, что изблгичилъ и предать законной казни двухъ заговорщиковъ, замышлявшихъ овладѣть верховной властью, а затѣмъ убѣдилъ согражданъ провести государственную реформу въ демократическомъ духѣ до конца, чтобы тѣмъ самымъ положить предѣлъ безконечнымъ усобицамъ и политическимъ переворотамъ. Не ограничиваясь государственной дѣятельностью, Эмпедоклъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ неизмѣнно выказывалъ себя искреннимъ другомъ на-

¹⁾ Diog. Laert. VIII, 63 sqq., 72.—Zeller, Ph. d. Gr. I*, 679.—Holm, G. S. I. 256—257.

рода. Все это снискало ему столь необычайную популярность, что акрагантины сами предложили ему царскій вѣнецъ, отъ котораго онъ однако отказался¹⁾.

Объ его дальпѣйшей судьбѣ наши свѣдѣнія крайне сбивчивы и противорѣчивы. Достовернымъ можно считать только то, что Эмпедоклъ приобрѣлъ себѣ за это время такую громкую и повсемѣстную извѣстность, какая выпадала на долю весьма немногихъ сыновъ Эллады за все время существованія этой послѣдней. Къ своей славы выдающагося политическаго дѣятеля, общественнаго благотворителя и поэта, онъ прибавилъ теперь цѣлый рядъ новыхъ лавровъ, сдѣлавшись одновременно философомъ, ученымъ, риторомъ, врачомъ, инженеромъ, чародѣемъ, чудотворцемъ,—словомъ, универсальнымъ „всезнайкой“, обладавшимъ всеми средствами къ тому, чтобы стать кумиромъ впечатлительной, утратившей непосредственность религіознаго чувства и въ то же время крайне суевѣрной сицилійской толпы. Однако, несмотря на столь поразительный успѣхъ на родинѣ, Эмпедоклъ, по наибольше правдоподобнымъ извѣстіямъ²⁾, окончилъ свою жизнь на чужбинѣ, въ Пелопоннесѣ.

Въ такомъ приблизительно видѣ предстаетъ предъ нами исторія внѣшней дѣятельности мыслителя, если мы, отбросивъ многочисленныя легендарныя подробности, какими, на основаніи стоустой народной молвы, изукрасили его біографію позднѣйшіе писатели, постараемся выдѣлить изъ нея зерно исторической истины. Теперь мы можемъ обратиться къ разсмотрѣнію внутреннихъ мотивовъ указанной дѣятельности, чтобы, по мѣрѣ силъ, пролить нѣкоторый свѣтъ на эту поразительную личность.

Итакъ, прежде всего, съ какими идейными теченіями приходилось сталкиваться Эмпедоклу въ эпоху демократіи, и какое вліяніе оказали они на его духовный складъ? О главнѣйшихъ изъ этихъ теченій мы уже упоминали: это, во-первыхъ, традиціонное, поэтически-религіозное міровоззрѣніе, которое, несмотря на измѣнившійся духъ времени, должно было располагать наибольшимъ кругомъ сторонниковъ, особенно среди сельскаго населенія; во-вторыхъ, догматическое интуитивно-метафизическое направленіе философской мысли, колыбелью котораго были греческія колоніи въ Малой Азіи; въ-третьихъ, направленіе критическое, разсудочное, возникшее въ формѣ реакціи противъ политизма и послужившее началомъ трезвому научному изслѣдованію.

¹⁾ См. выше стр. 12.

²⁾ Timaeus ap. Diog. Laert. 71 sq., 67.—Zeller, Ph. d. Gr. I*, 680.

Традиціонное міропониманіе поддерживалось, главнымъ образомъ, дѣятельностью странствующихъ пѣвцовъ, рапсодовъ-гомеровъ и находило свое внѣшнее выраженіе въ національномъ культѣ. Мы говорили о томъ, какимъ великолѣпіемъ обставлялся этотъ культъ въ предшествовавшую эпоху, особенно послѣ славной побѣды Сициліи надъ Карфагеномъ. Не менѣе блестящими религіозными празднествами завершилась и другая великая побѣда сицилійскихъ эллиновъ — побѣда надъ грознымъ внутреннимъ врагомъ, надъ выродившейся въ деспотизмъ тиранніей. Въ Сиракузахъ, въ ознаменованіе этого радостнаго событія, была воздвигнута колоссальная статуя Зевса-Избавителя, и былъ установленъ ежегодный „Праздникъ свободы“, *'Ελευθερία*, во время котораго приносилась въ жертву грандіозная гекатомба изъ 450 быковъ и устраивались торжественныя состязанія¹⁾.

Высокая эстетика національнаго культа, внѣ всякаго сомнѣнія, должна была сильно дѣйствовать на впечатлительное воображеніе Эмпедокла. Правда, его нѣжная, воспитанная на пифагорейскихъ идеалахъ, натура содрогалась при видѣ кровавыхъ жертвъ; но эта отталкивающая сторона компенсировалась для него неотразимымъ обаяніемъ поэзіи Гомера, который продолжалъ оставаться библіей народной религіи, и на внимательное изученіе котораго Эмпедокломъ указываютъ многочисленныя подражанія *Иліадѣ* и *Одиссеѣ* въ отдѣльныхъ выраженіяхъ и даже въ цѣлыхъ оборотахъ Эмпедокловыхъ поэмъ²⁾. Такимъ образомъ, Эмпедоклъ, не раздѣляя наивныхъ мифологическихъ вѣрованій, тѣмъ не менѣе до такой степени сроднился съ поэтическими представленіями политеизма, что никогда уже не могъ совершенно отрѣшиться отъ ихъ вліянія и отнести къ нимъ съ тѣмъ безусловнымъ отрицаніемъ и осужденіемъ, съ какимъ выступили противъ нихъ болѣе трезвые и односторонніе умы.

Интуитивно-метафизическое направленіе предшествовавшихъ Эмпедоклу мыслителей-систематиковъ мы охарактеризовали въ общихъ чертахъ во второй главѣ. Важнѣйшими представителями этого направленія были: такъ называемая Милетская школа, Пифагорейцы, Парменидъ и Гераклитъ. — Каждое изъ этихъ ученій оставило болѣе или менѣе глубокій слѣдъ въ мышленіи Эмпедокла, что и подало критикѣ поводъ считать его эклектикомъ, простымъ любителемъ и компиляторомъ чужой мудрости³⁾. Вопросъ

¹⁾ Holm, G. S. I, 250—251.

²⁾ Ср. комментаріи Diels'a.

³⁾ См. выше стр. 9—10.

о томъ, къ какому изъ этихъ ученій болѣе всего приближается ученіе Эмпедокла, поднимался неоднократно, и почти всякій разъ на него давались различные отвѣты: одни считаютъ Эмпедокла послѣдователемъ пифагорейской философіи, другіе — элейской; иные сближаютъ его воззрѣнія преимущественно съ космологическими гипотезами древнѣйшихъ Іонійцевъ; иные, по примѣру Платона ¹⁾, сопоставляютъ его прежде всего съ Гераклитомъ ²⁾. На нашъ взглядъ, Эмпедоклъ былъ чуждъ эклектизма, хотя въ его міросозерцаніи вошли многія черты изъ философіи указанныхъ мыслителей.

Всякій эклектизмъ необходимо предполагаетъ два условія: 1) живую воспримчивость къ чужимъ идеямъ, понятіямъ и представленіямъ и 2) отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, ограниченность личной творческой способности. Въ Эмпедоклѣ первое условіе было налицо, но второе, отрицательное условіе отсутствовало совершенно: Эмпедоклъ — авторъ оригинальнѣйшей философской системы, Эмпедоклъ — сдѣлавшій рядъ замѣчательныхъ научныхъ открытій, Эмпедоклъ — изобрѣтатель риторики — представляетъ столь яркій типъ творческаго гения, что говорить объ его эклектизмѣ можно не съ болѣе правомъ, чѣмъ объ эклектизмѣ Платона или Аристотеля. Знакомясь съ той или иной философской системой, онъ воспринималъ изъ нея то, что особенно поражало его умъ или воображеніе, но затѣмъ перерабатывалъ и претворялъ воспринятыя элементы мощью собственнаго философскаго мышленія и вводилъ ихъ въ свое міровоззрѣніе уже какъ неотъемлемое достояніе своего духа.

Мы не намѣрены перечислять здѣсь точки соприкосновенія между философской системой Эмпедокла и ученіями вышепоименованныхъ мыслителей, а укажемъ только на то общее впечатлѣніе, какое должны были произвести на него эти ученія. Ихъ дѣйствіе могло быть въ общемъ двояко. Съ одной стороны, постановка онтологической проблемы и разнообразныя попытки ея разрѣшенія возбуждали любознательность, вызывая философское „удивленіе“, а гениальная ~~блгк~~ первыхъ мыслителей, — проявлявшаяся въ томъ, что они, обладая ничтожнымъ запасомъ фактическихъ знаній, дерзали созидать грандіозныя космологическія системы, — невольно увлекала къ подражанію, зарождала въ пылливомъ и склонномъ къ теоретическому творчеству умѣ желаніе постигнуть тайну бытія, найти истинную первооснову всего сущаго, изобразить мірозданіе и весь

¹⁾ Soph. 242. D—E.

²⁾ Cp. Zeller. Ph. d. Gr. I^a. 742 ff.

ходъ вселенской жизни въ единой художественно-цѣльной картинѣ. Съ другой стороны, самая разнорѣчивость отвѣтовъ на одинъ и тотъ же вопросъ, односторонній догматизмъ и обусловленное этимъ послѣднимъ рѣзко отрицательное отношеніе другъ къ другу различныхъ философскихъ школъ и ихъ отдѣльныхъ представителей,—естественно, приводили къ скептической рефлексіи и оставляли чувство разочарованія въ познавательныхъ способностяхъ чловѣка вообще.

Однако одновременно съ такимъ разочарованіемъ усиливалось стремленіе самостоятельно разобраться въ этихъ сложныхъ, полныхъ захватывающаго интереса проблемахъ, трезво обсудить всѣ про и contra каждаго изъ предложенныхъ рѣшеній и, наконецъ, по мѣрѣ возможности, провѣрить и обосновать апріорныя умозаключенія на фактическихъ данныхъ, добытыхъ путемъ наблюденія надъ реальной дѣйствительностью. И подобное стремленіе могло явиться у Эмпедокла тѣмъ легче, что критическое направленіе мысли уже пустило въ ту пору глубокіе корни и имѣло цѣлый рядъ видныхъ представителей. Родоначальниками ихъ были философъ-сатирикъ Ксенофанъ и комическій поэтъ Эпихармъ, которыхъ мы встрѣчали въ числѣ лицъ, вращавшихся при дворѣ Герона.

Ксенофанъ можетъ считаться первымъ серьезнымъ представителемъ критицизма и научнаго рачіонализма на греческой почвѣ. Выступивъ въ роли безпощаднаго врага гомерово-гезіодовской міеологіи, онъ противопоставилъ политеизму національной религіи свой туманный пантеизмъ или, точнѣе, монотеистическій панкосмизмъ, а затѣмъ покинулъ область чистаго умозрѣнія и обратился къ естественно-научнымъ изслѣдованіямъ, стараясь обосновать свои натурфилософскія обобщенія на добытыхъ посредствомъ самостоятельнаго наблюденія данныхъ. Несмотря на высокое мнѣніе о своей „мудрости“,—которая, по его гордому слову, „лучше силы мужей и коней“, одержавшихъ побѣду въ состязаніи¹⁾,—и при всей рѣзости своихъ сужденій, Ксенофанъ чуждъ безусловнаго догматизма и, въ своихъ сѣтованіяхъ на недостоверность и ограниченность чловѣческаго познанія, напоминаетъ иногда скептиковъ. Однако, что онъ не терялъ вѣры въ непрерывный прогрессъ знанія, на это указываютъ слѣдующія замѣчательныя слова, подъ которыми не задумываясь могъ бы подписаться любой современный намъ ученый:

Смертнымъ узрѣть изначала всю истину не дали боги.

¹⁾ Diels fragm. 2.

Нѣтъ, но со временемъ сами, ища, достигаютъ познанья ¹⁾.

Эпихармъ продолжалъ разрушительную критику политеизма, начатую Ксенофаномъ, и способствовалъ дальнѣйшему развитію разсудочнаго направленія эллинской мысли.

Мы уже указывали на то, что Эпихармъ представлялъ талантъ въ высшей степени подвижный и разносторонній. Посвящая свои силы главнымъ образомъ поэзіи, онъ былъ извѣстенъ въ то же время какъ широко образованный мыслитель, изобрѣтательный филологъ, врачъ, ветеринаръ, снотолкователь и проч. ²⁾. Обладая энциклопедическими познаніями, Эпихармъ не былъ однако ученымъ-теоретикомъ: его „мудрость“, въ противоположность „мудрости“ Ксенофана, носила преимущественно практическій, прикладной характеръ. Свои философскія воззрѣнія онъ излагалъ въ удобопонятной афористической формѣ. Стиль его комедій отличался остроумными, бьющими на эффектъ, риторическими фигурами. Словомъ, Эпихармъ былъ изъ тѣхъ людей, которые умѣютъ показать товаръ лицомъ и навязать слушателю или читателю ту или иную идею даже помимо его воли. Ему приписываютъ, въ числѣ многихъ другихъ, слѣдующее знаменитое изреченіе:

Трезвымъ будь и вѣрь съ разборомъ: въ этомъ мудрости всей суть ³⁾.

Эти слова, вмѣстѣ съ приведеннымъ выше двустипшіемъ Ксенофана, могутъ служить девизомъ всего рассматриваемаго нами направленія мысли. Это уже—заря новаго времени, переходъ отъ мифологіи и полу-поэтической метафизики къ наукѣ.

И дѣйствительно, какъ мы отмѣтили во второй главѣ, такой переходъ не замедлилъ совершиться. Послѣ того какъ абстрактное мышленіе въ лицѣ Парменида стало въ явное противорѣчіе съ налично-данною дѣйствительностью, философіи не оставалось ничего другого, какъ совершенно измѣнить точку отправленія, перенеся ее изъ мистическаго тумана космологическихъ концепцій въ трезвую область наблюденія надъ реальными фактами. Критицизмъ и раціонализмъ широкой волной разлились по греческому міру и заполонили всѣ передовые умы.

При этомъ они распались на нѣсколько теченій, изъ которыхъ выдѣлились въ качествѣ основныхъ слѣдующія: 1) *раціонализмъ*

¹⁾ Diels fragm. 18: οὗτοι ἀπ' ἀρχῆς πάντα θεοὶ θνητοῖς ὑπέδειξαν, ἀλλὰ χρόνῳ ζητοῦντες ἐφευρίσκεισιν ἄμεινον.

²⁾ Holm, G. S. I, 237, 423 ff.

³⁾ Mullach v. 255: νᾶφε καὶ μέμνας' ἀπιστεῖν ἄρθρα ταῦτα τᾶν φρενῶν.

объективный мыслителей-ученыхъ, въ родѣ Анаксагора и Атомистовъ, и 2) *субъективный рационализмъ*, нашедшій свое выраженіе въ софистикѣ. Первый велъ свое начало главнымъ образомъ отъ Ксенофана, второй многими чертами напоминалъ Эпихарма. Къ этому послѣднему примыкало также и еще одно вновь народившееся явленіе умственной жизни—*риторика*, которой, на ряду съ софистикой, суждено было сыграть столь видную роль въ культурной исторіи античнаго міра.

Перечисляя различныя рационалистическія теченія, мы не хотимъ тѣмъ самымъ сказать, будто Эмпедоклъ уже въ началѣ своего общественнаго и научнаго поприща находился подъ ихъ прямымъ и непосредственнымъ воздѣйствіемъ. Подобное утвержденіе не имѣло бы подъ собой исторической почвы, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ представляло бы даже явный анахронизмъ. Такъ, на то или другое отношеніе Эмпедокла къ Анаксагору у насъ нѣтъ вполнѣ достовѣрныхъ указаній¹⁾. Демокритъ гораздо моложе Эмпедокла²⁾, и, слѣдовательно, изъ Атомистовъ Эмпедоклъ могъ знать развѣ только одного Левкиппа; но, какъ мы уже говорили раньше³⁾, личность предполагаемаго основателя атомизма окружена такимъ непроницаемымъ мракомъ, что даже самый фактъ ея историческаго существованія представляется спорнымъ. Дѣятельность софистовъ принадлежитъ своими главными моментами позднѣйшему времени, а исторію риторики древніе начинали именно съ самого Эмпедокла⁴⁾.

Тѣмъ не менѣе у насъ есть полное основаніе утверждать, что всѣ указанныя выше идейныя вѣянія въ той или иной формѣ коснулись Эмпедокла еще задолго до того времени, когда его міросозерцаніе сложилось окончательно. Анаксагоръ—старшій современникъ Эмпедокла⁵⁾, а согласно одному, правда, сомнительному извѣстію⁶⁾, и учитель его. Левкиппъ (если допустить его существованіе) также современникъ ихъ обоихъ⁷⁾. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно древнѣйшихъ представителей софистики, Протагора⁸⁾ и Горгія⁹⁾. При этомъ Протагоръ жилъ нѣкоторое время

¹⁾ Cp. Zeller, Ph. d. Gr. I⁴. 745. 917 ff.

²⁾ Ibidem 762 f.

³⁾ См. выше стр. 18, примѣч. 3.

⁴⁾ Aristoteles ap. Diog. Laert. VIII, 57.

⁵⁾ Aristot. Metaph. I, 3, 984^a 11.

⁶⁾ Alcidas ap. Diog. Laert. VIII, 56.

⁷⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 780.

⁸⁾ Ibidem 943 f.

⁹⁾ Ibidem 948 f.

въ Сициліи, а Горгій самъ былъ сицилійцемъ по происхожденію: родившись въ Леонтинахъ, онъ большую часть жизни провелъ на родномъ островѣ и, согласно многочисленнымъ свидѣтельствамъ ¹⁾, находился въ самыхъ близкихъ личныхъ отношеніяхъ къ Эмпедоклу. Насколько подходящую почву представляла Сицилія для софистики, видно также изъ того, что впоследствии она дала греческому міру еще одного именитаго софиста—соотечественника Эмпедокла, акрагантинца Полоса ²⁾, и, кромѣ того, ей же выпало на долю стать колыбелью риторики, этой родной сестры софистики.

Первые болѣе или менѣе замѣтные проблески риторики замѣчаются, какъ уже было сказано, въ комедіяхъ Эпихарма. Но самостоятельное значеніе искусство слова получило впервые благодаря старшему современнику Эмпедокла, сиракузянину Кораксу ³⁾, который не только началъ разработку теоріи политическаго и судебного краснорѣчія, но и съ успѣхомъ примѣнялъ свое искусство на практикѣ, особенно во время гражданскихъ смутъ, послѣдовавшихъ за низверженіемъ тиранновъ. Ученикъ Коракса, Тизій ⁴⁾, не удовольствовался дѣятельностью въ отчизнѣ, но, совершивъ цѣлый рядъ путешествій, ознакомилъ съ риторикой и другія страны эллинскаго міра. Вскорѣ, въ лицѣ ученика Эмпедокла, упомянутаго выше софиста Горгія ⁵⁾, риторика достигла уже своего высшаго развитія, сдѣлавшись самымъ распространеннымъ искусствомъ изъ всѣхъ, какія только были извѣстны древнему міру.

Такимъ образомъ, зародыши умственныхъ теченій, о которыхъ идетъ рѣчь, несомнѣнно, существовали раньше, нежели завершилось духовное развитіе Эмпедокла. Пусть новыя идеи не получили еще ко времени его философской ~~и~~ сознательной логической формулировки, пусть новыя принципы не были еще опредѣленнымъ образомъ установлены, но они уже носились въ воздухѣ, общественная атмосфера была насыщена ими, и, слѣдовательно, такіе люди, какъ Эмпедоклъ,—жившіе въ одномъ изъ важнѣйшихъ культурныхъ центровъ, стоявшіе во главѣ тогдашняго просвѣщеннаго общества и въ поискахъ за истиной чутко прислушивавшіеся ко всякому ори-

¹⁾ Satyrus ap. Diog. Laert. VIII, 58 sq; Quintil. III, 1, 9 и др. Cp. Zeller. Ph. d. Gr. I^a 949.

²⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I^a, 959 f.

³⁾ Holm. G. S. I, 255, 277 f., 434 f.

⁴⁾ Ibidem.

⁵⁾ Ibidem 278 ff., 435 f. — Zeller, Ph. d. Gr. I^a, 948 ff.

гинальному явленію въ области чувства и мысли¹⁾),—такіе люди, естественно, не могли не чувствовать приближенія столь недалекаго будущаго.

Въ какой же мѣрѣ былъ обвѣянъ духомъ этого будущаго Эмпедоклъ? Съ этимъ вопросомъ мы приступаемъ къ разсмотрѣнію личности и міросозерцанія Акрагантскаго мыслителя въ ихъ окончательномъ развитіи.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Основные черты міросозерцанія Эмпедокла.

Наиболѣе правильная оцѣнка человѣка должна состоять, очевидно, въ томъ, чтобы оцѣнивать его съ точки зрѣнія его собственныхъ стремленій, тѣхъ конечныхъ идеаловъ, какими онъ руководствуется въ своей дѣятельности. Какому богу мы служимъ, таковы мы и сами. Счастливый случай даетъ намъ возможность примѣнить этотъ критерій къ Эмпедоклу, такъ какъ въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ его поэмъ сохранилось нѣсколько цѣнныхъ указаній на этотъ счетъ. Такъ, фрагментъ 110 начинается слѣдующими многоговорящими словами:

Если, въ мои поученія увѣровавъ сердцемъ, ты станешь
Чистою мыслию ихъ созерцать съ благосклоннымъ вниманьемъ,
То несомнѣнно они на всю жизнь тебѣ будутъ опорой,
Множество также другихъ обратишь изъ нихъ цѣнныхъ стяжаній
и т. д.

Такимъ образомъ, Эмпедоклъ не только ожидаетъ отъ философин отвѣта на запросы ума, но и ищетъ въ ней общаго руководства для жизни какъ внутренней, такъ и внѣшней. Еще съ болѣею очевидностью обнаруживается это въ 111 фрагментѣ, представляющемъ настоящій *Exegi monumentum* философа-чудотворца. Его мудрость должна дать не простое удовлетвореніе любознательности и не одно только объективное знаніе ради знанія, но также

¹⁾ Вопросъ о путешествіяхъ Эмпедокла на Востокъ, кажется, нужно, вмѣстѣ съ Zeller'омъ (ibidem 745 ff.), рѣшить въ отрицательномъ смыслѣ. Вѣроятно, извѣстіе, передаваемое Плиніемъ (Hist. Natur. XXX, 1, 9), возникло по аналогіи съ разсказами о путешествіяхъ Пифагора, Демокрита и др. Во всякомъ случаѣ, дѣятельность Эмпедокла можно истолковать и не сближая его съ мудрецами Востока.

и превышающую силы обыкновенного смертного власть надъ природою, т. е. въ конечномъ результатѣ—личное счастье.

Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится изображеніе идеала мудреца во фрагментахъ 129 и 132. Идеальный мыслитель Эмпедокла „за десять или за двадцать людскихъ поколѣній провидитъ“; онъ „безъ труда созерцаетъ всѣ несчетныя міра явленія“; онъ „мыслей божественныхъ цѣннымъ владѣетъ богатствомъ“. Словомъ, это прежде всего умъ интуитивный, свободный отъ постоянной необходимости упорнаго труда и кропотливаго изслѣдованія, постигающій истину геніальнымъ прозрѣніемъ, свыше дарованнымъ наитіемъ.

Обычная человѣческая мудрость, несмотря на всю свою кичливость, далека отъ осуществленія подобнаго идеала. Отсюда постоянныя сѣтованія Эмпедокла на ограниченность нашего познанія. на то, что люди постигаютъ лишь „малый удѣлъ человѣческой жизни злосчастной“¹⁾, а не цѣлое. Самъ же онъ всѣми силами стремится къ постиженію именно этого цѣлаго. Правда, иногда, въ горькомъ сознаніи своей человѣческой немощи, онъ какъ будто отказывается отъ надежды познать истину во всей ея полнотѣ.

Нѣтъ, не заставитъ меня обольщеніе чести и славы

Въ мірѣ семъ тлѣнномъ,—смиренія дерзко нарушивъ предѣлы

Рѣчью грѣховною, къ мудрости горнимъ обителямъ воспрянуть²⁾.

Однако эти самыя слова доказываютъ, скорѣе, обратное, именно что Эмпедоклъ былъ неравнодушенъ къ „обольщенію чести и славы“ и въ глубинѣ души вѣрилъ въ возможность достиженія „мудрости горнихъ обителей“. Пусть онъ жалуется на то, сколь „скудными средства познанія нашимъ дарованы членамъ“³⁾; пусть скорбитъ о томъ, что полная истина „оку людскому не зрима..., ни уху не внятна, даже умомъ не объемлема“⁴⁾; пусть, наконецъ, онъ совѣтуетъ крайне осторожное отношеніе къ сбивчивымъ и противорѣчивымъ показаніямъ нашихъ чувствъ⁵⁾. Однако его естественный догматизмъ одерживаетъ верхъ надъ рекомендуемой имъ полу-скептической осмотрительностью: наставленія своей Музы онъ называетъ „правдивыми откровеніями“⁶⁾, истинность своего ученія о стихіяхъ—сопоставляетъ съ непреложностію „божественнаго глагола“⁶⁾ и т. п.

¹⁾ Фрагм. 2.

²⁾ Фрагм. 4.

³⁾ Фрагм. 2.

⁴⁾ Фрагм. 4.

⁵⁾ Фрагм. 5.

⁶⁾ Фрагм. 23.

Итакъ, для Эмпедокла конечная цѣль философской дѣятельности заключается въ томъ, чтобы: 1) объявъ геніальною мыслию всю вообще дѣйствительность какъ единое цѣлое, постигнуть сокровенный смыслъ мірового процесса во всей его полнотѣ, 2) привести свою жизнь во внутреннее согласіе съ построеннымъ такимъ образомъ міровоззрѣніемъ, наконецъ, 3) извлечь изъ своихъ познаній вѣдѣнію, осязательную пользу какъ для себя лично—путемъ снисканія себѣ „чести и славы“, такъ и для другихъ, помогая имъ въ борьбѣ съ враждебной природой и избавляя ихъ отъ печальныхъ послѣдствій того невѣдѣнія, на которое люди обречены благодаря ограниченности и несовершенству своихъ познавательныхъ способностей. Иначе говоря, философія, по Эмпедоклу, должна отвѣтить на всѣ запросы, привести къ равномѣрному удовлетворенію всѣхъ стремленій человѣка; она должна воздѣйствовать на все наше существо, должна слиться въ полную гармонію съ жизнью. Словомъ, философія для него неотдѣлима отъ жизни, она есть сама жизнь, ὁδὸς τε βίης¹⁾ чуть-ли не въ бѣльшей степени, чѣмъ для самихъ Пифагорейцевъ.

Но могъ ли Эмпедоклъ осуществить подобный идеалъ? Гдѣ было искать вполне убѣдительнаго отвѣта на безконечно разнообразныя запросы пытливаго ума? Въ чемъ могла обрѣсти „опору на всю жизнь“ его воспріимчивая, увлекающаяся, вѣчно-подвижная натура?

Вообще говоря, существовало три источника, въ которыхъ можно было пытаться найти подобную опору. Это—1) перечисленные нами выше направленія философской и религіозной мысли; 2) общественная среда, жизнь въ широкомъ смыслѣ; 3) собственный духъ мыслителя. Итакъ, прежде всего, могли ли дать ему такую опору существовавшія въ то время духовныя теченія? Очевидно, нѣтъ—и именно потому, что, съ одной стороны, эти теченія были слишкомъ многочисленны, разнообразны и взаимно-противорѣчивы, съ другой-же—Эмпедоклъ отъ природы былъ слишкомъ чутокъ и разностороненъ для того, чтобы беззавѣтно отдаться служенію одной идеѣ, при наличности многихъ другихъ,—слишкомъ вдумчивъ и склоненъ къ рефлексіи для того, чтобы безповоротно и всѣмъ существомъ примкнуть къ тому или иному направленію изъ нѣсколькихъ одновременно существующихъ. Мы особенно подчеркиваемъ это соотношеніе между духовнымъ складомъ Эмпедокла и тогдаш-

¹⁾ Platon. De Rep. X, 600, A.

нимъ умственнымъ состояніемъ Эплады, такъ какъ, на нашъ взглядъ, въ этомъ роковомъ соотношеніи и заключалась одна изъ важнѣйшихъ причинъ неудовлетворенности Эмпедокла, внутренній трагизмъ его личности; тамъ же слѣдуетъ искать ключа къ разгадкѣ многихъ странностей и противорѣчій въ его ученіи.

Въ самомъ дѣлѣ, живи Эмпедоклъ въ другое время, съ болѣе опредѣленными и устойчивыми идеалами, съ болѣе согласнымъ теоретическими и практическими стремленіями, или представляй онъ самъ болѣе объективную, цѣльную и уравновѣшенную натуру, его міросозерцаніе, несомнѣнно, отличалось бы несравненно большей послѣдовательностью, получило бы ту внутреннюю стройность и законченность, отсутствіе которыхъ придаетъ ему столь своеобразный характеръ и навлекаетъ на мыслителя незаслуженный упрекъ въ эклектизмѣ. Но переживая моментъ кризиса, перелома въ духовномъ развитіи эллинскаго міра вообще и родной ему Сициліи въ частности и будучи самъ во многихъ отношеніяхъ типичнымъ представителемъ переходной эпохи, яркимъ выразителемъ „безвременья“, онъ и сталъ тѣмъ полу-мистикомъ, полу-раціоналистомъ, какимъ не безъ основанія считаетъ его современная критика¹⁾. Ему предстояло выбирать между старымъ догматическимъ и наивно-поэтическимъ міропониманіемъ и новымъ разсудочнымъ направленіемъ: но онъ такъ и не рѣшился на тотъ или иной выборъ, а пошелъ среднимъ путемъ: его сердце осталось при старомъ, умъ же обратился къ новому. Такимъ образомъ, Эмпедоклъ всю свою жизнь оставался какъ бы современникомъ двухъ смежныхъ культурно-историческихъ эпохъ, напоминая въ этомъ смыслѣ двуликаго римскаго Януса: одинъ ликъ его былъ постоянно обращенъ въ туманную даль мистическаго прошлаго, другой—въ трезвую область раціоналистическаго будущаго. И эти стороны слились въ немъ до такой степени, что нѣтъ возможности отдѣлить одну отъ другой, не искажая тѣмъ самымъ ихъ обѣихъ. Истина научно-философская столь же цѣнна и привлекательна для его ума, какъ истина религіозная или даже просто поэтическая для его чувства. Поэтому, гдѣ оказывается недостаточной одна, тамъ выступаетъ другая: гдѣ нѣтъ мѣста для отвлеченнаго понятія, тамъ приходитъ на смѣну интуитивная идея, художественная концепція или даже обыкновенное представленіе, конкретный образъ.

Такимъ образомъ, Эмпедоклъ не могъ найти твердой опоры на всю жизнь ни въ научно-философскихъ, ни въ поэтически-ре-

¹⁾ См. выше главу первую.

лигіозныхъ воззрѣніяхъ своего времени. Еще менѣе могла ему дать въ этомъ отношеніи жизнь общественная. Правда, послѣ великой побѣдоносной борьбы съ Карфагеномъ, онъ поддался общему тогда чувству воодушевленія и увлекся, какъ мы видѣли, политической и государственной дѣятельностью, выступивъ въ роли убѣжденнаго и энергичнаго борца за свободу, за демократическіе идеалы. Однако это увлеченіе не было, повидимому, увлеченіемъ партійными интересами ради нихъ самихъ. Если Эмпедоклъ, по характеру своей личности, не могъ быть фанатическимъ приверженцемъ того или иного философскаго ученія, то тѣмъ болѣе нельзя было ожидать отъ него безавѣтной преданности какой-либо одной политической партіи. Поэтому скорѣе слѣдуетъ допустить, что онъ примкнулъ къ передовому лагерю не по узко-политическому убѣжденію, а по общему сочувствію идеѣ демократіи, съ ея свободой мысли и слова, съ ея индивидуализмомъ, съ ея уваженіемъ къ личному счастью. Не лишентъ въ этомъ смыслъ значенія также и тотъ фактъ, что уже отецъ его, Метонъ, былъ, какъ мы знаемъ, убѣжденнымъ демократомъ.

Во всякомъ случаѣ, не подлежитъ сомнѣнію, что наблюденіе надъ тогдашними политическими и социальными отношеніями и участіе въ общественной жизни Сициліи не могли оказать умиротворяющаго дѣйствія на душевное настроеніе Эмпедокла. Мы уже описывали выше безконечныя внутреннія неурядицы, безпрестанно возникавшія на островѣ вслѣдъ за низверженіемъ тиранніи. Слишкомъ вѣрный символъ хаотическаго состоянія, въ какомъ находилась въ то время родина Эмпедокла, мы находимъ на сиракузскихъ монетахъ, гдѣ тогдашнее народовластіе аллегорически изображено въ видѣ коня, бѣгущаго безъ узды ¹⁾. При такихъ условіяхъ, сохраненные преданіемъ факты, будто Эмпедоклъ лишился въ концѣ концовъ популярности и былъ изгнанъ или даже добровольно покинулъ родину,—представляются вполне естественными. А что онъ и раньше, задолго до этихъ событій, не могъ находить удовлетворенія въ политической дѣятельности, это съ полною очевидностью вытекаетъ изъ разсмотрѣнія того, насколько созданный имъ идеаль человѣческаго общества ²⁾ далекъ какъ по существу, такъ и по формѣ отъ тогдашней сицилійской демократіи.

¹⁾ См., напримѣръ, изображеніе такой монеты у Holm'a, въ приложеніи къ третьему тому его *Gesch. Sic. im Alt.* (Lpz. 1898), табл. V, № 6.

²⁾ Фрагм. 128, 130.

Не встрѣтивъ воплощенія своего жизненнаго идеала во внѣшнемъ мірѣ,—ни въ религіи, ни въ философіи, ни въ общественной средѣ,—Эмпедоклъ сталъ искать его въ мірѣ внутреннемъ. Такимъ образомъ, онъ обратился къ третьему и послѣднему изъ указанныхъ выше источниковъ: къ нѣдрамъ своего собственнаго духа. Однако онъ не сдѣлался мечтателемъ въ настоящемъ смыслѣ слова: точкой отправленія для него служилъ все-же реальный, объективный міръ въ самомъ широкомъ значеніи этого понятія. Только Эмпедоклъ идеализировалъ его, раздвигая его предѣлы во времени и въ пространствѣ и рассматривая его теперешнее состояніе лишь какъ мимолетное явленіе въ безконечномъ процессѣ вселенской драмы. Словомъ, Эмпедоклъ и здѣсь остался вѣренъ своему характеру, универсальности своихъ интересовъ и стремленій: и здѣсь онъ избралъ средній путь между научнымъ изслѣдованіемъ и поэтическимъ творчествомъ, между систематической работой трезваго мышленія и игрою пылкаго воображенія.

Историческая дѣйствительность, въ которой жилъ Эмпедоклъ, была настолько подвижна и ярка, что онъ, естественно, не могъ согласиться съ Парменидомъ, т. е. признать ее простымъ обманомъ чувствъ,—а, напротивъ, исходитъ въ своихъ философскихъ построеніяхъ именно изъ нея, прямо перенесъ въ свою систему два важнѣйшихъ агента этой дѣйствительности—любовь и вражду: первая была рѣдкимъ явленіемъ и предносилась его сознанію въ формѣ идеала, вторую онъ постоянно видѣлъ вокругъ себя. Подобное заключеніе отъ функций микрокосма къ функциямъ макрокосма, отъ фізіо-и психо-логіи къ космологіи, не было новостью въ греческой философіи. Любовь какъ вселенскій факторъ выступаетъ уже у Гезіода¹⁾, а затѣмъ, въ образѣ міроуправляющей богини, у Парменида²⁾. Сюда же, повидимому, нужно отнести и Гармонію Пифагорейцевъ³⁾. Концепція Раздора, Вражды, какъ принципа космогоническаго, ведетъ свое начало отъ Анаксимандра⁴⁾. Но наиболѣе рѣшительно долженъ былъ повліять на Эмпедокла въ этомъ смыслѣ Гераклитъ. Изреченіе Эфесскаго мыслителя: „Борьба есть право міра, отецъ и царь всего“⁵⁾—было полнымъ выраженіемъ той политической и соціальной розни, среди которой воспитался и дѣй-

¹⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I*, 70 f.

²⁾ Ibidem 522 f.

³⁾ Ibidem 328 f.

⁴⁾ Burnet 245.

⁵⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I*, 596 f.

ствовали Эмпедокль. А своеобразная концепція мірового потока должна была еще болѣе утвердить его въ стремленіи отдать себѣ отчетъ въ томъ, что такое эта вѣчно-текучая, лишенная всякой устойчивости, реальная дѣйствительность. Глядя на свою родину, раздраемую постоянными смутами и борьбою партій, Эмпедокль скорбѣлъ духомъ и мысленно созидалъ по контрасту съ тѣмъ, что его окружало, идеалъ блаженнаго существованія: такъ, мало-по-малу міръ, въ которомъ онъ жилъ, сталъ рисоваться ему въ образѣ царства дикой, безумной Вражды или Ненависти, а самъ онъ сталъ мечтать о томъ благословенномъ времени, когда „повсюду любовь процвѣтала и дружба“¹⁾.

И чѣмъ сильнѣе привязывался Эмпедокль къ своему утопическому идеалу, чѣмъ искреннѣе становилась его вѣра въ существованіе золотого вѣка, тѣмъ чаще и неотвязнѣе долженъ былъ возникать предъ нимъ вопросъ: откуда у него явилось знаніе обо всемъ этомъ, и почему такимъ знаніемъ не обладаютъ всѣ? Въ этой мысли уже скрывался зародышъ его будущаго самообожествленія. Скомбинировавъ вышеуказанныя соображенія съ хорошо знакомымъ ему, еще со временъ дѣтства, орфико-пифагорейскимъ ученіемъ о душепереселеніи, Эмпедокль получилъ въ основныхъ чертахъ всю нравственно-религіозную часть своей системы, съ ея демонологіей, метемпсихозомъ, нравственно-обрядовыми предписаніями и т. п. При этомъ необходимо обратить вниманіе на одну подробность въ ученіи Эмпедокла о душепереселеніи. Относящіеся сюда фрагменты 146—147 гласятъ слѣдующее:

Такъ происходятъ изъ нихъ (*демоновъ, переживающихъ послѣднія
стадіи метемпсихоза*) прорицатели, или поэты,

Или врачи, или вожди—у людей, населяющихъ землю.

Тѣ же къ богамъ многочтимымъ возносятся въ новомъ рожденіи.

.....

Купно съ другими безсмертными столъ и очагъ раздѣляя,

Скорбей не зная людскихъ, не вѣдая смерти, ни боли....

Если мы припомнимъ разностороннюю дѣятельность Эмпедокла, то намъ не можетъ не броситься въ глаза фактъ, что Эмпедокль самъ въ дѣйствительности былъ одновременно всѣмъ тѣмъ, что обѣщаетъ онъ постепенно очищающимся демонамъ: онъ былъ и прорицателемъ, и поэтомъ, и врачомъ, и вождемъ (*πρόμος*), и еще

¹⁾ Фрагм 130.

многимъ другимъ вдобавокъ. Словомъ, ему оставался только одинъ шагъ до блаженнаго сожителства съ богами, и онъ уже здѣсь, на землѣ, былъ почти богомъ. Таково, кажется, наиболѣе естественное объясненіе пресловутаго аутоапоеоза Эмпедокла.

Разъ ступивъ на этотъ путь, Эмпедоклъ пошелъ по нему дальше. Если онъ переживаетъ высшую на землѣ стадію душепереселенія, если онъ—полу-богъ, обладающій многими познаніями, недоступными обыкновеннымъ смертнымъ, то, естественно, ему должна быть присуща и бѣльшая сила, сверхчеловѣческая власть надъ природой. Отсюда—его чародѣйство и чудотворство, разсказами о которыхъ такъ изобилуетъ его біографія. Впрочемъ, къ вѣрѣ въ чары Эмпедоклъ могъ прійти и другимъ путемъ, такъ какъ возможность волшебнаго воздѣйствія логически вытекаетъ изъ основоположеній его физическаго ученія. Мы имѣемъ въ виду: перенесеніе въ космологію психологическихъ факторовъ—Люби и Ненависти; теорію четырехъ мірообразующихъ элементовъ, входящихъ въ различныхъ пропорціяхъ въ составъ всѣхъ вещей; и, наконецъ, примыкающее къ ней ученіе о притяженіи подобнаго подобнымъ. Коль скоро все существующее въ мірѣ слагается изъ извѣстнаго, строго опредѣленнаго числа стихій, и коль скоро взаимодѣйствіе между этими стихіями, а слѣдовательно, и между состоящими изъ нихъ вещами, опредѣляется отношеніями Люби и Ненависти, притяженія и отталкиванія,—то, очевидно, стоить только дойти до опредѣленія состава данной вещи, чтобы получить возможность вліять посредствомъ нея на окружающую дѣйствительность непонятнымъ и таинственнымъ для непосвященныхъ способомъ. Благодаря всему этому, Эмпедоклъ считался въ древности однимъ изъ столповъ магической науки, причемъ особенно важную роль въ послѣдующей исторіи магіи сыграло введенное имъ различеніе добрыхъ и злыхъ демоновъ.

Мистическій взглядъ на свое „я“, какъ на существо высшаго порядка, стоящее на рубежѣ земной дѣйствительности, на границѣ между міромъ людей и боговъ, повлекъ за собою много и другихъ слѣдствій. Такъ, въ несомнѣнной связи съ нимъ стоитъ вся проповѣдническая и пророческая дѣятельность Эмпедокла, его торжественный, полный величавой риторики, жреческій тонъ, наконецъ, даже внѣшняя, стихотворная форма, въ которую онъ облакалъ свое ученіе. Правда, эта послѣдняя имѣетъ свое основаніе также и въ томъ, что Эмпедоклъ, какъ мы неоднократно отмѣчали, былъ по природѣ склоненъ къ поэтическому творчеству. Однако, при внимательномъ взглядѣ на дѣло, нетрудно замѣтить, что стихотворная

форма въ данномъ случаѣ находится въ полномъ соотвѣтствіи съ духомъ разсматриваемыхъ произведеній, съ общими цѣлями и намереніями ихъ автора. Эмпедоклъ, не будучи самъ, въ душѣ, послѣдовательнымъ догматикомъ, предъ лицомъ своихъ слушателей является во всемъ величіи обладателя истины. Онъ не столько разсуждаетъ, сколько вѣщаетъ отъ лица вдохновившей его Музы; онъ рѣдко прибѣгаетъ къ доказательству, почти всегда имѣя въ виду дать наставленіе. Поэтому, кто хочетъ быть его послѣдователемъ, тотъ долженъ принять его ученіе въ томъ видѣ, какъ оно есть, не внося въ него ни малѣйшихъ измѣненій. А для такой цѣли наиболѣе пригодна именно стихотворная форма, придающая каждой мысли характеръ незыблемаго положенія, самостоятельнаго, замкнутого въ себѣ афоризма.

Въ такомъ приблизительно видѣ представляется намъ генезисъ догматической, мистической и нравственно-религіозной стороны въ міровоззрѣніи и дѣятельности Эмпедокла. Параллельно и въ тѣсной связи съ этимъ процессомъ шло развитіе и тѣхъ сторонъ духа мыслителя, которыя заставляли его тяготѣть къ новому направленію, т. е. трезваго логическаго мышленія и научной любознательности. Такимъ образомъ, рядомъ съ Эмпедокломъ-мистикомъ выросталъ Эмпедоклъ-фізіологъ, одновременно съ ѳауматургіей чародѣя-цѣлителя и чудотворца развертывалась дѣятельность ученаго врача и инженера.

Въ своемъ физическомъ ученіи, какъ и во всемъ другомъ, Эмпедоклъ обнаруживаетъ наклонность къ всеобъемлющему синтезу, къ соглашенію разнородныхъ понятій и представленій, къ одновременному признанію истинности за различными точками зрѣнія. Укажемъ, для примѣра, на его отношеніе къ понятіямъ возникновенія и прехожденія, движенія и измѣненія, на его теорію четырехъ элементовъ, на введеніе двухъ движущихъ силъ — центро-стремительной и центробѣжной, Любви и Ненависти, на ученіе о круговоротѣ міровыхъ періодовъ и проч. и проч. Всѣ эти воззрѣнія представляютъ въ большей или меньшей степени синтезъ воззрѣній древнѣйшихъ мыслителей: Фалеса, Анаксимандра, Ферекида, Анаксимена, Пифагорейцевъ, Парменида, Гераклита и др. Однако, строя свою космологическую и фізіологическую систему, Эмпедоклъ пользовался воззрѣніями своихъ предшественниковъ и собственными естественно-научными наблюденіями лишь въ качествѣ матеріала. Высшими же, руководящими принципами и здѣсь служили для него не постулаты теоретической мысли, не раціональныя, логическія понятія, а тѣ самыя наглядныя, навѣянные чувствомъ, пред-

ставленія. интуитивныя идеи, которыя нашли себѣ полное выраженіе въ этической части его ученія.

Въ этой особенности духовнаго склада и скрывается, какъ мы уже имѣли случай указывать, источникъ многихъ странностей и противорѣчій въ системѣ Эмпедокла. Глубокомысленный взглядъ Канта, что теоретическій разумъ человѣка подчиненъ практическому, всецѣло примѣнимъ къ Акрагантскому мыслителю. Теоретическій разумъ Эмпедокла стремится вывести всякое бытіе изъ простаго соединенія и раздѣленія четырехъ качественно-неизмѣнныхъ „корней всего сущаго“¹⁾, стихій, т. е. со строгою послѣдовательностью построить чисто механическое міропониманіе. Но—является *sylogismus practicus*, умозаключеніе отъ инстинктивнаго стремленія, безотчетнаго желанія,—и ясная, трезвая и сухая матеріалистическая система подергивается мистическимъ туманомъ, приспособляясь не только къ требованіямъ анализирующаго ума, но и къ чаяніямъ сердца. Вслѣдствіе этого міровоззрѣніе Эмпедокла, какъ и все его существо, запечатлѣно своеобразнымъ антитетикальнымъ характеромъ, проникнуто духомъ постоянного внутренняго противоположенія.

Такъ, рядомъ съ многократными заявленіями о томъ, что все вообще существующее состоитъ изъ матеріальныхъ стихій и разлагается на нихъ безъ всякаго остатка²⁾, мы встрѣчаемся съ мистико-поэтическими концепціями „великой клятвы“³⁾, „судьбы“⁴⁾, „святого, несказаннаго духа“⁵⁾ и т. п. Говоря о „великой клятвѣ“ и „судьбѣ“, Эмпедоклъ, повидимому, платитъ дань своему увлеченію старымъ мифологическимъ міропониманіемъ; концепція же „святого, несказаннаго духа, отъ вѣка обѣгающаго быстрыми мыслями вкругъ мірозданья“, очевидно, навѣяна монотеистическимъ умозрѣніемъ Ксенофана⁶⁾. Воспринявъ однажды эти идеи поэтическимъ чувствомъ, Эмпедоклъ уже не могъ отрѣшиться отъ нихъ и въ области трезвой мысли.

Подобныхъ примѣровъ можно привести множество.

Зевсъ, какъ извѣстно, считался у грековъ богомъ разумаго устройства міра, мудрымъ царемъ земли и неба. И однако люди золотого вѣка не знали его.

¹⁾ Фрагм. 6.

²⁾ Фрагм. 21, 23 и др.

³⁾ Фрагм. 30, 115.

⁴⁾ Фрагм. 103, 115.

⁵⁾ Фрагм. 134.

⁶⁾ Diels fragm. 23 sqq.—Zeller, Ph. d. Gr. I*, 488 ff.

Вовсе не знали они ни Войны, ни Смятенія битвы.
 Зевса не знали царя, Посидона не знали, ни Кропа,
 Но лишь Киприду царицу¹⁾.

Иными словами, не въ интеллектуальной дѣятельности, не въ разумности находили они свое блаженство, но въ непосредственности чувства, въ любви. Такимъ образомъ, изображаемый здѣсь идеалъ счастья эмоционально-эстетическій, а не рационально-теоретическій, что, однако, не мѣшаетъ Эмпедоклу томиться искренней жаждою знанія и горько сѣтовать на ограниченность познавательныхъ способностей человѣка²⁾.

Смерть, согласно категорическому заявленію Эмпедокла, есть не что иное, какъ расторженіе частицъ стихій, изъ которыхъ состоитъ живое существо.

. Въ мірѣ семь тѣлнномъ
 Нѣтъ никакого рожденія, какъ нѣтъ и губительной смерти:
 Есть лишь смѣшеніе одно съ различеніемъ того, что смѣшалось.
 Что и зовутъ неразумно рожденіемъ темные люди³⁾.

Между тѣмъ, даже оставляя въ сторонѣ мистическую доктрину душепереселенія, мы встрѣчаемся съ указаніями на совершенно иное воззрѣніе на смерть въ такихъ фрагментахъ, гдѣ Эмпедоклѣ стоитъ, повидимому, всецѣло на почвѣ своего физическаго ученія. Такъ, во фрагментѣ 15 мы читаемъ:

Мудрый мужъ никогда въ своемъ сердцѣ того не помыслить.
 Будто жизни предѣлъ въ томъ, что жизнью зовемъ мы, положень
Смертными добрыми и злыми; и что, прежде чѣмъ плоть сотво-
 рилась.

Были всѣ люди ничто, и въ ничто они вновь разрѣшятся.

Въ означенныхъ курсивомъ словахъ, несомнѣнно, просвѣчиваетъ моральный постулатъ, чаяніе загробнаго воздаянія по заслугамъ cadaго. Любопытны также въ этомъ отношеніи заключительныя слова фрагмента 9:

Что бы за смѣсь ни явилась на свѣтъ: человѣкъ или птица,
 Дикій ли звѣрь или кустъ,—все равно неразумные люди

¹⁾ Фрагм. 128.

²⁾ Фрагм. 2 и др.

³⁾ Фрагм. 8.

То происшедшимъ зовутъ; когда жъ разрѣшится на части
Тлѣнная тварь, то *губительной смертью они прозываютъ*.
Древній обычай храня, и я самъ ему слѣдовать буду.

Традиционный взглядъ на смерть—какъ на переходъ въ невѣдомый, таинственный міръ—гораздо привлекательнѣе для поэтической натуры Эмпедокла, чѣмъ его собственное физиологическое объясненіе смерти.

Жизнь представляется Эмпедоклу тяжкимъ скитальчествомъ, сплошною мукой, владычествомъ лютой Вражды¹⁾; болѣе чистая область бытія начинается лишь за луною²⁾; видимый же міръ „не-чистъ“³⁾; подлунная—„долъ безотрадный“, полный всевозможныхъ ужасовъ и бѣдствій⁴⁾. И въ то же время—какое глубокое чувство природы обнаруживаетъ онъ, напр., въ 21 фрагментъ:

Вотъ предъ тобою горячее и лучезарное солнце,
Вотъ и бессмертная высь, сіяніемъ дня залитая,
Вотъ и дождемъ нисходящая темная, хладная влага.
Вотъ и въ землѣ сокровенное твердое міра начало

и проч..

или съ какою наглядностью, поэтической образностью и любовью описываетъ онъ устройство глаза въ 84 фрагментъ!

Эмпедоклъ—полубогъ, которому открыта тайна міровой загадки⁵⁾; его устами глаголетъ божественная Муза⁶⁾; онъ увѣренъ въ томъ, что въ его словахъ содержится истина:

Други, я знаю, что истину тѣ заключаютъ глаголы,
Нынѣ которые вамъ я повѣдаю

и т. д.⁷⁾.

Несмотря на это, его посѣщаетъ горькое раздумье, близко напоминающее по мысли первый монологъ гётевскаго Фауста:

Стоить ли мнѣ говорить, какъ о дѣлѣ великомъ и важномъ,
Если я смогу превзойти удрученныхъ напастью смертныхъ?⁸⁾

¹⁾ Фрагм. 115.

²⁾ Hippol. Refut. I. 4. 3.

³⁾ Фрагм. 35.

⁴⁾ Фрагм. 121.

⁵⁾ Фрагм. 110, 111, 112.

⁶⁾ Фрагм. 4, 5, 23, 131.

⁷⁾ Фрагм. 114.

⁸⁾ Фрагм. 113.

И чѣмъ чаще являлось подобное раздумье, чѣмъ рѣзче выступала противоположность между мечтою и ея осуществленіемъ, между идеаломъ и дѣйствительностью,—тѣмъ сильнѣе становился разладъ между различными сторонами духа мыслителя, и тѣмъ грустнѣе звучала пессимистическая струна въ его міровоззрѣніи. По свидѣтельству Діогена Лаэртія ¹⁾, Эмпедоклъ неизмѣнно сохранялъ угрюмый видъ. Аристотель ²⁾ причисляетъ его къ меланхоликамъ вмѣстѣ съ Платономъ, Сократомъ и другими. Существуютъ разсказы о самоубійствѣ Эмпедокла: по однимъ, онъ бросился въ кратеръ Этны ³⁾, по другимъ—повѣсился ⁴⁾. Послѣ всего сказаннаго выше намъ понятна причина его меланхоліи. Знаменательно при этомъ сопоставленіе Эмпедокла съ Платономъ и Сократомъ. Смыслъ его, очевидно, тотъ, что Эмпедоклъ, подобно Платону и Сократу, былъ склоненъ къ рефлексіи, переживалъ постоянные повороты духа на свои соотвенныя состоянія. Полную противоположность ему въ этомъ отношеніи представляли лица, подобныя Демокриту и Анаксагору. Это были объективныя, прямолинейныя, цѣльныя натуры: ихъ духовный взоръ былъ обращенъ главнымъ образомъ ко-внѣ, а не во-внутрь. Въ полномъ соотвѣтствіи съ этимъ находится преданіе о томъ, что Демокритъ отличался рѣдкой веселостью нрава ⁵⁾; въ Анаксагорѣ же жажда знанія настолько перевѣшивала всѣ остальные физическіе и духовные интересы, что умственная дѣятельность доставляла ему, повидимому, полное удовлетвореніе ⁶⁾. Поставивъ своей жизненной задачей построеніе системы научнаго знанія, Анаксагоръ и Демокритъ съ каждымъ новымъ наблюденіемъ, съ каждымъ теоретическимъ открытіемъ приближались къ своей цѣли. Напротивъ, въ полу-мистическое, полу-раціоналистическое міровоззрѣніе Эмпедокла всякое научное завоеваніе вносило только новый диссонансъ.

Что это было именно такъ, и что, при всей любознательности Эмпедокла, чисто-теоретическіе интересы не были въ немъ преобладающими,—это видно хотя бы изъ слѣдующаго. Вынужденный подѣ

¹⁾ VIII, 73.

²⁾ Probl. XXX, 1. 953^a 26.

³⁾ Hippobotus et Diodorus ap. Diog. Laert. VIII, 69 sq.—Horat. Art. Poet. 464 sqq.

⁴⁾ Demetrius ap. Diog. Laert. VIII, 74.

⁵⁾ Horat. Epist. II, 1. 194 sqq.—Juvenal. Sat. X. 33 sqq.—Senec. De ira II. 10.—Hippol. Refut. I, 12.

⁶⁾ Platon. Hipp. Maj. 283, A.—Diog. Laert. II, 6 sq.—Cp. Zeller, Ph. d. Gr. I^a. 870 f.—Tannery 275—276.

конецъ жизни покинуть родину, Эмпедоклъ переселился въ Пелопоннесъ¹⁾, а не въ Аѣины, какъ то дѣлали многіе другіе извѣстные намъ мыслители Запада. Очевидно, Аѣины, съ ихъ тогдашнимъ направлениемъ мысли и дѣятельности, были ему не по сердцу. несмотря на ихъ демократическій строй,—горячимъ сторонникомъ котораго Эмпедоклъ былъ у себя на родинѣ, и при которомъ онъ могъ блестящимъ образомъ использовать свой риторическій талантъ.

Любопытный pendant къ этому мы находимъ въ извѣстіи о томъ, что трагикъ Эсхилъ неоднократно выѣзжалъ изъ Аѣинъ въ Сицилію, пока, наконецъ, не переселился въ нее окончательно (459 г. до Р. Хр.)²⁾. Въ древности никакъ не могли понять причины его охлажденія къ умственной столицѣ эллинскаго міра и терялись въ догадкахъ на этотъ счетъ³⁾. Однако уже самая многочисленность догадокъ и предположеній указываетъ на то, что поиски производились не тамъ, гдѣ бы слѣдовало: истинная причина не заключалась въ случайномъ стеченіи внѣшнихъ обстоятельствъ, а лежала глубже. Для величаваго трагика, преисполненнаго духомъ глубокаго благочестія и жившаго всѣмъ своимъ существомъ въ поэтическомъ мірѣ боговъ и героевъ, тогдашнія Аѣины, конечно, не представляли подходящаго мѣстопробыванія. Правда, четверть столѣтія спустя (434—3 до Р. Хр.)⁴⁾ Анаксагоръ былъ изгнанъ изъ Аѣинъ за отрицаніе государственныхъ боговъ, и еще въ началѣ IV вѣка въ тѣхъ же Аѣинахъ былъ казненъ Сократъ, обвиненный въ аналогичномъ преступленіи. Но эти факты не только не опровергаютъ нашего предположенія, а скорѣе подтверждаютъ его. Если въ Аѣинахъ реакція въ пользу стараго мифологическаго міропониманія была вынуждена прибѣгать къ столь крутымъ мѣрамъ, то этимъ доказывается не что иное, какъ именно широкое распространеніе новыхъ идей.

Описывая жизнь сицилійскаго общества въ эпоху тиранніи, мы имѣли случай говорить о возможности вліянія Эсхила на Эмпедокла и отмѣчали идейную близость между ними. Уже то обстоятельство, что преданіе приписываетъ Эмпедоклу сочиненіе трагедій, а не комедій, гимновъ, а не сатиръ⁵⁾,—характеризуетъ направленіе мысли Эмпедокла какъ такое, при которомъ онъ былъ болѣе склоненъ увлекаться Эсхиломъ и Пиндаромъ, чѣмъ Эпихармомъ и Ксенофаномъ.

¹⁾ Timaeus ap Diog. Laert. VIII, 67, 71.

²⁾ Holm, G. S. I. 231.

³⁾ Ibidem, 230.

⁴⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I*, *688.

⁵⁾ См. выше стр. 40.

Въ свѣтъ этого соображенія вышеприведенные факты—разрывъ Эсхила съ Аеинами и переселеніе Эмпедокла въ Пелопоннесъ—получаютъ для насъ особый интересъ. Если въ молодые годы мистикъ-дорянинъ и рационалистъ-іонянинъ были въ Эмпедоклѣ до известной степени уравновѣшены (напомнимъ, что населеніе Сициліи было смѣшанное, и что Эмпедоклѣ, будучи доряниномъ по происхожденію, писалъ языкомъ іонійскаго эпоса),—то съ теченіемъ времени, по мѣрѣ того какъ юношеская смѣлость мысли Эмпедокла ослабѣвала, а развѣтывавшаяся вокругъ него умственная жизнь уходила впередъ, дорійскій консерватизмъ и мистицизмъ должны были все болѣе и болѣе одерживать верхъ надъ іонійской пытливостью и трезвостью ума. Словомъ, съ годами Эмпедоклѣ все рѣшительнѣе и рѣшительнѣе отрывался отъ настоящаго и будущаго и все съ большею тоскою обращался къ прошедшему.

Е. Zeller представляетъ скептицизмъ и пессимизмъ Эмпедокла, какъ логическій выводъ изъ основоположеній его ученія¹⁾. На нашъ взглядъ, зависимость здѣсь прямо обратная: не потому Эмпедоклѣ страдалъ душою, что у него сложилось безотрадное міровоззрѣніе, а какъ разъ наоборотъ—потому у него и сложилось такое міровоззрѣніе, что онъ, въ силу различныхъ, указанныхъ выше, причинъ, не находилъ удовлетворенія въ окружавшей его дѣйствительности. Мы нарочно подчеркиваемъ это соображеніе въ виду важности его для пониманія нѣкоторыхъ основныхъ пунктовъ въ философской системѣ Эмпедокла.

Таковы, напримѣръ, остающіеся до сихъ поръ открытыми вопросы—о золотомъ вѣкѣ и о томъ, въ которомъ изъ четырехъ или, вѣрнѣе, изъ двухъ міровыхъ періодовъ мы живемъ: во второмъ или въ четвертомъ (принимая за первый, исходный періодъ—состояніе безразличія въ лонѣ Сфероса, а за третій—состояніе полного разложенія стихій подъ владычествомъ Вражды). Здѣсь не мѣсто входить въ подробное обсужденіе этихъ вопросовъ и потому мы ограничимся лишь краткимъ указаніемъ на нихъ.

Согласно наиболѣе распространенному толкованію²⁾, воззрѣніе Эмпедокла было таково, что мы переживаемъ четвертый міровой періодъ, періодъ возрастанія силы Любви и ослабленія дѣятельности Ненависти, иначе говоря, періодъ интеграціонной эволюціи. Между тѣмъ, англійскій ученый Burnet³⁾ выступилъ съ прямо противополо-

¹⁾ Ph. d. Gr. I⁴, 755 f. Cf. 728

²⁾ Zeller, Ph. d. Gr. I⁴, 710 f. и др. См. у Burnet'a 249¹⁷.

³⁾ 248 sqq.

ложнымъ взглядомъ, доказывая рядомъ остроумныхъ соображеній, что, по мысли Эмпедокла, нашъ періодъ—второй, въ которомъ Ненависть постоянно одерживаетъ верхъ надъ Любовью, словомъ, періодъ эволюціи дезинтеграціонной. Большое преимущество гипотезы Burnet'a состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что въ нее прекрасно укладывается представленіе о золотомъ вѣкѣ, тогда какъ, при первомъ толкованіи, для него не находится въ міровоззрѣніи Эмпедокла никакого мѣста, и оно остается висѣть въ воздухѣ, какъ лишній и совершенно непонятный придатокъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ, какъ сказано, остается спорнымъ до сихъ поръ, главнымъ образомъ, по недостатку положительныхъ данныхъ въ пользу того или иного рѣшенія. Между тѣмъ, если принять во вниманіе сдѣланныя выше замѣчанія о причинахъ неудовлетворенности Эмпедокла и о характерѣ его мечтаній,—то всякое затрудненіе исчезаетъ, и вопросъ рѣшается безъ труда и при томъ, можно смѣло утверждать, безповоротно въ пользу интерпретаціи Burnet'a. Видя, какъ соціальная Ненависть развѣдала его родину, и какъ его современники все болѣе и болѣе предавали забвенію завѣты старины, съ ея благочестіемъ и патріархальными обычаями,—Эмпедоклъ, естественно, переносилъ свой идеалъ блаженной жизни на землѣ не въ будущее, которое обѣщало быть чисто раціоналистическимъ, но въ далекое прошлое, откуда шло дорогое ему старое міропониманіе. Очевидно, такимъ образомъ, что золотой вѣкъ есть не что иное, какъ болѣе древняя, по сравненію съ нашею, эпоха второго мірового періода: Ненависть, правда, проникла уже въ нѣдра блаженнаго Сфероса и начала свою разрушительную, съ точки зрѣнія единого бытія, и творческую, съ точки зрѣнія органической жизни, работу; однако рѣшительный перевѣсъ продолжалъ пока оставаться на сторонѣ ея соперницы, и потому повсюду еще „любовь процвѣтала и дружба“.

Перенесясь мечтами въ идеальную область минувшаго, Эмпедоклъ клеймитъ современную ему дѣйствительность столь рѣзко пессимистическими эпитетами, какіе не встрѣчаются ни у кого изъ его предшественниковъ¹⁾. Земля—

. доль безотрадный,
Гдѣ и Убійство, и Злоба, и сонмы всѣхъ Бѣдъ смертоносныхъ.
Немошей, плоть изнуряющихъ, язвъ и бесплодныхъ страданій.
Пагубы вокругъ обѣгають обитель во мракѣ глубокомъ²⁾.

¹⁾ Ср. Rohde 178¹—179.

²⁾ Фрагм. 121.

Удѣлъ человѣка на землѣ—безпрерывная борьба и страданіе:

Горе, о горе тебѣ, злополучный и жалкій родъ смертныхъ:
Распрей и тяжкихъ стenanій исполненъ твой вѣкъ съ колыбели!¹⁾

Люди, для поддержанія жизни, пожираютъ другъ друга, не сознавая того, что дѣлаютъ:

Гдѣ же убійствамъ ужаснымъ предѣлъ? Неужели безпечный
Умъ вашъ не видитъ того, что другъ другу вы служите пищей?²⁾

Даже самое служеніе богамъ исполнено у нихъ кроваваго трагизма:

Милаго сына схвативъ, измѣнившаго образъ, родитель
Съ жаркой молитвой ножомъ поражаетъ, великій безумецъ!
Жертва съ молебью къ стопамъ припадаетъ, палачъ же, не внемля,
Пиршество гнусное въ домѣ изъ чада родного готовить.
Такъ же бываетъ, что сынъ изъ родителя или же дѣти
Душу исторгнувъ изъ матери, плоть пожираютъ родную³⁾.

Это послѣднее обстоятельство должно было особенно удручающе дѣйствовать на Эмпедокла: мы видѣли, что эстетика національнаго культа была дорога его поэтической натурѣ; между тѣмъ и отъ нѣкоторыхъ сторонъ этого культа вѣяло на него ужасомъ. Мы привыкли смотрѣть на проповѣдь вегетаріанизма какъ на разукрашенную риторическимъ паэосомъ, сухую, отвлеченную идею. Но перенесемся на минуту въ чуткую душу воспитаннаго въ пифагорейскихъ традиціяхъ мыслителя, взглянемъ на дѣло съ его реальной психологической стороны,—и мы поймемъ, что сѣтованія Эмпедокла на жизнь—не фальшивая слезливость моралиста, но искренній вопль наболѣвшей души.

Горе мнѣ! если бы день роковой ниспослалъ мнѣ кончину,
Прежде чѣмъ губы мои нечестивой коснулись пищи!⁴⁾

Сознавая себя „изгнанникомъ боговъ и скитальцемъ, яростной внявшимъ Враждѣ“⁵⁾, онъ восклицаетъ:

¹⁾ Фрагм. 124.

²⁾ Фрагм. 136.

³⁾ Фрагм. 137.

⁴⁾ Фрагм. 139.

⁵⁾ Фрагм. 115.

Горе мнѣ! чести какой и какого лишившись блаженства,
 Свергнутый нынѣ на землю, средь смертныхъ людей обращаюсь! ¹⁾
 Плакалъ я, горько рыдалъ, непривычную видя обитель! ²⁾

При такомъ настроеніи вполне естественно чувство состраданія къ страждущему человѣчеству, къ товарищамъ по „изгнанію и скитальчеству“. И дѣйствительно, у насъ есть прямые указанія на альтруизмъ чувствованій Эмпедокла. Такъ, описывая свои странствованія изъ города въ городъ въ роли тѣлеснаго и душевнаго цѣлителя, онъ говоритъ:

Сонмами женъ и мужей величаемый окрестъ грядущихъ,
 Въ грады цвѣтущіе путь направляю; они же за мною
 Слѣдуютъ всѣ, вопрошая, гдѣ къ пользѣ стезя пролегаетъ:
 Тѣ—прорицаній желаютъ, другіе отъ разныхъ недуговъ
 Слово цѣлебное слышать стремятся, ко мнѣ обращаюсь.
Подлинно тяжкихъ страданій исполнена жизнь злополучныхъ! ³⁾

Этимъ состраданіемъ и искреннимъ доброжелательствомъ по отношенію къ окружающимъ объясняются, съ одной стороны, широкая благотворительность Эмпедокла, съ другой—его необычайная популярность. Въ самомъ дѣлѣ, какъ ни велики были сила и искусство слова въ Эмпедоклѣ, какъ ни поразительна его наружность, какъ ни впечатлительна, какъ ни легкомысленна его аудитория—сикелійская толпа,—все же трудно допустить, чтобы въ основѣ его вліянія на массы не лежали болѣе глубокія причины: до того безпримѣрно это вліяніе. Довольно напомнить о предложеніи Эмпедоклу царскаго вѣнца гражданами ⁴⁾, которые такъ недавно ликовали по случаю низверженія тиранніи, или о томъ, что, по свидѣтельству Діогена Лаэртія ⁵⁾, „иконы“ Эмпедокла обращались въ народъ еще въ его время, т. е. въ III столѣтіи послѣ Р. Хр.! Чтобы снискать себѣ такую любовь и оставить послѣ себя столь продолжительную память, очевидно, нужно быть не риторомъ-шарлатаномъ и не „площаднымъ крикуномъ“ ⁶⁾, а чѣмъ-то, во всякомъ случаѣ, бѣльшимъ. Подвижная, капризная, увлекающаяся толпа легко по-

¹⁾ Фрагм. 119.

²⁾ Фрагм. 118.

³⁾ Фрагм. 112.

⁴⁾ См. выше стр. 12.

⁵⁾ VIII. 72.

⁶⁾ Timon ap. Diog. Laert. VIII, 67: ἀγοραίῳ ληκητῆς ἐπέων.

падаетъ на удочку вѣшняго эффека, но зато легко съ нея и срывается. Поэтому царить надъ ней въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ однимъ обманомъ едва ли возможно.

Все то, что намъ извѣстно объ общественной и благотвори- тельной дѣятельности Эмпедокла, вполне подтверждаетъ такой взглядъ. Эмпедоклъ готовъ былъ всякому прійти на помощь, со всякимъ подѣлиться своими знаніями, своимъ искусствомъ, своимъ богатствомъ. Онъ оградилъ свой родной городъ отъ вредныхъ вѣтровъ, за что былъ прозванъ „Буреукротителемъ“—*Καλοζανέμας*¹⁾; спасъ жителей Селинунта отъ моровой язвы, предпринявъ на соб- ственный счетъ сложныя инженерныя работы²⁾; возвратилъ къ жизни мнимоумершую³⁾; обуздалъ съ помощью музыки ярость бѣс- новатаго, готоваго совершить убійство⁴⁾; выдавалъ замужъ согра- жданокъ - безприданницъ, надѣляя ихъ приданымъ изъ своихъ средствъ⁵⁾. Правда, онъ пользовался за это всеобщимъ почетомъ и поклоненіемъ, принимая ихъ съ гордымъ сознаніемъ своихъ заслугъ:

. Безсмертному богу подобаясь средь смертныхъ,
Шествую къ вамъ окруженный почетомъ, какъ *то подобаетъ*,
Въ зелени свѣжихъ вѣнковъ и въ повязкахъ златыхъ утопая,
Сонмами женъ и мужей величаемый окрестъ грядущихъ
и проч.⁶⁾

Явно, однако, что истолковывать столь разнообразную дѣятель- ность изъ одного тщеславнаго желанія популярности было бы, въ виду всего вышеизложеннаго, ничѣмъ не оправдываемой односто- ронностью какъ съ логической, такъ и съ этической точки зрѣнія: не слѣдуетъ предполагать низменные мотивы тамъ, гдѣ все гораздо проще и послѣдовательнѣе объясняется изъ мотивовъ болѣе воз- вышенныхъ.

¹⁾ Timaeus ap. Diog. Laert. VIII, 60.—Plutarch. De curios. 1 p. 515 C; Adv. Colot. 32, 4 p. 1126 B.—Оцѣнку этихъ двухъ версій, изъ которыхъ первая вводитъ въ разсказъ элементъ чудеснаго, а вторая даетъ естественное объяс- неніе, см. у Zeller'a, Ph. d. Gr. I^o, 681.

²⁾ Diog. Laert. VIII, 70.

³⁾ Heraclides ap. Diog. Laert. VIII, 61, 67.

⁴⁾ Jamblich. V. Pyth. 113.

⁵⁾ Diog. Laert. VIII, 73.

⁶⁾ Фрагм. 112.

II. Стихотворный переводъ фрагментовъ.

А) Орывки поэмы „О природѣ“.

1. Ты же послушай, Павзаній, разумнаго сыне Анхита!
2. Скудныя средства познанія нашимъ дарованы членамъ,
Множество сквернъ и напастей смущаетъ пытливыя думы.
Малый узрѣвъ лишь удѣлъ человѣческой жизни злосчастной,
Гибнуть, какъ дыма струя, скоротечныхъ людей поколѣнья,
Сердцемъ постигнувъ лишь то, что каждому путь преградило
Въ суетной жизни стезѣ; а всякій мнитъ цѣлое вѣдать:
Оку людскому незримо оно, ни уху невнятно.
Даже умомъ необъемлемо. Ты же, столь жадный къ познанью,
Свѣдать готовься лишь то, что смертная мысль прозрѣваетъ.
3. *Неполный стихъ: см. прозаическій переводъ.*
4. Но отъ глаголовъ моихъ отвратите безумцевъ гордыню,
Чистый источникъ изъ устъ непорочныхъ пролейте, о боги!
Ты же, молю, бѣлорукая, многожеланная дѣва,
Муза, ко мнѣ снизойди на послушной тебѣ колесницѣ,
Благоговѣйное слово неся краткодневнымъ созданьямъ.
Нѣтъ, не заставитъ меня обольщеніе чести и славы
Въ мірѣ семъ тлѣнномъ, смиренія дерзко нарушивъ предѣлы
Рѣчью грѣховною, къ мудрости горнимъ обителямъ вспянуть.
Нѣтъ, но изслѣдовать долженъ ты всячески, гдѣ что открыто,
Зрѣнію вовсе не болѣе вѣры давая, чѣмъ слуху,
Ни громогласному слуху не больше, чѣмъ ясному слову;
Ни остальныхъ твоихъ членовъ, гдѣ только путь есть познанью,
Вѣры твоей не лишай, а изслѣдуй, гдѣ что открыто.
5. Свойственно людямъ негоднымъ сильнѣйшему слову не вѣрить.
Ты же, какъ то велятъ откровенья правдивыя Музы,
Въ сердцѣ своемъ различи слово истины, правду чтобъ свѣдать.

6. Выслушай прежде всего, что четыре есть корня вселенной:
Зевсъ лучезарный, и животворящая Гера, и Гадесь.
Также, слезами текущая въ смертных источникахъ, Нестись.

Неполный стихъ.

8. Но и другое тебѣ я повѣдаю: въ мірѣ семь тлѣнномъ
Нѣтъ никакого рожденья, какъ нѣтъ и губительной смерти:
Есть лишь смѣшенье одно съ различеньемъ того, что смѣшалось,
Что и зовутъ неразумно рожденіемъ темные люди.
9. Что бы за смѣсь ни явилась на свѣтъ:—человѣкъ или птица,
Дикій ли звѣрь или кустъ,—все равно неразумные люди
То происшедшимъ зовутъ; когда жъ разрѣшится на части
Тлѣнная тварь, то губительной смертью они прозываютъ,
Древній обычай храня, и я самъ ему слѣдовать буду.
10. *Неполный стихъ.*
11. Глупые! какъ близорука ихъ мысль, коль они полагаютъ,
Будто, дѣйствительно, раньше не бывшее можетъ возникнуть,
Иль умереть и разрушиться можетъ совсѣмъ то, что было.
12. Ибо изъ вовсе не бывшаго сущее стать неспособно;
Также и сущее чтобы прешло,—ни на дѣлѣ, ни въ мысли
Вещь невозможная: ибо оно устоитъ противъ силы.
13. Нѣтъ во вселенной нигдѣ ни излишка, ни мѣста пустого.
14. Нѣтъ во вселенной нигдѣ пустоты: и откуда ей взяться?
15. Мудрый мужъ никогда въ своемъ сердцѣ того не помыслить,
Будто жизни предѣлъ въ томъ, что жизнью зовемъ мы, положень
Смертнымъ добрымъ и злымъ; и что, прежде чѣмъ плоть
сотворилась,
Были всѣ люди—ничто, и въ ничто они вновь разрѣшатся.
16. Ибо какъ были онѣ исконны, такъ и будутъ—двѣ вмѣстѣ:
Думаю, ихъ несказанное время вѣкъ не лишится.
17. Рѣчь моя будетъ двоякая: ибо—то въ множества нѣдрахъ
Крѣпнеть единство, то множество вновь прорастаетъ въ единствѣ.
Тлѣннаго также двояко рожденье, двояка и гибель:
Эту рождаетъ и губить всеобщій порывъ къ единенью,

Тѣ же, разладомъ питаюсь, въ немъ вскорѣ конецъ свой на-
ходить.

Сей непрерывный обмѣнъ никакъ прекратиться не въ силахъ:
То, Любовью влекомое, сходится все воедино,
То Враждой ненавистной вновь гонится врозь другъ отъ друга.
Такъ, поскольку единство рождается безъ перерыва
Въ множества нѣдрахъ, а множество вновь прорастаетъ въ
единствѣ,—

Вѣчно онѣ возникаютъ, и нѣтъ у нихъ стойкаго вѣка.

Но, поскольку обмѣнъ сей никакъ прекратиться не въ силахъ,
Вѣчно постольку онѣ существуютъ въ недвижимомъ кругѣ.
Выслушай слово мое: возвращаетъ ученіе разумъ.

Какъ я и раньше сказалъ, поясняя предѣлъ разсужденія,
Рѣчь моя будетъ двоякая: ибо—то въ множества нѣдрахъ
Крѣпнеть единство, то множество вновь прорастаетъ въ единствѣ,
Огнь, и вода, и земля, и воздуха высь безъ предѣла,
Внѣ ихъ Вражда смертоносная, всѣмъ равновѣсная пороанъ,
Въ нихъ же Любовь, въ ширину и въ длину одинакая всюду.
Къ ней ты умомъ возносишь, покидая очей ослѣпленіе.
Смертные членамъ своимъ врожденной ее почитаютъ,
Въ ней дружелюбія, подвиговъ дружныхъ находятъ источникъ,
Радостью и Афродитой богиней ее величая.

Но ни одинъ смертный мужъ не позналъ, что она обѣгаетъ
Нѣдра стихій; ты же выслушай рѣчи нелживой теченье.

Всѣ онѣ равны и всѣ одинаково древняго рода,
Всякой однако жъ иное дано назначенье и всякой
Свойство иное: господствуютъ вѣчно онѣ по порядку.

Къ нимъ ничто не прибавится, въ нихъ ничто не изсякнетъ:
Если бы гибли онѣ непрерывно, ихъ нынѣ бъ не стало.

Что и откуда тогда бы вселенную снова воздвигло?

Гдѣ жъ и погибнуть бы имъ, если мѣста отъ нихъ нѣтъ
пустого?

Такъ, все тѣ же онѣ; проникая однако другъ друга,
Въ образахъ разныхъ являются, тѣми же все оставаясь.

18. 19. *Неполные стихи.*

20. Ясно то можно узрѣть въ совокупности членовъ тѣлесныхъ:

То, Любовью влекомые, сходятся всѣ воедино

Органы брэннаго тѣла, въ расцвѣтѣ жизненной силы;

То, напротивъ, Раздоромъ разъятые злымъ, каждый порознь

Въ шумномъ прибоѣ житейскаго моря у брега блуждаютъ.
 Такъ у растеній бываетъ, у рыбъ, населяющихъ воду,
 Такъ и у горныхъ звѣрей и у птицъ, сихъ ладей окрыленныхъ.

21. Но на свидѣтельства прежнихъ рѣчей обрати свои взоры,
 Не было ль тамъ уклоненій отъ мысли, положенной нами.
 Вотъ предъ тобою горячее и лучезарное солнце,
 Вотъ и безсмертная высь, сіяніемъ дня залитая,
 Вотъ и дождемъ нисходящая, темная, хладная влага,
 Вотъ и въ землѣ сокровенное твердое міра начало.
 Всѣ во Враждѣ разнообразны и гонятся врозь другъ отъ друга,
 Но въ Любви сочетаются, страстью пылая взаимной.
 Ибо изъ нихъ все, что было, что есть и все то, что будетъ:
 Въ нихъ прозябли деревья, изъ нихъ стали мужи и жены,
 Дикіе звѣри, и птицы, и въ морѣ живущія рыбы,
 Также и боги изъ нихъ, многотимые, долгіе днями.
 Ибо все тѣ же онѣ, проникая однако другъ друга,
 Въ видахъ различныхъ являются: столько ихъ смѣсь измѣняетъ.
22. Всѣ онѣ:—солнце, земля, необъятное небо и море,—
 Всѣ стремятся равнó къ единенію всѣми частями,
 Сколько бы ихъ ни отпрянуло въ тлѣнныхъ вещей зарожденіи.
 Такъ равно и всѣ тѣ, что болѣе склонны къ смѣшенію,
 Страстью взаимной пылаютъ, по волѣ самой Афродиты.
 Тѣ же, что сильно враждебны, взаимно съ собой разногласятъ
 Свойствами, способомъ смѣси и формы своей отпечаткомъ:
 Купно сойтись неспособны онѣ и всецѣло покорны
 Лютымъ велѣніямъ Вражды, что такую дала имъ природу.
23. Какъ живописцы, глубокимъ умомъ изучивши искусство,
 Даръ многоцвѣтный безсмертнымъ богамъ принести собираясь,
 Краски различныя въ руки берутъ и потомъ, соразмѣрно
 Смѣшивать ихъ начиная—однѣхъ и другихъ понемногу,
 Образы схожіе всякихъ предметовъ изъ нихъ производятъ:
 То вырастаютъ деревья, то мужи выходятъ и жены,
 Дикіе звѣри, и птицы, и въ морѣ живущія рыбы,
 Даже и боги, почетомъ отличные, долгіе днями;—
 Таку да ума твоего не коснется обманъ заблужденія,
 Будто иной есть источникъ безмѣрно-великой вселенной,
 Но убѣдись, что онъ въ нихъ, божественнымъ выявши гла-
 голамъ.

24. 25. *Неполные стихи.*

26. Властвуютъ поочередно онѣ во вращеніи круга,
 Слабнуть и вновь возрастаютъ, чередъ роковой соблюдая.
 Ибо все тѣ же онѣ, проникая однако другъ друга,
 Образъ людей и животныхъ различныхъ породъ принимаютъ.
 То, Любовью влекомые, сходятся въ стройный порядокъ,
 То Враждой ненавистной вновь гонятся врозь другъ отъ друга,
 Чтобы въ единое цѣлое снова затѣмъ погрузиться.
 Такъ, поскольку единство рождается безъ перерыва
 Въ множества нѣдрахъ, а множество вновь прорастаетъ въ
 единствѣ,—

Вѣчно онѣ возникаютъ, и нѣтъ у нихъ стойкаго вѣка.
 Но, поскольку обмѣнъ сей никакъ прекратиться не въ силахъ,—
 Вѣчно постольку онѣ существуютъ въ недвижимомъ кругѣ.

27. Тамъ ни быстрыхъ лучей Геліоса узрѣть невозможно,
 Ни косматой груди земли не увидишь, ни моря:
 Такъ, подъ плотнымъ покровомъ Гармоніи, тамъ утвердился
 Шару подобный, окружнымъ покоемъ гордящійся Сферосъ.

28. Равный то былъ отовсюду и всякихъ лишенный предѣловъ.
 Шару подобный, окружнымъ покоемъ гордящійся Сферосъ.

29. Нѣтъ ни рукъ у него, что какъ вѣтви изъ плечъ вырастаютъ,
 Нѣтъ ни быстрыхъ колѣвъ, ни ступней, ни частей дѣтородныхъ:
 Равный себѣ самому отовсюду былъ шаръ или Сферосъ.

30. Но какъ скоро Вражда возрасла и окрѣпла средь членовъ,
 Къ почестямъ вспрынувъ высокимъ, когда совершилося время,
 Клятвой великою имъ предреченное порознь обѣимъ....

31. Дрогнули члены у бога одинъ за другимъ по порядку.

32. *Неполный стихъ.*

33. Какъ смоковничный сокъ молоко заставляетъ ссѣдаться...

34. *Неполный стихъ.*

35. Но, обратившись вспять, пойду по пути пѣснопѣній
 Раньше избраннымъ мной, изъ глагола глаголь извлекая.
 Послѣ того какъ Вражда въ глубочайшія нѣдра пучины
 Путь свой направила, въ центрѣ же вихря Любовь воцарилась,

Всѣ онѣ (*т. е. стихіи*) тамъ воедино сливаются, мало-по-малу
Съ разныхъ сторонъ собираясь; изъ смѣси же ихъ происходятъ
Всѣ безконечные сонмы подверженныхъ тлѣну созданій.

Часть ихъ (*т. е. стихій*) однако большая, чередъ соблюдая съ
другими,

Смѣси бѣжить, одержимая окрестъ лежащей Враждою.

Ибо она не вполнѣ отступила ко внѣшнимъ предѣламъ

Круга, но частью осталась и частью лишь вышла изъ членовъ.

Сколь постоянно она ко-внѣ удалялась, настолько

Кроткій, безсмертный порывъ невинной Любви приближался.

Прежде нетлѣнное въ образахъ тлѣнныхъ тогда появилось,

Жизненный путь измѣнивши, изъ чистаго ставши нечистымъ.

Такъ изъ смѣшенія стихій безконечные сонмы созданій

Въ образахъ многообразныхъ и дивныхъ на видъ происходятъ.

36. Къ крайнимъ предѣламъ Вражда отступала при ихъ единеніи.

37. Тѣло земли изъ земли, изъ ээира ээиръ вырастаетъ.

38. Скажемъ о первыхъ и равныхъ по древности міра основахъ,
Въ коихъ возникло все то, что нынѣ мы зримъ во вселенной:
Бурное море, земля, бременяющій влагою воздухъ,
Также ээирный Титанъ, облекающій вокругъ мірозданье.

39. Если земли глубина и ээиръ безпредѣльно-велики,
Какъ то гласятъ празднословныя многихъ людей утверждения,
Малый узрѣвшихъ удѣлъ изъ всего, что открыто познанию...

40. Съ кроткимъ ликомъ луна и стрѣлами разящее солнце...

41. Солнце, собравшись въ дискъ, обтекаетъ великое небо.

42. — — — — — лучи у него затмеваетъ,
Прямо подъ нимъ протекая, и тѣнь полагая на землю
Тѣхъ же размѣровъ, какіе лунѣ свѣтлоокой присущи.

43. Солнечный свѣтъ, отражаясь въ широкой лунѣ круговидной...

44. Солнце безтрепетнымъ ликомъ къ Олимпу свой свѣтъ отра-
жаетъ.

45. Чуждый свѣтъ круговидный вокругъ обтекаетъ всю землю.

46. Втулка такъ въ колесницѣ вращается, столбъ огибая...

47. Въ ликъ священный владыки глядитъ подлежащій предъ нею...

48. Ночь же земля производитъ, лучи преграждая собою.

49. *Неполный стихъ.*

50. Съ моря приносить Ирида дождь проливной или вѣтеръ.

51. 52. *Неполные стихи.*

53. Двигался именно такъ онъ въ то время, но часто иначе...

54. Длинными въ землю корнями, вѣдрившись, эфиръ проникаетъ.

55. *Неполный стихъ.*

56. Быстрыми солнца лучами стѣсненная соль отвердѣла.

57. Выросло много головъ, затылка лишенныхъ и шеи,
Голыя руки блуждали, не знавшія плечъ, одиноко
Очи скитались по свѣту безъ лбовъ, имъ нынѣ присущихъ.

58. *Неполный стихъ.*

59. Но какъ скоро тѣснѣй божество съ божествомъ сочеталось,
Купно тогда одинокіе члены сошлись, какъ попало,
Множество также другихъ прирождалося къ нимъ непрерывно.

60. *Неполный стихъ.*

61. Множество стало рождаться двуликихъ существъ и двугрудыхъ.
Твари бычачьей породы съ лицомъ человѣка являлись,
Люди съ бычачьими лбами, созданія смѣшанныхъ половъ:
Женской природы мужчины, съ безплодными членами твари.

62. Выслушай нынѣ о томъ, какъ огонь, выдѣляясь, ко свѣту
Вывелъ въ ночи сокровенные отпрыски многострадальныхъ
Мужей и женъ; ибо рѣчь та не будетъ пуста, ни безцѣльна.
Цѣльноприродныя чада земли выникали сначала,
Равный удѣлъ получившія воздуха теплаго съ влагой.
Огнь ихъ выталкивалъ вверхъ, сочетаться желая съ подобнымъ,
Вовсе еще не имѣвшихъ ни стройной гармоніи тѣла,
Ни человѣческой рѣчи, ни мѣстамъ присущаго члена.

63. Надвое членовъ природа разорвана: часть изъ мужчины...

64. Брачныя узы чреэз очи связующій слѣдуетъ Поэось...

65. Въ чистое мѣсто вливается: съ холодомъ тамъ повстрѣчавшись,
Въ образѣ женъ возникаетъ — — — — —

66. *Неполный стихъ.*

67. Въ болѣе теплыхъ частяхъ самецъ зарождается въ чревѣ:
Вотъ почему всѣ мужчины смуглѣе и мужествомъ краше
И волосатѣе женъ — — — — —

68. *Невозможно дать точный и хоть сколько-нибудь сносный переводъ въ предѣлахъ одного стиха. См. передачу прозой. Лучшее, что могу предложить:*

Въ мѣсяцъ восьмой въ день десятый сокъ появляется бѣлый.

69. 70. *Неполные стихи.*

71. Если вѣра твоя ненадежна въ мои поученья,
Какъ изъ смѣшенія воды, и земли, и ээира, и солнца
Образы всѣ и цвѣта преходящихъ возникли созданій,—
Всѣ, сколько бѣ нынѣ на свѣтъ ихъ ни вышло изъ рукъ
Афродиты...

72. Какъ деревья огромныя вышли, какъ рыбы морскія...

73. Землю Киприда дождемъ оросивъ и согрѣвши дыханьемъ
Теплымъ, огню предала закалить ее пламенемъ быстрымъ.

74. Рыбъ обильно-сѣмянныхъ ведя неразумное племя. ..

75. Внутренность тѣла плотна, но рыхлы наружныя части:
Свойство такое они получили изъ дланей Киприды.

76. Такъ то бываетъ у тварей морскихъ, скорлупой отягченныхъ,—
У черепахъ, у улитокъ, закованныхъ въ каменный панцырь:
Тамъ ты увидишь повсюду надъ кожей лежащую землю.

77. *Неполный стихъ.*

78. — — — — — сообразно
Съ воздухомъ, круглый весь годъ процвѣтають плодовъ изобильемъ.

79. Маслина прежде всѣхъ прочихъ деревьевъ плоды порождаетъ.

80. Поздвяго сбора гранаты и яблоки съ сочнымъ наливомъ...
81. Въ кору проникнувъ извнѣ, виномъ бродить въ деревѣ влага.
82. Волосы, листья и перья густыя у птицъ и на рыбахъ
Плотный покровъ чешуи—изъ одной происходят основы.
83. Спину ежей покрываетъ колючая грива щетиной.
84. Какъ путешественникъ, въ бурную ночь собираясь въ дорогу,
Въ ярко горящемъ огнѣ очага зажигаетъ свѣтильникъ,
Пламя отъ вѣтра порывовъ вокругъ фонаремъ ограждая:
Тщетно бушующихъ вѣтровъ дыханіе окрестъ ярится,
Свѣтъ же, поскольку онъ тоньше, наружу проходитъ, лучами
Яркими путь отъ порога впередъ освѣщать начиная;—
Такъ и огонь изначальный,—что въ глаза покровахъ и тканяхъ
Тонкихъ, искусно насквозь пробуравленныхъ въ видѣ воронокъ
Замкнуть,—за круглымъ зрачкомъ съ той поры стать скрываться.
- Ткани удерживать стали наплывъ обтекающей влаги,
Доступъ огню открывая наружу, поскольку онъ тоньше.
85. Кроткое пламя въ глазу съ частичкой земли сочеталось.
86. Отдыха чуждыя очи изъ нихъ создала Афродита.
87. Крѣпкими узами страсти снабдившая ихъ Афродита...
88. *Неполный стихъ.*
89. Знай: изъ всего, что родилось, тончайшіе токи исходятъ.
90. Сладкое къ сладкому, горькое къ горькому стало стремиться,
Кислое съ кислымъ сошлось, теплота съ теплотой сочеталась.
91. Смѣсь охотно съ виномъ образуетъ вода, но не съ масломъ.
92. *Неполный стихъ.*
93. *Оставляю безъ стихотворнаго перевода въ виду сомнительности текста и самаго смысла этого фрагмента. См. прозаическій переводъ.*
94. Мракъ, покрывающій дно у рѣки и царящій подъ сводомъ
Гротовъ пещерообразныхъ, всегда происходитъ отъ тѣни.
95. Купно срастаться глаза подъ дланями стали Киприды.

96. Но земля преблагая въ своихъ мощногрудыхъ горнилахъ
 Два изъ удѣловъ восьми получила отъ свѣтлой Нестиды,
 Дважды же два отъ Гефеста; изъ нихъ стали бѣлыя кости,
 Связями дивной Гармоніи купно съ собой сочетавшись.

97. *Неполный стихъ.*

98. Постѣ того какъ земля въ совершенную гавань Киприды
 Якорь забросила,—равными тамъ сочеталась частями
 Съ свѣтлымъ эвропомъ, Гефестомъ и влагой, дождемъ нисхо-
 дящей,
 Развѣ лишь малой частицей то больше, то меньше бывая.
 Смѣсь же ихъ кровь породила и прочіе виды всѣ плоти.

99. *Неполный стихъ.*

100. Вотъ какъ дыханіе тварей живыхъ происходитъ: изъ плоти
 Трубки, лишенная крови, къ поверхности тѣла проходятъ,
 Въ устьяхъ которыхъ наружные кожи покровы сквозными
 Мелкими щелями густо устьяны, такъ что для крови
 Доступа нѣтъ, но эфиръ проникаетъ легко чрезъ отверстія:
 Всякій разъ какъ оттуда нѣжная кровь отливаетъ,
 Бурной волною эфиръ устремляется внутрь съ хлопотаньемъ:
 Но лишь только она возвратится, онъ вновь вылетаетъ.
 Такъ водяными часами изъ мѣди блестящей играетъ
 Дѣвочка; ибо когда, все отверстіе трубки зажавши
 Ручкой изящною, въ мягкую массу воды серебристой
 Ихъ погружаетъ, то влага въ сосудъ не проходитъ, давлениемъ
 Воздуха сжатого тамъ у отверстій тѣснимая частыхъ.
 Но лишь только сгущенному воздуху доступъ откроетъ,
 Тотчасъ давленіе слабнетъ, и влага въ сосудъ проникаетъ.
 Точно такъ же, когда весь сосудъ наполняетъ водою
 Дѣвочка ручкой своею зажавши отверстіе трубки,—
 Внутри устремляясь извнѣ, эфиръ оттѣспяетъ къ проходу
 Узкому, глухо-шумящему влагу, самъ верхъ занимая.
 Но, съ удаленьемъ руки, обратное прежнему зрится:
 Воздухъ во-внутрь устремляется, влага же прочъ вытекаетъ.
 Такъ,—всякій разъ, когда нѣжная кровь, разлитая по чле-
 намъ,
 Вснять обращаясь, во-внутрь отливаетъ,—теченіе эвпра
 Тотчасъ же, бурной волною вздымаясь, ей вслѣдъ проникаетъ;
 Но, съ возвращеньемъ ея, онъ вновь вылетаетъ обратно.

101. Песъ, чутьемъ находя частицы животнаго тѣла,
Тѣ, что на пастбищѣ сочномъ отъ ногъ остаются у дичи...
102. Такъ у всего, что живетъ, обоняніе есть и дыханье.
103. Воля Судьбы такова, что присуща всѣмъ тварямъ разумность.
104. И поскольку тончайшія тѣльца столкнулись въ паденьи...
105. Въ бурныхъ волнахъ обѣгающей крови питается сердце;
Въ немъ же находится то, что зовемъ мы такъ часто мыш-
лѣпьемъ:
Мысль человѣка есть крѣвь та, что сердце вокругъ омываетъ.
106. Разумъ растетъ у людей въ соотвѣтствіи съ міра познаньемъ.
107. Ибо изъ нихъ все, что есть, сочеталось въ стройный порядокъ,
Ими же думаютъ люди и чувствуютъ радость и скорби.
108. За день поскольку свою измѣняютъ всѣ люди природу,
Ночью постольку различныя грезы ихъ умъ посѣщаютъ.
109. Землю землею мы зримъ и воду мы видимъ водою,
Дивнымъ эфиромъ эфиръ, огнемъ же огонь беспощадный,
Также любовью любовь и вражду ядовитой враждою.
110. Если, въ мои поученья увѣровавъ сердцемъ, ты станешь
Чистою мыслию ихъ созерцать съ благосклоннымъ вниманьемъ,
То несомнѣнно они на всю жизнь тебѣ будутъ опорой,
Множество также другихъ обрѣтешь изъ нихъ цѣнныхъ стя-
жаній:
Ибо они вытекаютъ одно изъ другого согласно
Съ качествомъ cadaго. Если же будешь стремиться къ иному,
Въ чемъ безконечныхъ скорбей и душевнаго мрака источникъ, —
Скоро покинуть тебя мимолетныя эти стяжанья,
Къ милому лону природы родной возвратиться желая.
Ибо знай, что во всемъ есть разумности доля и мысли.
111. Зелья узнаешь, какими недуги и дряхлость врачуютъ:
Только тебѣ одному я открыть это все собираюсь.
Вѣтровъ, незнающихъ отдыха, ярость удерживать будешь,
Что, устремляясь на землю, порывами пажити губять;
Если жъ захочешь, — обратное вновь ихъ воздвигнешь дыханье.
Мрачнаго постѣ пенастья доставишь желанное вѣдро,

Въ лѣтнюю жъ засуху зелень питающій вызовешъ ливень:
Хлынетъ потоками влага съ ээирпаго неба на землю.
Даже усоншаго мужа вернешъ изъ чертоговъ Анда.

В) Отрывки изъ „Очищеній“.

112. Други! о вы, что на склонахъ златого холма Акраганта
Градъ обитаете верхній, ревнители добрыхъ дѣяній,
Злу непричастные, гостю почтёвному кровь и защита,—
Нынѣ привѣтъ вамъ! Безсмертному богу подобясь средь
смертныхъ,
Шествую къ вамъ, окруженный почетомъ, какъ то подобаетъ,
Въ зелени свѣжихъ вѣнковъ и въ повязкахъ златыхъ утопая.
Сонмами женъ и мужей величаемый окрестъ грядущихъ,
Въ грады цвѣтушіе путь направляю; они же за мною
Слѣдуютъ всѣ вопрошая, гдѣ къ пользѣ стезя пролегаетъ:
Тѣ прорицаіи желаютъ, другіе отъ разныхъ недуговъ
Слово цѣлебное слышать стремятся, ко мнѣ обращаясь.
Подлинно тяжкихъ страданій исполнена жизнь злополучныхъ!
113. Стоитъ ли мнѣ говорить, какъ о дѣлѣ великомъ и важномъ,
Если я смогу превзойти удрученныхъ напастями смертныхъ?
114. Други! я знаю, что истину тѣ заключаютъ глаголы,
Нынѣ которые вамъ я повѣдаю; тягостно все же
Людямъ виѣдреніе вѣры въ ихъ умъ. подозрѣнія полный.
115. Вѣщее слово Судьбы существуетъ, издревле богами
Вѣчный законъ установленъ, скрѣпленный великою клятвой:
Если изъ демоновъ кто, долговѣчною жизнью живущихъ,
Члены свои обагрить нечестиво кровавымъ убійствомъ,
Или же, грѣхъ совершивъ, поклянется преступною клятвой,—
Тридцать тысячъ временъ вдали отъ блаженныхъ скитаться
Тотъ осужденъ, воплощаясь въ различныя тлѣнныя твари,
Тяжкіе жизни пути измѣняя въ своихъ превращеньяхъ:
Ярость ээира въ пучину морскую его увлекаетъ.
Море на землю извергнуть стремится, земля же въ сіянье
Яркаго солнца, а солнце въ ээирные вихри бросаетъ.
Всѣ принимаютъ его, но гнушаются грѣшникомъ страшнымъ!
Нынѣ и самъ я таковъ: изгнанникъ боговъ и скиталецъ,
Яростной виявшій Враждѣ — — — — — .

116. *Неполный стихъ.*
117. Былъ уже нѣкогда отрокомъ я, былъ и дѣвой когда-то,
Былъ и кустомъ, былъ и птицей и рыбой морской, безсловесной.
118. Плакалъ я, горько рыдалъ, непривычную видя обитель!
119. Горе мнѣ! чести какой и какого лишившись блаженства,
Свергнутый нынѣ на землю, средь смертныхъ людей обращаюсь!
120. *Неполный стихъ.*
121. — — — — — долъ безотрадный,
Гдѣ и Убійство, и Злоба, и сонмы всѣхъ Бѣдъ смертоносныхъ,
Нemoщей, плоть изнурающихъ, язвъ и бесплодныхъ страданій,
Пагубы вкругъ обѣгають обитель во мракъ глубокомъ.
122. Тамъ находились: Земля и высокаго Солнца богиня,
Также кровавый Раздоръ и Гармонія съ ликомъ степеннымъ.
Съ ними Краса, Безобразіе, Медленность и Торопливость,
Милая Ясность и Сбивчивость, съ взоромъ угрюмымъ и мрач-
нымъ.
123. Смерть и Рожденіе, крѣпительный Сонъ и отъ сна Пробужденіе,
Мертвый Покой и Движеніе, Величіе пышное, Низость,
Также Молчанье и Гласъ знаменательный - — — — —.
124. Горе, о горе тебѣ, алополучный и жалкій родъ смертныхъ:
Распрей и тяжкихъ степеній исполненъ твой вѣкъ съ колыбели!
125. Стала живыхъ въ мертвецовъ обращать, измѣняя ихъ образъ...
126. Чуждой одеждою плоти ихъ духъ облачая, природа...
127. Въ дикихъ звѣрей воплощаяся, львовъ обитающихъ горы
Образъ пріемлютъ и лавровъ-- среди тѣпокудрыхъ деревьевъ...
128. Вовсе не знали они ни Войны, ни Смятенія битвы,
Зевса не знали царя, Посидона не знали, ни Крона,
Но лишь Киприду царицу.
Милость ея обрѣтали смиренныхъ даровъ приношеньемъ,
Дивныхъ картинъ живописныхъ, священныхъ елеевъ душистыхъ,
Жертвами чистаго мѹра и ладана благоуханьемъ,
Бураго меда на землю изъ сотовъ струи проливая.
Но обгрязь алтари непорочною кровью животныхъ,

Душу изъ нихъ исторгать, пожирать благородные члены,—
Все это гнуснымъ грѣхомъ почиталось у нихъ справедливо.

129. Жилъ среди нихъ нѣкій мужъ, умудренный безмѣрнымъ по-
знаемъ,
Подлинно мыслей высокихъ владѣвшій сокровищемъ цѣннымъ,
Въ разныхъ искусствахъ премудрыхъ свой умъ глубоко
изощрившій.
Ибо какъ скоро всю силу ума напрягалъ онъ къ познанию,
То безъ труда созерцалъ всѣ несчетныя міра явленья,
За десять или за двадцать людскихъ поколѣній провидя.
130. Кроткими были всѣ твари и къ людямъ легко приручались
Звѣри и птицы; повсюду любовь процвѣтала и дружба.
131. Если людей кратковременныхъ воспѣть, о безсмертная Муза.
Было угодно тебѣ, снизойдя до моихъ начинаній,—
Нынѣ я снова молю, о блаженныхъ богахъ собираясь
Слово благое изречь: осѣни мою мысль, Калліона!
132. Счащливъ, кто мыслей божественныхъ цѣннымъ владѣть бо-
гатствомъ,
Жалокъ, кто о богахъ лишь понятіемъ смутнымъ доволенъ.
133. Нѣтъ, божество недоступно ни зрѣнію нашего ока,
Ни осязанію рукъ, а вѣдь въ нихъ пролегаетъ наилучшій
Путь для впѣдренія вѣры въ сердца недовѣрчивыхъ смертныхъ.
134. Нѣтъ у него головы человѣкообразной, что члены
Смертныхъ вѣнчаетъ, ни рукъ, что какъ вѣтви изъ плечъ
вырастаютъ,
Нѣтъ ни быстрыхъ колѣнъ, ни ступней, ни частей волосатыхъ:
Духъ лишь одинъ существуетъ святой, несказанный, отъ вѣка
Мыслями быстрыми вокругъ обѣгающій все мірозданье.
135. Этотъ всеобщій законъ простирается безъ перерыва,
Весь обнимая эфиръ и безмѣрнаго свѣта сіянье.
136. Гдѣ же убійствамъ ужаснымъ предѣлъ? Неужели безпечный
Умъ вашъ не видитъ того, что другъ другу вы служите пищей?
137. Милаго сына схвативъ, измѣнившаго образъ, родитель
Съ жаркой молитвой ножомъ поражаетъ, великій безумецъ!

Жертва съ мольбою къ стопамъ припадаетъ, палачъ же, не
внемля,
Пиршество гнусное въ домѣ изъ чада родного готовить.
Также бываетъ, что сынъ изъ родителя или же дѣти
Душу исторгнувъ изъ матери, плоть пожирають родную.

138. *Неполный стихъ.*

139. Горе мнѣ! если бы день роковой ниспослалъ мнѣ кончину,
Прежде чѣмъ губы мои нечестивой коснулись пищи!

140. Прочь удаляйтесь отъ Фебовыхъ листьевъ зеленого лавра!

141. О злополучные! бойтесь къ бобамъ прикасаться руками!

142. Въ крытыхъ чертогахъ эгидодержавнаго Зевса не будетъ
Жизни блаженной вкушать — — — — — .

143. Въ крѣпкую мѣдь отъ пяти почерная источниковъ воду...

144. *Неполный стихъ.*

145. Ибо доколѣ средь тяжкихъ пороковъ мятѣтесь безумно,
Душу отъ скорбей жестокихъ никакъ облегчить вы не въ силахъ.

146. Такъ происходятъ изъ нихъ прорицатели, или поэты,
Или врачи, или вожди—у людей, населяющихъ землю.
Тѣ же къ богамъ многотимымъ возносятся въ новомъ ро-
жденн.

147. Купно съ другими безсмертными столъ и очагъ раздѣляя.
Скорбей не зная людскихъ, не вѣдая смерти, ни боли...

148. 149. 150. 151, 152, 153. *Неполные стихи.*

С) Отрывокъ сомнительной подлинности.

154.
Правильно стало къ закату клониться и снова обратный
Путь совершать круговой, увѣнчавъ его пышно дарами
Года цвѣтущихъ Временъ; а земля бушевала безъ мѣры....

Д) Стихи, ложно приписываемые Эмпедоклу.

155. О Телавгъ, Пиеагора прославленный сынъ и Феаны!

156. Сына Анхита, врача по прозванью Павзанія, рода
 Асклепіадова вѣтвь, Гѣла на свѣтъ родилá.
Многихъ мужей, удрученныхъ недугами тяжкими, къ жизни
 Онъ возвратилъ: оскудѣлъ мрачный Анда чертогъ.
157. Славнаго Акра врача, сына Акра, Акрагантінца,
 Въ славной отчизнѣ курганъ славный покоить на-вѣкъ.
158. 159. *Неполные стихи.*
-

Эмпедоклъ философъ, врачъ и чародѣй.

III. Прозаическій переводъ фрагментовъ. Комментарій.

Счетъ фрагментовъ—по изданію D(ielsa).—Въ прямыхъ скобкахъ указаны соотвѣтствующіе стихи по изданіямъ K(arsten'a), St(ein'a)—нумерація которыхъ принята въ изд. Fairbanks'a,—и M(ullach'a).—Цыфра съ буквой p(agin'a) указываетъ на страницу, если фрагментъ не включенъ издателемъ въ стихотворный текстъ.—Цыфрами на поляхъ отмѣчается каждый пятый стихъ въ болѣе длинныхъ фрагментахъ.

А) Отрывки поэмы „О природѣ“.

Д. 1. [К. 54, St. 1, М. 58].

Ты же, Павзаній, сынъ умудреннаго опытомъ Анхита, послушай!

2. [К. 32—40, St. 2—10, М. 36—44].

Ибо ограниченныя способности разлиты по членамъ (*нашего организма*), и множество сквернъ ¹⁾ поражаетъ и притупляетъ (*наши*) думы ²⁾. Разсмотрѣвъ (*лишь*) малую часть жалкаго ³⁾ (*человѣческаго*) существованія, кратковѣчныя (*люди*) исчезаютъ, разсѣявшись подобно дыму, увѣровавъ 5 только въ то, на что каждый наткнулся, метаясь туда и сюда; а между тѣмъ всякій кичится постичь цѣлое ⁴⁾. Такимъ образомъ, оно ни зримо для людей, ни слышимо, ни умопостижимо ⁵⁾. Итакъ ты, желавшій столь страстно (*этого познанія*) ⁶⁾, узнаешь не болѣе, чѣмъ (*сколько*) прозрѣваетъ смертная мысль.

1. Рук. δειλ' и δειν'. Болѣе вѣроятно первое, вносящее моралистическій отгѣнокъ. Ср. Bergk l. l. pp. 21—22: „...δεινὰ—non recte. neque enim de periculis, quae vitae imminant, agitur, sed de pravitate, quae insit in animis hominum, quae quasi piaculum quoddam inhaerescat rebus humanis“. Впрочемъ, впослѣдствіи В. (ibid. p. 65) отказался отъ этого написанія въ пользу ἀδελ', на мой взглядъ, неосновательно.

2. Μέριμνα здѣсь=любопытная мысль, дума, раздумье: отсюда глагол̃ μεριμνάω περί τινος=изслѣдую. Ср. фрагм. 11, ст. 1: δολιχόφρονες... μέριμνα.

3. Рук. ζωῆς βίου. Конъектура Scaliger'a—ζωῆς ἀβίου (=ἀβιώτου=недостойнаго названія жизни) неосновательно отвергнута Diels'омъ, который пишетъ ζωῆς ἰδίου, что, очевидно, слабѣе въ поэтическомъ отношеніи и дальше отъ рукописнаго преданія.

4. Т. е. всю полноту бытія, сущность вселенной.

5. Въ буквальномъ значеніи этого слова: νόμι περιληπτά.

6. Ἐπεὶ ὅδ' ἐλικάσθης — нахожу возможнымъ принять нѣсколько смѣлую, но несомнѣнно дающую наилучшій смыслъ интерпретацію Bergk'a, p. 23: „.....non significat... *devertere, venire in aliquem locum, sed est quando ita concupivisti, ita postulavisti, nam ἐλικάσθαι quod est apud Homerum *declinare de via*, apud eos, qui post secuti sunt, poetas significat *festinare, properare, petere*... Sic Empedocles ipse dixit... (Diels фрагм. 100, ст. 18)... Αἰθὴρ ἐκτός ἔσω λαλιημένος ὁμῆρον ἐρύκει, quod cave ad verbum λαλῶ referas. Iam primum fuit dicere ἐπ. ὅδ' ἐλ., *quandoquidem ita studuisti, petivisti*“.—Догадка Rohde II, 185², будто всю эту тираду произносятъ „душеводительныя силы“ (см. фрагм. 120, прим. 1), и что, стало быть, ἐπ. ὅδ' ἐλ. значить: „da du hieher—auf die Erdeverschlagen bist“,—весьма остроумна сама по себѣ, но должна быть отвергнута, какъ ничѣмъ не доказуемая.*

3. [К. —, St. —, М.—].

...Скрыть въ глубинѣ нѣмого, какъ рыба ¹⁾), сердца.

1. Ἐλλοπος: ἔλλωψ=ἐλλός; ὁ ἔλλωψ=ὁ ἰχθύς.

4. [К. 41—53, St. 11—23, М. 45—57].

Но (вы), боги, отвратите отъ моего языка ихъ ¹⁾ безуміе и пролейте изъ благочестивыхъ устъ чистый источникъ! А тебя, многосватанная ²⁾), бѣлолокотная дѣва—Муза, умоляю, поспѣши на послушной тебѣ колесницѣ ³⁾ и ниспосли отъ имени Благочестія ⁴⁾ то, что не грѣшно слышать кратковременнымъ существамъ. А меня ⁵⁾ ужъ цвѣты славы и чести со стороны смертныхъ не заставятъ протянуть за ними руку ⁶⁾, подъ условіемъ—дерзко повѣдать болѣе, чѣмъ дозволяетъ благочестіе. и тогда только вознестись къ вершинамъ мудрости ⁷⁾.—Такъ изслѣдуй же всеми средствами. 10 гдѣ что ясно ⁸⁾, и нисколько не болѣе довѣрай своему зрѣнію, чѣмъ слуху. ни громогласному слуху не болѣе отчетливыхъ свидѣтельствъ языка ⁹⁾ и (вообще) не лишай вѣры ни одинъ изъ остальныхъ органовъ, гдѣ только есть путь къ познанію, а замѣчай, гдѣ что ясно ¹⁰⁾.

1. Τῶν μὲν—по дополненію Diels'a=τῶν πλέον ἐπαγγελλομένων γιγνώσκειν. Имѣются въ виду, вѣроятно, догматики—Элеаты, особенно Парменидъ.

2. Πολομνήστη. Ср. Bergk l. l. p. 23: „Musa π. vocatur non... quasi proprio nomine, ducto ab adiectivo πολομνήστης, sed quasi virgo, quam multi expetunt proci, quae multorum viget laude, uti est apud Homerum“.

3. Поэтическое обозначеніе поэмы.

4. Т. е. дабы винушенное тобою можно было повѣдать людямъ, не погрѣшая противъ Благочестія.

5. Μί—конъектура Stein'a, вм. принятаго Diels'омъ рук. чтенія: σί, т. е. Музу, что, очевидно, даетъ худшій смыслъ: поэтъ ставить на видъ свое собственное смиреніе, а не смиреніе Музы, которую, естественно, нельзя заподозрить въ тщеславныхъ стремленіяхъ.

6. Соб.: взять отъ смертныхъ.

7. Далѣе поэтъ обращается къ одному изъ лицъ, которымъ посвящена поэма, вѣроятно, къ Павзанію, и, уже какъ бы отъ лица вдохновившей его Музы, призываетъ его къ благоговѣйному изслѣдованію.

8. Т. е. открыто для человѣческаго познанія.

9. Ὑπὲρ τρανόμενα γλώσσης. Mnorie (напр., Karsten, Schneider: см. у Mullach'a comment. in h. v., у Burnet'a p. 219³⁴), въ томъ числѣ и Diels, видятъ здѣсь указаніе на вкусовые ощущенія; этотъ послѣдній переводитъ: „...höher als die deutlichen Wahrnehmungen des Gaumens“. Нельзя не согласиться, что такое толкованіе упрощаетъ внѣшній смыслъ контекста; тѣмъ не менѣе выборъ выраженій (особенно τρανόμενα), очевидно, говорить противъ подобной интерпретаціи.—На мой взглядъ, философъ хочетъ сказать слѣдующее: не довѣрай зрительнымъ ощущеніямъ больше, чѣмъ слуховымъ. но, съ другой стороны, и слуху не отдавай предпочтенія предъ другими чувствами, а полагайся на него лишь постольку, поскольку его показанія совпадаютъ съ тѣмъ, что дѣйствительно было сказано въ ясныхъ и раздѣльныхъ (τρανόμενα) выраженіяхъ.

10. Принимаю всецѣло текстъ Diels'a (νοῆσαι, γυῖων...—запятая), т. к. текстъ Mullach'a (...νοῆσαι γυῖων...—точка съ запятой) даетъ совершенно превратный смыслъ, прямо противорѣчащій стиху 9: ...ἄθραι πάσῃ καλάρῃ. Явно, что философъ здѣсь вовсе не отрицаетъ значенія чувственного познанія, а лишь совѣтуетъ провѣрять чувственные показанія одно другимъ: —зрѣніе слухомъ и проч.—и изъ сопоставленія ихъ заключать, „гдѣ что ясно“.

5. [K. 84—86, St. 55—57, M. 105—107].

Но негоднымъ (людямъ) весьма свойственно не довѣрять преодолевающимъ (ихъ доказательствамъ) ¹⁾. Ты же, какъ то велятъ правдивыя откровенія, исходящія отъ нашей Музы, познай, различивъ въ душѣ слово истины.

1. Т. е. не соглашаться съ ихъ идейными противниками, хотя бы эти послѣдніе и были несомнѣнно правы.—Интерпретація Bergk'a (p. 36: „...pravos solere potentibus, hoc est diis refragari“...) тоже вполне возможна, т. к. хорошо гармонируетъ со слѣдующими двумя стихами, гдѣ упоминается Муза, какъ одна изъ этихъ *κράτειντας*, т. е.—напосылающихъ избраннымъ людямъ откровеніе—боговъ.

6. [K. 55—57, St. 33—35, M. 159—161, cf. 59].

Такъ прежде всего узнай, что четыре корня всего существующаго: блистающій Зевсъ и жизнедательная Гера, а также Аидоней и Нестисъ, которая слезами орошаетъ смертный источникъ ¹⁾).

1) Т. е. слезы которой служатъ источникомъ, откуда смертные получаютъ потребную для нихъ влагу.

7. [K.—, St.—, M.—].

Непроизводныя (*стихій*) ¹⁾...

1. 'Αγέννητα—соб.: не возникшія; или—ἀγέννητα—не рожденные.

8. [K. 77—80, St. 36—39, M. 98—101].

Но скажу тебѣ другое: изъ всего тлѣннаго ни у чего нѣтъ ни рожденія, ни какого-либо предѣла губительной смерти, но есть лишь смѣшеніе и различеніе ¹⁾ смѣшаннаго, у людей же (*оно*) называется рожденіемъ.

1. Διαλλεῖς: значить именно „различеніе“, „размѣщеніе“, а не „раздѣленіе“, какъ обыкновенно переводить. Этотъ оттѣнокъ очень характеренъ: онъ прямо указываетъ на процессъ, которымъ Вражда выводитъ стихій изъ смѣшаннаго состоянія безразличія.

9. [K. 342—346, St. 40—44, M. 108—112].

Они ¹⁾),—какая бы смѣсь (*стихій*) ни вышла на свѣтъ ээпра ²⁾), въ образѣ ли челоуѣка, или на подобіе породы дикихъ звѣрей, или растений, или птицъ,—утверждаютъ въ такомъ случаѣ, что все это ³⁾ возникло (*изъ ничего*); когда же (*эта смѣсь*) разрѣшится (*на составныя части*), то, напротивъ, зовутъ это, согласно освященному давностію реченію ⁴⁾), злобчатою смертію, и я самъ (*для удобства*) слѣдую (*устанавливаемую*) обычаю.

1. Т. е. люди.

2. Стихъ—безнадежно испорченный временемъ и невѣжествомъ византийскихъ интерполяторовъ. Изъ всѣхъ многочисленныхъ конъектуръ наиболѣе удовлетворительна въ грамматическомъ и логическомъ отношеніяхъ конъектура Mullach'a, по которой и сдѣланъ переводъ; Οἱ δ' ὧς.

κεν κατὰ φύσιν μὴν φάος αἰθέρος ἴκη κτλ.—Слабость ея съ вѣшной т. зр (въ смыслѣ соотвѣствія рукописному преданію) въ данномъ случаѣ не имѣетъ большого значенія: грубая порча текста даетъ право на рѣшительныя мѣры къ его возстановленію.

3. Τότα μὲν τάδε φασί—конъектура Hylander'a у Diels'a.

4. Рук. даютъ безсмыслицу. Ἡ θέμις ἐστὶ—наиболѣе близкая конъектура Stein'a, принятая Burnet'омъ („as is the custom“) и Fairbanks'омъ („this is the established practice“).

10. [K.—, St.—, M—].

Мстительную¹⁾ смерть...

1. Ἀλοίτην—соб.=эолическая форма ἀλαίτης, что значить: злодѣй, преступникъ; но Diels сближаетъ эту форму съ женской формой ἀλοίτις=мстительница и переводить: sceleris vindex.

11. [K. 347—349, St. 45—47, M. 113—115].

Неразумные! Какъ¹⁾ близорука у нихъ мысль, разъ они въ самомъ дѣлѣ предполагаютъ возникновеніе не существовавшего раньше или умираніе и полное уничтоженіе чего-либо (*существующаго*).

1. Γάρ—даетъ здѣсь именно такой смыслъ.

12. [K. 81—83, St. 48—50, M. 102—104].

Потому что изъ вовсе не существовавшего невозможно возникнуть (*ничему существующему*), а также недостижимо и невѣроятно полное уничтоженіе существующаго; ибо оно¹⁾ всегда останется невредимымъ²⁾, какую бы силу и въ теченіе какого бы времени къ нему ни прилагать³⁾.

1. Существующее, т. е. стихія.

2. Рук. θήσασθαι,—Mullach περίσται—логически болѣе состоятельная конъектура: „...id agit Empedocles..., ut demonstret, omnino illud (ens) futurum esse semperque victurum, quocunque propellatur. Sola igitur im mortalitas hic spectanda“.

3. Соб.: куда бы кто его всегда ни толкалъ.

13. [K. 63, St. 91, M. 166].

И нѣтъ нигдѣ во вселенной ни пустоты, ни переполненія.

14. [K.—, St.—, M.—].

Но во вселенной нѣтъ пустоты; да и откуда взяться чему-либо (*подобному*)?

NB. По замѣчанію Diels'a, этотъ стихъ, обыкновенно, считается ошибочно составленнымъ изъ половинъ двухъ другихъ стиховъ: предыдущаго и фрагм. 17, ст. 32.—Однако сходство между ними далеко не полное.

15. [К. 350—353, St. 51—54, M. 116—119].

Не можетъ мудрый человѣкъ предполагать въ своемъ умѣ ничего подобнаго, будто, пока смертные живутъ,—что они, дѣйствительно, и называютъ жизнью,—до тѣхъ только поръ они и существуютъ и находятся въ обладаніи зла и добра, но что до созданія и послѣ разрушенія (*организма*) они представляютъ изъ себя полное¹⁾ ничто.

1. "Ар'.

16. К.—, St. 110—111, M. 145—146].

Потому что, какъ раньше онѣ были, такъ и будутъ (*послѣ*), да и никогда, думаю я, неизрекаемо—великое время не лишится ихъ обѣихъ¹⁾.

1. Рѣчь идетъ, конечно, о Любви и Враждѣ.

17. [К. 88—123, St. 61—95, M. 62—97].

Двойкое повѣдаю. Ибо то изъ многоаго срастается единство¹⁾, то, наоборотъ изъ одинаго прорастаетъ²⁾ многое. Двойко также возникновеніе тлѣнныхъ созданій, двойко и прехожденіе³⁾: это послѣднее (*т. е. прехожденіе*) всеобщимъ соединеніемъ и порождается⁴⁾ и уничтожается⁵⁾, а первое (*т. е. возникновеніе*), будучи вызвано къ жизни⁶⁾ благодаря (*всеобщему*) прорастанію (*изъ нѣдръ безразличнаго Сфероса*), снова⁷⁾ исчезаетъ (*подъ постепенно возрастающимъ воздѣйствіемъ разлагающей Вражды*)⁸⁾. И этотъ непрерывный переходъ (*стихій изъ одного состоянія въ другое*) никогда⁹⁾ не прекращается: то силою Любви сходятся всѣ онѣ воедино, то, наоборотъ, ненавистью Вражды несутся врозь другъ отъ друга. Такимъ образомъ, поскольку единое неизмѣнно¹⁰⁾ рождается изъ многоаго, а изъ прорастанія одинаго снова выдѣляется многое, постольку онѣ (*т. е. стихіи*) возникаютъ, и вѣкъ у нихъ нестойкій¹¹⁾. Но, поскольку непрерывный переходъ изъ одного состоянія въ другое никогда не прекращается, постольку онѣ существуютъ всегда въ неизмѣнномъ кругѣ¹²⁾.—Внимай же моимъ глаголамъ: вѣдь ученіе, суди самъ¹³⁾, возрастаетъ разумъ. Итакъ, какъ я раньше сказалъ, указывая предѣлы¹⁴⁾ своего повѣствованія, двойкое повѣдаю. Ибо то изъ многоаго срастается единство, то, наоборотъ, изъ одинаго прорастаетъ многое: огонь, и вода, и земля, и неизмѣримая высь воздуха, внѣ ихъ губительная Вражда, уравновѣшивающая каждую изъ нихъ¹⁵⁾, а среди нихъ Любовь, равная въ длину и ширину¹⁶⁾. Ее ты созерцай умомъ, а не сиди въ ослѣплѣніи. Она-то считается врожденною смертнымъ членамъ, благодаря ей у нихъ

(т. е. у людей) являются дружелюбные помыслы, и совершаютъ они дружные дѣла, прозывая ее Гееозиною (*радостію*), а также Афродитой (*наслажденіемъ*). Ни одинъ смертный человѣкъ не позналъ, что она распро- 25 страняется среди стихій¹⁷⁾; ты же внемли нелживому теченію моей рѣчи. Всѣ онѣ (т. е. стихіи) равны и одновременны по происхожденію¹⁸⁾, но одна выполняетъ одно назначеніе, другая— другое, и каждая обладаетъ особымъ свойствомъ¹⁹⁾, и поочередно господствуютъ онѣ въ круговращеніи времени²⁰⁾. Вѣдь къ нимъ ничто не прирождается и ничто (*изъ нихъ*) не 30 прекращаетъ существованія²¹⁾, такъ какъ, если бы онѣ непрерывно уничтожались, то ихъ бы уже болѣе не было, да кромѣ того²²⁾ какая и откуда взявшаяся сила возрастила бы (*оскудѣвшую*) вселенную? Итакъ, онѣ остаются тѣми же самыми, но, проницая другъ друга, въ одномъ мѣстѣ 35 становятся одной вещью, въ другомъ— другой²³⁾, оставаясь вѣчно подобными (*сами себя, т. е. тождественными*).

1. Наболѣе точная по смыслу передача: ἐν ᾗδὲ ἡ μόνον εἶναι—одно понятіе = усиливается (т. е. переходитъ въ дальнѣйшій, высшій фазисъ развитія) такъ, что образуетъ единое. Это простое описаніе для концепціи единства.

2. Διέφο—здѣсь именно взять образъ прорастанія: подъ воздѣйствіемъ Вражды какъ изъ земли прорастаютъ растенія и животныя, такъ и изъ единства Сфероса прорастаетъ, дифференцируется, выдѣляется множество. Процессъ и тамъ и здѣсь одинъ и тотъ же.

3. Ἀπόλειψις—соб.: отшествіе, оставленіе поста.—Слѣдуютъ два труднѣйшихъ стиха, различными толкователями понимаемые различно. Burnet и Tannery передаютъ ихъ лишь по общему смыслу. Mullach, Diels и Fairbanks толкуютъ связь мыслей каждый по своему, при чемъ однако толкованіе Diels'a слишкомъ неувѣренно: τὴν μὲν и ἡ δὲ онѣ относить безразлично или къ γενέσις или къ ἀπόλειψις, но такъ, что одновременно въ обѣихъ частяхъ противоположенія подразумѣваетъ только одно изъ этихъ понятій: или γ. или ἀπ.: „...τὴν μὲν et ἡ δὲ valent de γενέσις, at valent etiam mutatis mutandis de ἀπόλειψις, ergo alterum sufficit“.—Толкованія Mullach'a и Fairbanks'a внѣшнимъ образомъ прямо противоположны: М. τὴν μὲν относить къ γ., а ἡ δὲ къ ἀπ., F.—наоборотъ.—Самой естественной логически и правильной грамматически слѣдуетъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частныхъ, признать передачу Fairbanks'a: „Twofold is the coming into being, twofold the passing away, of perishable things; for the latter (i. e. passing away) the combining of all things both begets and destroys, and the former (i. e. coming into being), which was nurtured again out of parts that were being separated, is itself scattered“.

4. Поскольку соединеніе есть путь къ безразличію въ лонѣ Сфероса.

5. Поскольку соединеніе въ началѣ процесса есть путь къ образованію индивидуумовъ изъ хаотическаго разложенія стихій Враждою.

6. *Θρεφθεῖσα*, вм. рук. *θρ φθεισα*, необходимая поправка, предложенная Panzerbieter'омъ—соб.: будучи возвращено, воспитано.

7. *Πάλιν*, отступая отъ Fairbanks'a, отношу къ *διάντη*.

8. Итакъ поэтъ рисуетъ въ нѣсколькихъ словахъ картину послѣдовательной смѣны четырехъ періодовъ:

а) Порожденіе прехожденія всеобщимъ соединеніемъ=заключительные моменты IV' періода. Конечный моментъ=Сферось=I періодъ.

б) Уничтоженіе прехожденія (точнѣе, состоянія разложенія) тѣмъ же всеобщимъ соединеніемъ=начальные моменты IV' періода. Исходный моментъ=царство Вражды=III періодъ.

в) Порожденіе возникновенія Враждою изъ нѣдръ безразличнаго Сфероса=начальные моменты II періода. Исходный моментъ=Сферось=I періодъ.

г) Уничтоженіе возникновенія преобладаніемъ разлагающей Вражды=заклучительные моменты II періода. Конечный моментъ=царство Вражды=III періодъ.

9. *Οὐδαμᾶ*—соб.: никоимъ образомъ не.

10. *Μεμᾶσθηκε*.

11. Т. е. существованіе ихъ не непрерывно, не вѣчно.

12. Соб.: ...неподвижномъ въ его цѣломъ, т. е. въ самомъ себѣ замкнутомъ. Принимаю поправку Bergk'a р. 3: *ἀκίνητον* вм. *ἀκίνητοι*, которая будучи весьма вѣроятной по внѣшнимъ условіямъ (разница лишь въ одной буквѣ), даетъ лучший смыслъ грамматически: *διαλλάσσοντα ... ἀκίνητοι* Diels'a требуетъ нѣкоторой натяжки въ толкованіи.

13. *Τοί*.

14. Т. е. планъ.

15. *Ἀτάλαντον ἕκαστον*—по конъектурѣ Panzerbieter'a—соб.: равновѣсная каждой изъ нихъ. Рук.: *ἀτ. ἀπάντη* (Sext. Emp. adv. Mathem. IX. 10. X, 317) и *ἀτ. ἕκαστον* (Simplic. Phys. 157, 25). Независимо отъ того, принять ли, вмѣстѣ съ Diels'омъ, текстъ Секста (*ἀτ. ἀτ.*=повсюду уравновѣшивающая ихъ, т. е. перечисленные выше стихіи), или, вмѣстѣ съ другими толкователями (Mullach, Burnet, Fairbanks), исправленный Panzerbieter'омъ текстъ Симплиція,—смыслъ, на мой взглядъ, получается одинъ и тотъ же: Вражда, раздѣливъ стихіи на четыре группы, удерживаетъ ихъ въ равновѣсіи, не давая имъ возможности смѣшаться между собою, къ чему собственно и стремится противоположная ей сила Любви, которая, пользуясь,

различіемъ въ вѣсѣ стихій, выводить ихъ изъ состоянія равновѣсія и обращаетъ въ безразличный Сферосъ.

16. Т. е. имѣющая длину равную ширинѣ, равная по вѣсѣмъ направленіямъ или, иными словами, представляющая изъ себя шаръ и потому всегда стремящаяся придать разъединеннымъ Враждою на группы стихіямъ форму шара. Вотъ, думается мнѣ, самое естественное объясненіе этихъ versus vexatissimi: ἴση μῆκος τε πλάτος τε = простое описаніе понятія „сферическій“.

17. Μετὰ τοῖσιν—ср. ст. 20: ἐν τοῖσιν.

18. Ἰὺνναν—т. е. одинаково вѣчны.

19. Ἦθος—соб.: характеромъ, нравомъ. Ср. Mullach comment. in. h. v.

20. При интерпретаціи этого стиха невольно возникаетъ предположеніе, что здѣсь рѣчь идетъ не о стихіяхъ, но о Любви и Враждѣ. Однако всѣ интерпретаторы, вопреки авторитету Аристотеля (Phys. VIII. 1. 250° 7), съ полнымъ основаніемъ относятъ его къ стихіямъ. При этомъ Diels ссылается на почти тождественный стихъ фрагм. 26, ст. 1, Mullach (Comm. in. h. v.) же ограничивается ничего не говорящимъ замѣчаніемъ. „Placuit... Empedocli non tantum ambo illa principia amicitiam et discordiam, sed etiam elementa per vices dominari“.—Затрудненіе совершенно устранялось бы, если бы выраженіе ἐν μέσῃ можно было понимать: поочередно въ отношеніи къ отдѣльнымъ мировымъ періодамъ, т. е. въ смыслѣ перемежающагося господства всѣхъ стихій вмѣстѣ взятыхъ, а не—поочередно въ отношеніи къ отдѣльнымъ группамъ стихій: огню, водѣ и т. д. Но послѣдніе два стиха того же фрагмента и начальные стихи фрагм. 26 противорѣчатъ такому пониманію (...εἰς ἄλλα...) и въ то же время поясняютъ мысль философа: говоря о господствѣ одной стихіи надъ другой, онъ просто имѣетъ въ виду ихъ поочередное преобладаніе въ отдѣльных частяхъ мірозданія, а не во вселенной въ ея цѣломъ.

21. Стихъ безнадежно испорченъ; перевожу по конъектурѣ Stein'a, дающей наиболѣе удовлетворительную связь съ послѣдующими стихами: οὐδὲν γὰρ πρὸς τοῖς ἐκίγνεται οὐδ' ἀπολύει.

22. Τοῦτο δ'—здѣсь нарѣчіе, а не мѣстоименіе, относящееся къ τὸ πᾶν. Философъ опровергаетъ возможность постепеннаго уничтоженія стихій двумя доводами: будь это такъ, говоритъ онъ, запасъ ихъ „въ круговращеніи времени“ изсякъ бы наконецъ, и, слѣдовательно, міръ былъ бы невозможенъ какъ 1) въ настоящемъ (οὐκ ἐστ' ἂν ἤσαν), такъ и 2) въ будущемъ (τοῦτο δ' и т. д.).

23. Т. е. стихіи образуютъ различныя сочетанія и такимъ образомъ входятъ въ составъ многихъ производныхъ веществъ и явленій.

18. [К.—, St.—, М.—].

Любовь¹⁾...

1. Φιλίη вм. обычной формы: Φιλότης.

19. [К. р. 349, St. 209, М. 276].

Единящую Любовь¹⁾...

1. Σελβνν Φιλότης: такъ, по свидѣтельству Плутарха (De prim. frig. 16 р. 952 В), называетъ Эмпедоклъ воду (...ὅθωρ κολλητικὸν καὶ οὐχτικόν).

20. [К. 335—341, St. 247—253, М. 182—188].

Это¹⁾ замѣчательно обнаруживается въ совокупности смертныхъ членовъ²⁾: всѣ составляющіе тѣло члены то Любвию соединяются въ одно цѣлое въ полномъ расцвѣтѣ жизненныхъ силъ; то, наоборотъ, разъятые злымъ Раздоромъ, блуждаютъ каждый порознь у поражаемыхъ прибоемъ береговъ житейскаго моря.—Одинаково (*происходитъ это*) у растений, и у имѣющихъ водяные чертоги рыбъ, и у живущихъ въ горныхъ логовищахъ звѣрей, а также у пернатыхъ ладей (*птицъ*).

1 Борьба Любви и Вражды.

2. Т. е. въ строеніи человѣческаго организма. Въ виду несомнѣнной порчи рукописнаго чтенія, перевожу по наиболѣе вразумительному тексту Fairbanks'a: τοῦτο μὲν ἐν βράτεων μελέων ἀριδείκτεον ὄψϋ.

21. [К. 124—137, St. 96—109, М. 120—133].

Итакъ, рассмотримъ свидѣтельства моихъ прежнихъ рѣчей, не произошло ли въ предшествующемъ (*повѣствованіи*) какого-либо уклоненія отъ основной мысли (*поэмы*)¹⁾: вотъ²⁾—жаркое и блестящее во всѣхъ частяхъ солнце, и все открывающееся взору божественное (*пространство* 5 *атмосферы*), заливаемое яркимъ сіяніемъ, и темная и холодная во всѣхъ частяхъ⁴⁾ дождевая влага; а изъ земли истекаютъ твердыя основанія вещей⁵⁾. Подъ воздѣйствіемъ Ненависти⁶⁾ всѣ онѣ⁷⁾ бываютъ надѣлены особымъ видомъ и разобщены другъ отъ друга⁸⁾, подъ владычествомъ же Любви соединяются взаимнымъ влеченіемъ⁹⁾. Ибо изъ нихъ (*стихій*) образуется все, что было, что есть и что будетъ, изъ нихъ произрастаютъ 10 деревья, и мужи, и жены, звѣри и птицы, и населяющія воду рыбы, а также и долговѣчные, высочайшими почестями величаемые, боги: онѣ (*стихій*) остаются тѣми же самыми, но, проницая другъ друга, являются въ различныхъ видахъ: настолько измѣняетъ ихъ смѣшеніе (*другъ съ другомъ*).

1. Μορφῇ подразум. ἐπέων=складъ рѣчи, форма, планъ, идея. Эти два стиха имѣютъ, такимъ образомъ, значеніе перехода отъ высказанной

въ общихъ чертахъ идеи—постепеннаго возникновенія всего существующаго изъ разрозненныхъ частей—къ иллюстраціи ея на конкретныхъ примѣрахъ: размотри, говоритъ философъ, приложима ли эта идея къ солнцу, воздуху и т. п.

2. Ὀρᾶν, по тексту Симплиція (Phys. 159, 13) стоящее при θαρρόν, имѣетъ значеніе перехода къ перечисленію (=Infin. pro Imper.). По тексту же Плутарха (De prim. frig. 13 p. 949 F), принятому Mullach'омъ (ἀμ-πρόν ὀρᾶν, вм. рук.: λ.δρᾶ), оно не имѣетъ самостоятельнаго значенія (=Infin. respect.). Контекстъ Симплиція, очевидно, выразительнѣе, и по тому перевозу по нему.

3. Т. е. стихія воздухъ. Рук. текстъ безнадежно испорченъ. Перевозу по конъектурѣ Mullach'a, принятой Stein'омъ и Fairbanks'омъ: ἀμβροτα δ'ἔσσα καλεῖται κτλ.—Diels и за нимъ Burnet вм. καλεῖται пишутъ ἵδει. Признавая обѣ конъектуры одинаково возможными (ἵδει—смысла по существу не измѣняетъ), не могу однако согласиться съ общепринятымъ мнѣніемъ, будто подъ ἀμβροτα философъ разумѣетъ небесныя свѣтила („согροга coelestia. astra“—Mullach; „planetæ“—Diels). Ссылка Diels'a на фрагм. 22, ст. 2, гдѣ тому неясному представленію, о которомъ идетъ рѣчь въ данномъ стихѣ, соответствуетъ выраженіе οὐρανός,—всего лучше подтверждаетъ мое предположеніе, что здѣсь имѣется въ виду „безсмертная, божественная стихія,—воздухъ, какъ открывающееся взору необъятное небесное пространство. Cf. Mullach comment. in. v. 263.

Такимъ образомъ, при моемъ толкованіи свидѣтельство Симплиція (I. 1:...τὸ μὲν πῦρ ἥλιον καλεῖται, τὸν δὲ αἶρα αὐτὴν καὶ οὐρανόν...) остается въ силѣ, и его приходится исправить лишь постольку, что Эмпедоклъ описываетъ понятіе αἶρ не чрезъ αὐτὴν, но чрезъ ἀμβροτα δ'ἔσσα κтλ. Впрочемъ, этотъ промахъ древняго комментатора объясняется простымъ недосмотромъ.—Замѣчу также, что, на мой взглядъ, подъ αὐτὴν не слѣдуетъ, вмѣстѣ съ Mullach'омъ, Fairbanks'омъ и Burnet'омъ, разумѣть только солнечное сіяніе, но блескъ мірового огня вообще, отъ котораго получаетъ, путемъ отраженія отъ земли, свой свѣтъ и видимое нами солнце.

4. Ἐν κᾶσι—ср. въ ст. 3: ἃ ἀντι.

5. Т. е. твердая стихія, образующая твердыя тѣла; θέλοντα—рѣдкое и неясное по значенію слово; θ. 12 καὶ στερεώτα—перевозу какъ ἐν διαδοῖν.

6. Ἐν... Κόσῳ—соб.: въ ,—среди Ненависти.

7. Т. е. всѣ перечисленные выше виды существованія, или стихіи.

8. Т. е. живутъ индивидуальною жизнью.

9. Т. е. утрачивают свою индивидуальность, сливаясь въ безразличное единство Сфероса.

22. [К. 326—334, St. 186—194, М. 262—270].

Потому что всѣ онѣ (*стихиі*),—и лучезарное солнце¹⁾, и земля, и небо²⁾, и море³⁾,—дружны⁴⁾ всѣми своими частями, какія только, отпрянувъ отъ нихъ, ни существуютъ въ тѣнныхъ вещахъ⁵⁾. Точно такъ же и всѣ тѣ (*разнородныя стихиі, а не только части одной и той же стихиі*), которыя болѣе способны къ смѣшенію (*между собою*), будучи уподоблены (*другъ другу*) Афродитой, одержимы взаимнымъ любовнымъ влеченіемъ. Наиболе же враждебныя наиболе и различаются между собою естественными свойствами⁶⁾, способами соединенія⁷⁾, а также и выраженными въ нихъ видами⁸⁾, будучи совершенно непривычны⁹⁾ къ совокупленію и крайне безпомощны противъ внушеній Вражды, такъ какъ она (*—то и*) надѣлила ихъ такими свойствами¹⁰⁾.

1. Т. е. стихиіа—огонь.

2. Не небесная твердь, но внутренность небеснаго купола, атмосфера, т. е. стихиіа—воздухъ.—Ср. предыдущій фрагментъ.

3. Т. е. стихиіа—вода.

4. Т. е. склонны къ любовному единенію.

5. Т. е. какія только ни вошли въ составъ видимаго міра. Cf. Diels comment. in h. v: „*quotquot* (sc. *μέρη*) *eis* (sc. *puris elementis*) *disiuncta extant in mortali mundo*“.—Смыслъ: части одной и той же стихиі, въ какомъ бы состояніи онѣ ни находились,—слитыя ли въ однородную массу, или разсѣяныя въ безконечномъ разнообразіи чувственныхъ вещей,—всегда стремятся къ любовному единенію между собою.

6. *Γέννησις*—соб.: родомъ, породой. Ср. примѣч. 10.

7. *Κρήσεις*—соб.: смѣшеніемъ, т. е. пропорціями и соотношеніями, какія образуютъ онѣ, входя въ составъ различныхъ вещей.

8. *Εἰδησιν ἐκπαχτοῖσι*,—т. е. внѣшними формами ихъ самихъ и возникающихъ изъ нихъ конкретныхъ образованій.

9. *Ἀγέστα*—т. е. неспособны.

10. *Γένναν*: всѣ переводчики передаютъ чрезъ „рожденіе“, „происхожденіе“; между тѣмъ стихиі точно такъ же существуютъ отъ вѣка, какъ и сама Вражда, и потому, если вообще можно говорить объ ихъ „рожденіи“, то развѣ отъ превѣчной, всемогущей Ананки. Отношеніе же къ стихиіамъ Вражды ограничивается лишь тѣмъ, что она,—выведя ихъ изъ состоянія безразличія, какимъ онѣ наслаждались „подъ любовнымъ по-

кровомъ Гармоніи“, -- вселила въ нихъ неудержимое стремленіе къ обособленію, послѣла „губительную рознь“ между ними.

23. [K. 154—164, St. 119—129, M. 134—144].

Подобно тому какъ живописцы, раскрашивая священные приношенія богамъ, — люди, глубокимъ умомъ основательно ¹⁾ изучившіе искусство, — берутъ ²⁾ разноцвѣтныя краски и, смѣшавъ ихъ соотвѣтствующимъ образомъ — однихъ болѣе, другихъ менѣе, создаютъ изъ нихъ схожія со всѣми 5 предметами изображенія, воспроизводя деревья, и мужей, и женъ, и звѣрей, и птицъ, и живущихъ въ водѣ рыбъ, а также и долголѣтнихъ, величаемыхъ высочайшими почестями, боговъ: -- такъ да не одолѣетъ твоего ума заблужденіе, (которое могло бы заставить тебя предполагать.) будто есть гдѣ-либо какой-либо другой источникъ всего тлѣннаго, чтó только 10 ни открывается взору въ несказанно-огромномъ количествѣ ³⁾ но убѣдись ⁴⁾, что это онѣ (стихія) ⁵⁾, внявъ божественному глаголу ⁶⁾.

1. Ἀμφί... — широко, εὖ — глубоко.

2. Χερσίν — остается безъ перевода.

3. Т. е. всего вообще видимаго міра.

4. Τὸρῶς... ἴσθι — соб.: насквозь познай.

5. Т. е. убѣдись въ томъ, что единственный источникъ всего видимаго — въ стихіяхъ.

6. Θεοὺ πάρα μᾶλλον ἄκοῦσας. Кого нужно разумѣть подъ словомъ Θεοῦ, — на этотъ счетъ среди ученыхъ царитъ полнѣйшее разногласіе. Bergk (l.l. 18, 8; 29; 63) видитъ въ этомъ Θεόςъ единаго, верховнаго бога (?), какъ конечный источникъ всего существующаго, а потому толкуетъ данный стихъ такъ, какъ будто понятіе πάρα Θεοῦ противопоставляется въ двухъ предыдущихъ стихахъ выраженію ἅλλοθεν εἶναι θνητῶν... πηγῆν. Вслѣдствіе этого онъ выдѣляетъ въ своемъ текстѣ слова Θεοῦ πάρα запятыми. — Другіе (Bidez у Diels'a и у Rohde), относя ихъ къ самому поэту, видятъ въ этомъ стихѣ примѣръ безусловнаго аутоапоеоза, къ какому, по преданію, былъ такъ склоненъ Эмпедоклъ. — Третьи (Rohde, Psyche II, 182²) также находятъ здѣсь примѣръ самообожествленія, но относительнаго: поэтъ самъ не богъ, но вѣщаетъ истину, какъ богъ. — Наконецъ, четвертая группа ученыхъ (Karsten, Panzerbieter у Mullach'a, самъ Mullach, Burnet, а также и Diels) читаетъ Θεοῦ какъ τῆς Θεοῦ, т. е. подразумѣваетъ подъ божествомъ Музу, ссылаясь на фрагм. 4, ст. 3; 5 ст. 2 и т. п.

Я думаю, что ближе всего къ истинѣ послѣднее толкованіе, не нужно только проводить рѣзкой грани между самимъ поэтомъ и вдохновляющей его Музой: истина, въ которой хочетъ убѣдить своего друга Эмпедоклъ,

не есть положительное откровение какой-либо реальной Музы, но и не есть также рациональное построение мыслителя; то, что ее изрекаетъ, есть, говоря современнымъ языкомъ, чистое нaи́тiе, творческій экстазъ, въ которомъ творецъ-поэтъ и вдохновляющее его божество—взаимно неотдѣлимы, представляютъ какъ бы одно цѣлое.

24. [К. 447—448, St. 58—59, M. 230—231].

Нагромождаъ одно заглавіе на другое, не доводитъ до конца одной стези повѣствованія...

25. [К. 446, St. 59 bis, M. 232].

Вѣдь, что нужно. (*mo*) и дважды хорошо повѣдать...

26. [К. 138—149, St. 112—118 (om. 8—12), M. 147—153].

Поочередно господствуютъ онѣ (*стихiи*) въ круговращеніи (*вселенскаго*) цикла¹⁾: то оскудѣваютъ²⁾ онѣ одна за другой, то возрастаютъ³⁾ въ роковомъ чередованіи. Ибо онѣ остаются тѣми же самыми, но, пріи́мая другъ друга, становятся людьми⁴⁾ и животными другихъ породъ, 5 то силою Любви сходясь въ одно стройное цѣлое, то, наоборотъ, ненавистью Вражды несясь врозь другъ отъ друга, пока, сросшись въ единое вселенское цѣлое, не потеряются въ немъ⁵⁾.—Такимъ образомъ, поскольку единое неизмѣнно рождается изъ многоаго, а изъ прорастанія единаго 10 снова выдѣляется многое, постольку онѣ (*стихiи*) возникаютъ, и вѣкъ у нихъ нестойкій. Но, поскольку непрерывный переходъ изъ одного состоянія въ другое никогда не прекращается, постольку онѣ существуютъ всегда въ неизмѣнномъ кругѣ⁶⁾.

1. Т. е. въ круговомъ теченіи послѣдовательныхъ періодовъ великой міровой драмы, вселенскаго процесса.

2. Качественно, не количественно. Фθίωσι—соб.: чахнуть, ослабѣваютъ силами, а не „исчезаютъ“, что, по яснымъ и многократнымъ заявленіямъ философа, противорѣчило бы самой сущности стихiи.

3. Опять таки качественно, или, точнѣе, съ т. зр. преобладающаго воздѣйствія на другія стихiи.

4. Т. е. входятъ въ составъ человѣческихъ организмовъ и проч.

5. Соб.: пока не окажутся побѣжденными, пока не подчинятся ему, т. е. пока не утратятъ въ немъ своей индивидуальности.

6. Ср. фрагм. 17.

27. [K. 72. 73. 59. 60, St. 135—138, M. 172—173, 175—176].

Не видны тамъ ни быстрые члены¹⁾ Гелиоса, ни косматая грудь²⁾ земли, ни море: такъ подъ плотнымъ покровомъ Гармоніи утверждается округленный, гордый своей совершенной замкнутостью Сферось.

1. Т. е. лучи: $\phi\acute{\kappa}\epsilon\alpha\ \gamma\upsilon\iota\alpha$.

2. $\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$. — $\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, вм. рук. $\gamma\epsilon\nu\omicron\varsigma$, предложилъ Bergk (l. l., p. 4), а за нимъ приняли Diels, Fairbanks и др., повидимому, вполне основательно. Но при истолкованіи этого слова нельзя останавливаться на полпути, передавая его терминами въ родѣ: „сила“, „мощь“ („the shaggy might“, — Fairbanks'a, „zottige Kraft“ — Diels'a и т. п.), такъ какъ сочетаніе столь конкретнаго представленія какъ „косматый“ съ абстрактнымъ понятіемъ „силы“, да еще въ отношеніи къ землѣ, едва ли возможно даже въ ультра-пластическомъ стилѣ Эмпедокла. Между тѣмъ аналогичныя выраженія поэтическаго языка Гомера ($\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\alpha\ \sigma\tau\acute{\eta}\theta\epsilon\alpha$: II. I, 189; $\lambda\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\nu\ \kappa\acute{\eta}\rho$: II. II, 851; XVI, 554; cf. Platon. Theaet. 194, D) даютъ, на мой взглядъ, полное право передавать $\mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ черезъ „грудь“, тѣмъ болѣе что „грудь кормилицы-земли“—образъ, получившій право гражданства въ поэзіи вообще.

28. [K.—, St.—, M.—].

Но (то) былъ отовсюду равный и вполне безпредѣльный¹⁾, шаровидный, гордый своей совершенной замкнутостью²⁾ Сферось.

1. $\Pi\acute{\epsilon}\rho\tau\alpha\nu\ \acute{\alpha}\pi\epsilon\acute{\iota}\rho\omicron\nu$. Diels понимаетъ въ смыслѣ „вполне округленный“, что весьма вѣроятно въ виду дальнѣйшихъ опредѣленій Сфероса.

2. Сохраняю чтеніе предыдущаго фрагмента, отступая отъ текста Стобея (Ecl. I 15,2 ab p. 144 20 W), который Diels воспроизводитъ въ своемъ изданіи, хотя и считаетъ его ошибочнымъ. По Стобею: $\mu\omicron\nu\acute{\iota}\eta\ \pi\epsilon\rho\iota\gamma\eta\theta\acute{\epsilon}\iota\ \chi\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\nu$ —смыслъ былъ бы такой: „радуясь своему пріятному одиночеству“.

29. [K.—, St.—, M.—].

Потому что не поднимаются у него¹⁾ изъ спины двѣ вѣтви²⁾ и (кѣтъ у него) ни ступней, ни проворныхъ колѣнъ, ни дѣтородныхъ частей, но онъ представлялъ изъ себя шаръ и былъ отовсюду равенъ себѣ самому³⁾.

1. Космоса, вселенной. Ср. Diels comment. in h. v.

2. Т. е. двѣ руки.

3. $\text{'}\text{Α}\lambda\lambda\acute{\alpha}\ \sigma\phi\alpha\acute{\iota}\rho\omicron\nu\ \xi\eta\nu\ \chi\alpha\iota\ \pi\acute{\alpha}\nu\tau\omicron\theta\epsilon\nu\ \acute{\iota}\sigma\omicron\nu\ \acute{\iota}\sigma\omicron\tau\acute{\omega}\nu$: перевожу по весьма правдоподобной конъектурѣ Diels'a, отвергая нескладное, явно испорченное чтеніе рукописей.

30. [К. 66—68, St. 139—141, М. 177—179].

Но когда Вражда возрасла до большихъ размѣровъ въ (*божественныхъ*) членахъ (*шаровиднаго космоса*) и вознеслась къ почестямъ¹⁾ по истеченіи времени, какое попеременно протекаетъ для нихъ²⁾ по опредѣленію всеобъемлющей клятвы...

1. Т. е. получила возможность дѣйствовать, начала проявлять свою силу.

2. Σφιν: имѣются въ виду, конечно Любовь и Вражда.

31. [К. 70. St. 142, М. 180]

Ибо одинъ за другимъ вздрагивали члены божества...

32. [К. 457, St. p. 63, М.—].

Сочлененіе связываетъ два (*члена*)...

33. [К. 265, St. 279, М. 215].

Подобно тому какъ смоковничный сокъ свертываетъ и заставляетъ ссѣдаться бѣлое молоко¹⁾...

1. Образъ, иллюстрирующій процессъ единенія стихій силою Любви.

34. [К. et St. 208, М. 275].

Скленвъ¹⁾ ячменную муку съ водою²⁾...

1. Κολλήσας: т. е. смѣшавъ.

2. Образъ для иллюстраціи смѣшенія сухого съ влажнымъ.

35. [К. 165—181, St. 169—185, М. 189—205].

Но я, вернувшись назадъ, пойду по тому пути пѣснопѣній, который раньше избралъ, извлекая одно разсужденіе изъ другого. Когда Вражда спустилась въ самую глубь пучины, а въ срединѣ вихря оказалась Любовь, тогда 5 тамъ¹⁾ всѣ стихіи²⁾ сходятся воедино, не вдругъ, но собираясь произвольно одна отсюда, другая оттуда. При этомъ изъ ихъ смѣшенія истекаютъ безчисленные виды тлѣнныхъ созданій. Но, чередуясь со смѣшаннымъ³⁾, многое пребываетъ несмѣшаннымъ, (*именно*) все то, что 10 удерживаетъ еще остающаяся поверхъ⁴⁾ Вражда. Ибо она еще⁵⁾ не вполне вся отступила къ крайнимъ предѣламъ круга, но частью оставалась, частью же вышла изъ (*успѣвшихъ уже сформироваться подъ воздѣйствіемъ Любви*) членовъ (*вселенной*). И насколько постоянно устремлялась она ко-внѣ, настолько постоянно наступало кроткое, божественное стремленіе безупречной Любви. И скоро стало рождаться въ тлѣнномъ видѣ

то, чему раньше была присуща нетлѣнность, и въ смѣшанномъ видѣ то, что раньше было чуждо всякаго смѣшенія⁶⁾, помѣнявшись путями⁷⁾. А 15 изъ ихъ смѣшенія истекаютъ безчисленные виды тлѣнныхъ созданій, надѣленныхъ разнообразными формами: диво посмотрѣть!

1. 'Εν τῇ: т. е. въ срединѣ, въ центрѣ вихря или, что то же, въ Любви.

2. Τὰδε πάντα.

3. Καταμερόμεναι ἐναλλαξ. Смыслъ: оставшіяся несмѣшанными стихіи входятъ въслѣдствіи въ составъ смѣси, уступая свое мѣсто независимаго существованія другимъ стихіямъ, уже побывавшимъ въ составѣ конкретныхъ образованій, и наоборотъ—до безконечности.

4. Μετὰ τὸν: т. е. на периферіи, въ противоположность центру, который заняла Любовь.

5. Πῶς: не вижу надобности измѣнять рукописное чтеніе въ τῶν, что предлагаетъ Diels.

6. Ζωρά τε τὰ πρὶν ἄκρατα—Plut. Quaest. conv. V 4, 1. 677D и Theophr. apud Athen. X, 423F—чтеніе, принятое Mullach'омъ, Fairbanks'омъ, Burnet'омъ, Wilamowitz'омъ (у Diels'a).

Другіе интерпретаторы, въ томъ числѣ и Diels, затрудняются принять употребляемые, обыкновенно, въ смыслѣ синонимовъ термины ζωρά и ἄκρατα въ значеніи противоположенія, какъ того непремѣнно требуетъ контекстъ, и потому вынуждены предлагать всевозможныя конъектуры на гораздо слабѣе засвидѣтельствованные и взаимно противорѣчивые тексты другихъ рукописей (Симплиція, Аристотеля). На мой взглядъ, если принять во вниманіе, что возможность такого противопоставленія ζ. и ἄκ. засвидѣтельствована самими древними писателями (Athen. l. l.: Θεόφραστος: δ' ἐν τῷ Περὶ μεθης ζωρότερόν φησιν εἶναι τὸ κακράμενον παρατίθεμενος Ἐμπεδοκλέους τὰδε κτλ.),—у насъ нѣтъ основаній отказываться отъ согласнаго чтенія лучшихъ рукописей.

7. Т. е. въ противоположность прежнему состоянію.

36. [К. 171, St. 175, М.--].

И когда онѣ (*стихίαι*) стали сходиться, Вражда стала отступать къ крайнимъ предѣламъ (*постепенно формирующейся сферы*).

37. [К. 271, St. 198, М. 274].

Земля возвращаетъ свое тѣло, эфиръ—эфиръ.

38. [K. 182—185. St. 130—133, M. 233—236].

Итакъ скажемъ ¹⁾ о (*тѣхъ*) первыхъ и одновременныхъ по происхожденію ²⁾ (*основахъ сущаго*), изъ которыхъ, очевидно ³⁾, возникло все то, что мы теперь видимъ: земля, и волнующееся море, и влажный воздухъ, и облекающій все кругомъ Титанъ—эфиръ ⁴⁾.

1. Εἰ δ' ἄγε τοι λέξω—соб.: „ну, если тебѣ угодно, я скажу“,—что лучше всего выражается русскимъ „скажемъ“.

2. Ἠλίκα τ' ἀρχήν—очень удачная и остроумная конъектура Diels'a, вм. нескладнаго рукописнаго чтенія ἥλιον ἀρχήν. Ср. фрагм. 17, ст. 27: ἥλικα γέναν.

3. Δῆλ'—конъектура H. Weil'a у Diels'a. Но Diels понимаетъ это слово нѣсколько иначе: „...aus denen das, was wir jetzt betrachten, alles an das Licht kam“.

4. Γαῖα τε καὶ πόντος πολυχόρων ἡδ' ὑγρὸς ἀήρ Τитάν ἡδ' αἰθήρ σφίγγων περικύκλον ἅπαντα. Mullach и Tannery передаютъ: „...Titan atque aether...“, „...le Titan (soleil) et l'éther...“.—Mullach даетъ при этомъ небезынтересную, хотя и мало вѣроятную, мотивировку такого толкованія: αἰθήρ и ἀήρ. на его взглядъ, тождественны по своему понятію, какъ одна и та же стихія, но различны по наглядному представленію: „...aer ab aethere sic discernitur, ut non tam diversa elementa, quam diversae coeli partes his nominibus designetur“.—Fairbanks и Burnet: ὑγρὸς ἀήρ—„damp mist“, T. αἰθήρ—„Titan aether (i. e. air)“.—Diels: T. αἰθ.—„sol“.

На мой взглядъ, это просто—четвертая стихія—огонь, питающій всѣ вообще небесныя свѣтила, облекающій и озаряющій дневную полусферу видимаго неба.

39. [K. 199—201, St. 146—148, M. 237—239].

Если безпредѣльна глубина земли и безконечно-изобилентъ ¹⁾ эфиръ, какъ то гласятъ голословныя заявленія, вытекающія изъ многихъ устъ ²⁾ (*людей*), видѣвшихъ (*лишь*) незначительную часть вселенной...

1. Δαφίλος—соб. просто: „изобилентъ“, но по смыслу здѣсь необходима прибавка „безконечно“.

2. Оба рукописныя чтенія:—и γλώσσης (Arist. de Caelo B 13. 294^a 21) у Diels'a и βροτέων (Arist. de MXG 2 p. 976^b 32) у остальныхъ издателей—даютъ одинаково хорошій смыслъ.

40. [K. 186, St. 149, M. 240].

Острыя стрѣлы мечущее солнце и кроткая луна...

41. [К. 187, St. 150, М. 241].

Но оно (*солнце*), собравшись ¹⁾, обтекаетъ великое небо...

2. Т. е. сгустившись изъ отдѣльныхъ частицъ стихій—огня.

42. [К. 194--196, St. 157--159, М. 248--250].

Она (*луна*) скрадываетъ у него (*солнца*) лучи, пока оно проходитъ подъ нею, и затмеваетъ столько земли, какова именно ширина свѣтлоокой луны.

1. Перевожу по прекрасной въ логическомъ и критическомъ отношеніи конъектурѣ Diels'a: ἡπεστέγασεν δὲ αἱ αὐγὰς, ἔστ' ἂν ἴη καὶ.

43. [К. 192, St. 153, М. 244].

Такъ (*солнечный*) свѣтъ, ударяющійся о широкій кругъ луны...

44. [К. 188, St. 151, М. 242].

Оно (*солнце*) отражаетъ свѣтъ къ Олимпу ¹⁾ безстрашнымъ ликомъ.

1. Т. е. къ небу.

45. [К. 190, St. 154, М. 245].

Округленный заимствованный свѣтъ (*луны*) вращается вокругъ земли.

46. [К. 189, St. 155, М. 246].

Вращается она (*луна вокругъ земли*), какъ втулка у колесницы, огибая высокій столбъ въ ристалищѣ ¹⁾.

1. Перевожу по единственно вразумительной конъектурѣ Panzerbieter'a, дополненной и объясненной Diels'омъ: ἄρματο: ὧ: περί χροῖνι ἀίσσεται ἢ τε παρ' ἄκρην (ὑβόσιν ἐλαυνομένη καὶ). „...Luna radians, dum volvitur presse prope terram..., apte comparetur modiolis rotae, qui dum simul cum radiis rotae volvitur, stringit metam curvo cursu. Tertium comparationis videtur esse appropinquatio rotantis corporis“.

47. [К. 191, St. 156, М. 247].

Смотритъ она (*луна*) съ противоположащей стороны на священный кругъ (*своего*) владыки (*солнца*).

48. [К. 197, St. 160, М. 251].

Ночь же земля производитъ, загораясь собою ¹⁾ свѣтъ.

1. Ὑφίσταμένη—соб.: подставляясь подъ...

49. [К. 198, St. 161, М. 252].

Пустынной и слѣпоокой ночи...

50. [К.—, St.—, М. 480].

Ирида¹⁾ несесть съ моря вѣтеръ или сильный ливень.

1. Т. е. радуга.

51. [К. 202, St. 168, М. 261].

Быстро (*устремившись*) вверхъ¹⁾...

1. Рѣчь идетъ объ огнѣ. Ср. фрагм. слѣд. и 54.

52. [К. 207, St. 162, М. 255].

Подъ землею горить много огней...

53. [К. 204, St. 167, М. 260].

Потому что въ то время онъ (*эоиръ*) двигался именно¹⁾ такъ, но часто и иначе.

1. Συνέχορε = ἔτοχε.

54. [К. 203, St. 166, М. 259].

Эоиръ... сталъ вѣдраться въ землю длинными корнями...

55. [К. 451, St. 165, М. 258].

Море—потъ земли...

56. [К. 206, St. 164, М. 257].

Соль отвердѣла подъ дѣйствіемъ¹⁾ солнечныхъ лучей.

1. Ἐσζμένος—соб.: подъ толчками.

57. [К. 232—234, St. 244—246, М. 307—309].

Такъ¹⁾ выросло много головъ безъ шей, скитались голыя руки, лишенные плечъ, блуждали одинокія очи безъ лбовъ.

1. Ἦν: можно понимать и въ мѣстномъ значеніи: гдѣ, т. е. тамъ, на землѣ. Смыслъ зависитъ отъ того, что предшествовало этому стиху.

58. [К.—, St.—, М.—].

Блуждали одночленные органы¹⁾...

1. Μονομελῆ γούα ἐπλανᾶτο.

59. [K. 235—237, St. 254—256, M. 310—312].

Но когда тѣснѣе стало сплочиваться божество съ божествомъ¹⁾, то, съ одной стороны, тѣ²⁾ члены начали случайно³⁾ сочетаться между собою, какъ попало⁴⁾, съ другой же—, къ нимъ непрерывно прирождались⁵⁾ многіе другіе.

1. Т. е. Любовь съ Враждою стали болѣе равномерно проявлять свою дѣятельность, между тѣмъ какъ раньше преобладала Вражда. Таково объясненіе Симплиція (De caelo 587, 20), и, я думаю, нѣтъ никакихъ основаній относить, вмѣстѣ съ Таппегу, выраженіе *δαίμονι δαίμον* къ стихіямъ.

2. Т. е. существовавшіе уже порознь.

3. Понятіе случайности заключается въ самомъ глаголѣ *οορίπτειν*.

4. *Ὅκτι συνέκρησαν ἕκαστα*—соб.: гдѣ каждый изъ нихъ случился.

5. *Ἐξαιρέοντο*: аористъ объясняется вліяніемъ предшествующаго *δι-
εχθῆ*. По русски—длительная форма.

60. [K. 242, St. 261, M. 317].

Съ волочащимися ногами, съ нераздѣленными конечностями¹⁾...

1. Т. е. копытами. *Ἀκρίτῳχερα*—соб.: съ нераздѣленными руками. Но въ виду того, что рѣчь идетъ о скотѣ, естественнѣе всего, вмѣстѣ съ Fairbanks'омъ, разумѣть здѣсь копыта, для чего, какъ мнѣ кажется, даже нѣтъ надобности прибѣгать, по примѣру Burnet'a, къ конъектурѣ Karsten'a: *ἀκρίτῳχῆρα*.—Смыслъ: въ ту отдаленную эпоху, когда еще только начиналась, подъ воздѣйствіемъ Вражды, дифференціація отдѣльныхъ органовъ животныхъ организмовъ, двукопытный нынѣ скотъ былъ однокопытнымъ.

61. [K. 238—241, St. 257—260, M. 313—316].

Стало рождаться много двуликихъ и двугрудыхъ существъ, изъ бычачьей породы съ человѣческимъ ликомъ и, наоборотъ, стали происходить человѣко-рожденные твари съ бычачьими головами; созданія смѣшанныя, частью изъ (*частей тѣла*) мужчинъ, частью же женской природы, надѣленные бесплодными¹⁾ членами²⁾.

1. *Σταίροις*—хорошая конъектура Diels'a, принятая Fairbanks'омъ и Burnet'омъ, вм. рукописнаго *ἐκίαιοις*, что едва ли допустимо, несмотря на нелишнюю остроумія апологію Wilamowitz'a, который „...generaliter pudenda tamquam in umbra corporum latentia intellegit“ (Diels comment. in h. v.).

2. Т. е. неспособные къ рожденію андрогинны.

62. [К. 248—255, St. 262—269, М. 318—325].

Теперь же послушай о томъ, какъ огонь, выдѣляясь, вывелъ на свѣтъ скрывавшіеся въ ночи ¹⁾ отпрыски многогорестныхъ ²⁾ мужей и женъ: это будетъ ³⁾ повѣствованіе, не чуждое нашей цѣли и не лишенное поучительности.—Сначала стали выходить изъ земли цѣльноприродныя ⁴⁾ созданія, заключающія въ себѣ по равной части ⁵⁾ двухъ стихій: воды и теплаго воздуха ⁶⁾; ихъ выталкивалъ огонь, стремясь достигнуть себѣ подобнаго ⁷⁾, въ то время какъ они не обнаруживали еще ⁸⁾ ни привлекательнаго соединенія членовъ тѣла, ни голоса, ни присущаго мужчинамъ члена.

1. Ἐννοχίους—т. е. во мракѣ подѣ землею.

2. Πυκλαότων, по вѣрному замѣчанію Diels'a, относится ἀπὸ κοινῆς къ обоимъ поламъ и, слѣдовательно, не значитъ „плаксивыхъ“, какъ передаютъ всѣ переводчики, относя этотъ эпитетъ исключительно къ женщинамъ.

3. Γάρ.

4. Οὐλοφύεις—т. е. не раздѣленные на помы.

5. Αἵαν—въ основномъ значеніи этого слова.

6. Ἰσος—соб.: тепла, жары. Ср. фрагм. 73.

7. Т. е. соединиться съ себѣ подобной стихіей.

8. Т. е. у нихъ нельзя было различить, они не имѣли.

63. [К. 257, St. 270, М. 326].

Но природа членовъ (*зародыша-ребенка*) двусторонняя ¹⁾: одна сторона (*имѣетъ свое основаніе*) въ (*стѣни*) мужчины (*другая въ стѣни женщины*).

1. Διέσπασται—соб.: разорвана, раздѣлена.

64. [К. 256, St. 272, М. 328].

А затѣмъ является и Поэось ¹⁾, заключающій чрезъ посредство зрѣнія брачныя узы.

1. Желаніе любовной страсти.

65. [К. 259—260, St. 273—274, М. 329—330].

(*Стѣня мужчины и женщины*) изливается въ очищенные (*мѣсячнымимъ очищеніемъ*) мѣста (*чрева*), при чемъ изъ того (*стѣни*), котораго встрѣчается (*въ чреватъ*) съ холодомъ ¹⁾, происходятъ женщины (*а изъ того, которое—съ тепломъ, —мужчины*) ²⁾.

1. Т. е. попадаетъ въ болѣе холодную часть чрева.

2. Восполняю содержаніе фрагмента по конъектурѣ Diels'a.

66. [К. 261, St. 275, М. 331].

Расколотыя нивы Афродиты¹⁾...

1. Т. е. pudenda.

67. [К. 262—264, St. 276—278, М. 332—334].

Самецъ зарождается въ болѣе теплой части чрева¹⁾, и потому мужчины смуглы и болѣе мужественны и болѣе покрыты волосами (*чѣмъ женщины*).

1. Соб.: въ болѣе теплой части чрево способно рождать (τεχάζ... ἔπλετο) самца.

68. [К. 266, St. 280, М. 336].

На десятый день восьмого мѣсяца появляется бѣлое выдѣленіе¹⁾.

1. Πόζον—соб.: молозиво, colostrum.

69. [К.—, St.—, М.—].

Двойкорождающія¹⁾...

1. Diels пишетъ διγόναι, но, я думаю, правильнѣе по смыслу писать διγόναι—соб.: дважды рождающія. Рѣчь идетъ о семи- и девяти- мѣсячной беременности.

70. [К. р. 474, St.—, М.—].

Кровяная чаша¹⁾...

1. Ἀρνίον—соб.: чаша, въ которую собиралась кровь жертвеннаго животнаго. Такъ называетъ философъ первый покровъ, окружающій плодъ во чревѣ матери.

71. [К. 150—153, St. 210—213, М. 277—280].

Если же у тебя, почему-либо нѣтъ (*еще*) твердой вѣры въ это¹⁾, (*а именно въ то,*) какъ изъ смѣшенія воды и земли, а также ээира и солнца²⁾ возникли столь разнообразныя³⁾ виды⁴⁾ и цвѣта всѣхъ тлѣнныхъ созданій, какія только нынѣ рождаются подѣ созидающимъ воздѣйствіемъ Афродиты...

1. Περί τῶνδε λιπέξυλος ἔπλετο πίστις—соб.: если... твоя вѣра относительно этого уклончива. Ср. фрагм. 21, ст. 2.

2. Т. е. огня.

3. Соб.: такіе—τοῖα.

4. Т. е. формы.

72. [К. 243, St. 214, М. 281].

Какъ (возникли) огромныя деревья и морскія рыбы¹)...

1. Καταῖνε;—рѣдкое и неясное по составу слово.

73. [К. 209—210, St. 215—216, М. 282—283].

Какъ въ то время Киприда, оросивъ (предварительно) землю дождемъ и (затѣмъ) навѣвая (на нее) теплый воздухъ¹), подвергла ее (на-концеъ) закаливающему воздѣйствію быстрого огня...

1. Ἰδεα. Ср. фрагм. 62.

74. [К. 205, St. 163, М. 256].

Увлекая¹) непонятливое племя многосѣмянныхъ рыбъ...

1. Ἀφροσα: нужно ли восполнять Ἀφροδίτη, какъ думаетъ Diels, или θαλασσα, какъ предлагаютъ остальные комментаторы,—нѣтъ возможности рѣшать.

75. [К. 230—231, St. 217—218, М. 284—285].

Всѣ внутреннія части ихъ¹) уплотнены, наружныя же—разрѣжены, встрѣтившись именно²) съ подобнымъ разрѣжающимъ началомъ³) подъ дланями Киприды.

1. τῶν δ'. Несмотря на всѣ усилія и на всю проникаемость интерпретаторовъ, невозможно съ увѣренностью сказать, къ чему относится это τῶν δ'. Если предположить, какъ данное, его отношеніе къ какому-либо изъ сохранившихся отрывковъ, то, на мой взглядъ, естественнѣе всего скомбинировать эти два стиха съ фрагм. 73 и 76, т. е. подразумѣвать подъ τῶν δέ—τὰ θνητὰ—созданныя Кипридой изъ четырехъ стихій чувственныя вещи вообще, наружныя части которыхъ,—за рѣдкими исключеніями, намѣченными во фрагм. 76,—бываютъ менѣе плотны, чѣмъ внутреннія: довольно указать, для примѣра, на облакающую животный скелетъ мякоть, на кору деревьевъ и проч. Ср. Diels comm. in fragm. 76, v. 2.

2. Τοχόντα—соб.: получивъ, т. е. войдя въ соединеніе.

3. Πλάδης—соб.: съ жидкостью, т. е. съ жидкими, неплотными стихіями, въ противоположность наиболѣе плотной стихіи—землѣ.

76. [К. 220—222, St. 233—235, М. 300—302].

Это¹⁾ можно наблюдать²⁾ въ тяжелохребетныхъ скорлупахъ морскихъ животныхъ³⁾, особенно у улитокъ⁴⁾ и у каменнопанцирныхъ черепахъ: тамъ ты увидишь, что земля⁵⁾ находится поверхъ кожи.

1. Уклоненіе отъ общаго правила, по которому наружныя части тѣнныхъ созданій бываютъ менѣе плотны, чѣмъ внутреннія.

2. Подраз. ἐστί или ἔκλετο; ср. фрагм. 20, ст. 1.

3. Θάλασσομόμων—весьма правдоподобная конъектура Diels'a, вм. рукописнаго дательнаго: θάλασσομόμοις. Ср. род. падежъ въ слѣд. стихѣ: κήρυκων κτλ.

4. Изъ раковинъ которыхъ выдѣлывались рожки для герольдовъ: отсюда названіе κήρυκας.

5. Т. е. твердая, наиболѣе плотная стихія.

77. [К. 366, St. 423, М. 435].

Вѣчнозеленый...

78. [К. 367, St. 424, М. 436].

(Деревья) изобилуютъ плодами¹⁾ круглый годъ вслѣдствіе благословенія воздуха²⁾.

1. Τέθηλε κήρυκων ἀφθνήϊσι—по тексту Теофраста (Caus. plant. I 13, 2), согласовавшему G. Hermann'омъ (у Mullach'a).

2. Κατ' ἥρα—соб.: сообразно съ воздухомъ. Несмотря на всю заманчивость предложенныхъ различными учеными конъектуръ: κατήρεα (Scaliger)—снабженные, κατήρα (Lobeck)—увѣшанные и т. п. (см. у Mullach'a), необходимо согласиться съ Diels'омъ въ невозможности отступить отъ рукописнаго преданія въ виду контекста Теофраста, въ какомъ дошелъ до насъ этотъ стихъ: εἰ δὲ καὶ συνεχῶς ὁ αἶθρ ἀκολουθεῖν τοῖσι, ἵσως οὐδὲ τὰ παρὰ τῶν ποιητῶν λεγόμενα δόξαιεν ἂν ἀλόγως ἔχειν κτλ.

79. [К. 245, St. 219, М. 286].

Такимъ образомъ, большія деревья (какъ бы) кладутъ яйца, и прежде всѣхъ—маслина¹⁾.

1. Слѣдуетъ замѣтить, что масличное дерево, по мифологическимъ традиціямъ, считалось первымъ и по времени и по значенію.

80. [К. 246, St. 220, М. 287].

Почему и поздно созрѣвающія гранаты и самые цвѣтущіе изъ плодовъ¹⁾—яблоки...

2. Ὑπέρφλοια—по первому изъ двухъ, сохранныхъ Плутархомъ (Quaest. conv. V 8,2 p. 683 D), древнихъ толкованій этого ἀπὸ τῆς αἰρήμενης.

81. [К. 247, St. 221, М. 288].

Вода, (*проникая въ виноградную лозу не изъ земли чрезъ корни, но изъ влажнаго воздуха,*) со стороны коры, перебродивъ въ деревѣ, становится виномъ.

82. [К. 223—224, St. 236—237, М. 216—217].

Волосы, и листья, и густыя перья птицъ, и чешуя на крѣпкихъ членахъ (*рыбъ*)—по своему происхожденію¹⁾ одно и то же.

1. Γίγνεται.

83. [К. 225—226, St. 238—239, М. 303—304].

А у ежей щетинится на спинѣ острокопечная грива¹⁾.

1. Χαῖται—описательно, вм. „щетина“.

84. [К. 302—311, St. 316—324, М. 220—229].

Подобно тому какъ кто-либо, собираясь въ путешествіе въ бурную ночь, запасается фонаремъ, зажегши его¹⁾ у ярко горящаго огня,—факеломъ²⁾, отражающимъ разнообразныя вѣтры, такъ какъ онъ³⁾ разсѣиваетъ⁴⁾ 5 дыханіе бѣшущихъ вѣтровъ, свѣтъ же, вылетая наружу, поскольку онъ тоньше (*вѣтра*)⁵⁾, начинаетъ проникать за порогъ⁶⁾ неутомимыми лучами:—такъ въ то время⁷⁾ первичный⁸⁾ огонь, заключенный въ оболочки и въ тонкихъ тканяхъ (*гліза*), которыя насквозь пробуравлены дивно 10 устроенными воронками⁹⁾, сталъ скрываться за круглымъ зрачкомъ¹⁰⁾; и эти воронки стали удерживать обтекающую въ большомъ количествѣ воду, огонь же пропускать наружу, поскольку онъ тоньше...

1. Σελῆς... ἄψας—соб.: з. свѣтъ.

2. Этотъ и слѣдующіе стихи, служа приложеніемъ къ слову λούριον, представляютъ поэтическое описаніе фонаря.

3. Такимъ образомъ устроенный факель-фонарь.

4. Т. е. не допускаетъ до пламени.

5. Т. е. состоитъ изъ болѣе тонкихъ и удобоподвижныхъ частицъ чѣмъ воздухъ.

6. Т. е. освѣщать дорогу при выходѣ изъ дома.

7. "Ως δὲ τότε: т. е. при сотвореніи Кипридой организмовъ.

9. Ὀρόγιον—соб.: весьма древній, т. е. стихійный, элементарный, въ противоположность эмпирически данному огню первой части сравненія.

9. Т. е. порами: χοάνησι.

10. Δοχάζετο (imperf. указываетъ на постепенное образованіе глаза силою Киприды) κύκλοα κούρην—непереводимая игра словъ, построенная на двоякомъ значеніи слова κούρη=и „глазной врачекъ“ и „дѣва“.—Отсюда цѣлый рядъ переносно-образныхъ выраженій: κύκλωψ—соб.: круглоокий; λοχάζεσθαι τινα—подстерегаю кого, дѣлаю засаду на кого; ὀρόνη—ткань, полотно, покрывало и проч.

85. [K. 193, St. 152, M. 243].

На долю (*скрывающагося въ глазу*) кроткаго пламени выпала (*лишь*) незначительная частичка земли¹⁾.

1. Μινυνθαίης τόχῃ γαίης: отъ корня μινυνθα=немножко. Контекстъ Симплиція (Phys. 331,3), въ которомъ дошелъ до насъ этотъ стихъ, а также сопоставленіе съ фрагм. 98, ст. 1—устраняютъ возможность предложенныхъ различными комментаторами конъектуръ на мѣсто рукописнаго γαίης: αἰσῆς—Karsten'a и Mullach'a; αὐγῆς—Stein'a и Fairbanks'a и проч.

86. [K. 227, St. 240, M. 218].

Изъ коихъ¹⁾ божественная Афродита создала неутомимыя очи...

1. Стихій.

87. [K. 298, St. 241, M. 219].

Афродита, снабдившая любовными связями...

88. [K. 311, St. 326, M. 371].

Изъ обоихъ (*глазъ*) происходитъ одно зрѣніе¹⁾.

1. Т. е. оба глаза даютъ одно зрительное ощущеніе.

89. [K. 267, St. 281, M. 387].

Зная, что изъ всего, что только произошло¹⁾, истекаютъ токи...

1. Т. е. вообще изъ всего существующаго.

90. [K. 268—269, St. 282—283, M. 338—339].

Такъ сладкое стало хвататься за сладкое, горькое устремилось на горькое, кислое набросилось на кислое, теплое стало совокупляться съ теплымъ.

91. [К. 272—273, St. 284—285, М. 340—341].

(Вода) болѣе дружна¹⁾ съ виномъ, но съ масломъ она не хочетъ (смѣшиваться).

1. Т. е. легче смѣшивается.

92. [К. 450, St.—, М.—].

Мѣдъ, смѣшанная съ оловомъ...

(Смѣсь) вина и воды...

Поры¹⁾ и насты²⁾...

1. Πόροι—отверстія, скважины.

2. Ναστί—туго-набитыя, плотныя части тѣлъ, въ противоположность порамъ.

93. [К. 274, St. 286, М. 342].

Къ полотну¹⁾ примѣшивается²⁾ багрець свѣтлаго самбука...

1. Βάσις—неясное по значенію слово.

2. Т. е. полотно окрашивается въ...

94. [К.—, St. p. 50, М.—].

Черный цвѣтъ рѣки на днѣ происходитъ отъ тѣни и точно такъ же замѣчается онъ въ пещерообразныхъ гротахъ.

NB. Эти два стиха сохранились только въ латинской передачѣ: Plut. Quaest. natur. 39, въ переводѣ Longolius'a (Köln 1542).

95. [К. 229, St. 242, М. 305].

Когда они (глаза) впервые стали срастаться подъ дланями Киприды...

96. [К. 211—214, St. 199—202, М. 211—214].

А благодатная земля въ (своихъ) широко-грудыхъ горнилахъ двѣ изъ восьми частей получила отъ свѣтлой Нестиды¹⁾ и четыре отъ Гефеста²⁾; а изъ нихъ³⁾ образовались бѣлыя кости, дивно сплоченныя связями Гармоніи.

1. Νῆστιδος αἴγλη: по объясненію Симплиціи (ad Aristot. de Anima A 5. 410^a. 1), нужно понимать это такъ, что одну изъ этихъ двухъ частей земля получила отъ Νῆστις, т. е. отъ стихіи воды, другую же отъ Αἴγλη, т. е. отъ стихіи воздуха (Αἴγλη=„дневной свѣтъ“; далѣе, „атмосфера“. „воздухъ“).

И это объясненіе тѣмъ вѣроятнѣе, что у Эмпедокла понятіе $\alpha\eta\rho$, въ противоположность $\alpha\iota\theta\eta\rho$, близко соприкасается съ понятіемъ влаги: ср., напр., во фрагм. 38, ст. 3 эпитетъ при $\alpha\eta\rho$ — $\psi\gamma\rho\acute{o}\varsigma$ и т. п.—Относительно же соединенія N. $\alpha\iota\gamma$. ср. примѣчаніе къ этому мѣсту у Mullach'a, который, приводя для него цѣлый рядъ параллелей въ общезвѣстныхъ сочетаніяхъ— $\Phi\alpha\iota\beta\omicron\varsigma$ $\Lambda\kappa\omicron\lambda\lambda\omega\nu$ и проч., пишетъ даже, по примѣру, Karsten'a, оба слова съ большой буквы: N. $\Lambda\iota\gamma$.

2. Такимъ образомъ, на долю самой земли остается двѣ части: 8—1. 2—4=2.

3. Изъ упомянутыхъ выше восьми частей всѣхъ стихій.

97. [К. р. 452, St.—, М.—].

Хребетъ¹⁾...

1. По свидѣтельству Аристотеля (De partt. anim. A 1 р. 640^a 18), Эмпедоклъ объяснялъ форму позвоночнаго столба изъ случайнаго перелома, имѣвшаго мѣсто въ эпоху формациі животныхъ организмовъ.

98. [К. 215—219, St. 203—207, М. 206—210].

Земля же, ставъ на якорь въ превосходныхъ¹⁾ гаваняхъ Киприды, встрѣчается съ ними почти²⁾ равными частями³⁾, (а именно) съ Гефестомъ и дождемъ, а также съ ярко-блестящимъ эфиромъ, то въ немного большемъ количествѣ (*чѣмъ остальные стихіи*), то въ меньшемъ—(*соединяясь*) съ большимъ количествомъ тѣхъ. Изъ нихъ происходитъ кровь и другіе виды плоти.

1. $\tau\epsilon\lambda\epsilon\iota\omicron\varsigma$ —непереводимый отгѣнокъ. Т. значить и „превосходный“ и „завершающій что-либо“, т. е. въ данномъ случаѣ—гавань Киприды, временно завершающая вѣчное движеніе стихій.

2. $\mu\acute{\alpha}\lambda\iota\sigma\tau\alpha$ при $\iota\sigma\eta$ значить: „почти“, что подтверждается слѣдующимъ: $\epsilon\iota\tau\epsilon$ — $\epsilon\iota\tau\epsilon$.

3. Т. е. въ равной пропорціи.

99. [К. р. 483, St. 315, М. 370].

Колокольчикъ... Мясистый отростокъ¹⁾...

1. $\Sigma\acute{\iota}\rho\eta\nu\omicron\varsigma$ $\delta\zeta\omicron\varsigma$,—служащій, очевидно, по представленію философа. языкомъ колокольчика—уха: ви́шній звукъ, проникая въ ухо, приводитъ въ колебаніе язычокъ колокольчика, который, звеня, и вызываетъ ощущеніе звука.

100. [К. 275—299, St. 287—311, М. 343—367].

Вотъ какъ всѣ (*живыя существа*) вдыхаютъ и выдыхаютъ. У всѣхъ
 нихъ протянуты къ поверхности тѣла безкровныя (*сами по себѣ, но пред-*
назначенныя для кровообращенія) трубки изъ плоти, а у ихъ устьй¹⁾
 наружные покровы кожи насквозь пробурявлены частыми отверстіями,
 такъ что кровь задерживается²⁾, аэиру же открытъ удобный путь чрезъ
 5 (*эти*) проходы. Поэтому, всякій разъ какъ нѣжная кровь отливаетъ оттуда³⁾,
 аэиръ, kloкоча (*отъ быстрого движенія*), врывается (*туда*) бѣшенными
 волнами; когда же кровь приливаетъ обратно, онъ снова выдыхается, по-
 добно тому какъ (*это бываетъ,*) когда дѣвочка играетъ водяными часами
 10 изъ блестящей мѣди: когда, положивъ отверстіе трубки на красивую ручку,
 она погружаетъ (*ихъ*) въ мягкую массу серебристой воды, то влага еще
 не входитъ въ сосудъ, но ее отгѣсняетъ тяжесть воздуха, падающая из-
 нутри на частыя отверстія, пока она (*дѣвочка*) не откроетъ сжатого по-
 15 тока⁴⁾; а тогда, съ ослабленіемъ давленія воздуха, входитъ (*въ трубку*)
 опредѣленное количество воды. Точно такъ же, когда вода занимаетъ
 внутренность мѣднаго сосуда⁵⁾, при чемъ проходное отверстіе его заграж-
 дено человѣческой рукой,—аэиръ, стремясь⁶⁾ снаружи внутрь, отгѣсняетъ
 влагу къ (*самому*) отверстію узкаго, производящаго шумъ прохода⁷⁾.
 20 (*самъ*) занимая вершину⁸⁾, пока (*дѣвочка*) не отпустить руки; тогда же,
 наоборотъ, въ противоположность тому, что (*произошло*) прежде⁹⁾, съ
 проникновеніемъ воздуха (*вовнутрь сосуда черезъ верхнее отверстіе*),
 вытекаетъ опредѣленное количество воды.—Точно такъ же, всякій разъ
 какъ нѣжная, стремительно обращающаяся по членамъ кровь, отпрянувъ
 назадъ, отливаетъ внутрь, тотчасъ же бурной волной низвергается (*въ*
опорожнившіеся отчасти кровеносные сосуды) токъ аэира; когда же
 25 (*кровь*) приливаетъ обратно, онъ (*аэиръ*) снова выдыхается назадъ въ рав-
 номъ количествѣ.

1. Т. е. у выходовъ, у отверстій этихъ трубокъ.

2. *Καθ᾽ αὐτὸν*—соб.: скрывается за этими мелкими отверстіями, не будучи
 въ состояніи пройти черезъ нихъ.

3. Отъ этихъ отверстій.

4. *Περίσσειον* (соб.: густого) *ῥέον*, т. е. заключеннаго въ трубкѣ столба
 воздуха.

5. Т. е. такого же, какъ описанный выше, продолговатаго цилиндра,
 съ однимъ сравнительно широкимъ отверстіемъ съ одной стороны и мно-
 жествомъ мелкихъ отверстій—съ другой.

6. Т. е. производя давленіе.

7. Ἰσθμῶς δασυκίος, т. е. того конца клепсидры, черезъ который, обыкновенно, выливается по каплямъ наполняющая ее влага.—Diels въ Addenda p. 270 даетъ нѣсколько иное объясненіе, на мой взглядъ, менѣе естественное: „...aqua vasis fundum solum implet...; ergo comprimitur in collo aer, qui dum vi erumpit per angusta solet ructare“.

8. Т. е. образуя небольшой столбикъ между водой и поверхностью замыкающей отверстіе руки.

9. Въ предыдущемъ опытѣ

101. [К. 300, St. 312, М. 368].

Отыскивая носомъ¹⁾ частички животныхъ членовъ²⁾...., которые оставлялъ³⁾ отъ ногъ на сочномъ пастбищѣ (*олень или заяцъ*)⁴⁾...

1. Рѣчь идетъ объ охотничьихъ собакахъ.

2. Κέρματα θηρίων μαλέων: по весьма правдоподобию толкованію Buttmanп'a и Diels'a, нужно разумѣть истеченія (ἀπορροαί) тѣла животныхъ, составляющія, по мнѣнію Эмпедокла, объективную основу обонянія.

3. Т. е. которые отдѣлялись въ видѣ ἀπορροαί.

4. По вѣроятному дополненію Diels'a.

102. [К. 301, St. 314, М. 369].

Такимъ образомъ, дыханіе и обоняніе свойственно всѣмъ созданіямъ.

103. [К. 312, St. 195, М. 271].

Итакъ все одарено разумомъ благодаря таковой волѣ Судьбы.

104. [К. 314, St. 196, М. 272].

И поскольку тончайшія (*частицы*) столкнулись въ своемъ паденіи...

105. [К. 315—317, St. 327—329, М. 372—374].

(Сердце) живетъ въ волнахъ быстро обращающейся крови, и въ немъ (*находится то, что*) зовется, обыкновенно, у людей мыслью, потому что мысль у людей есть (*не что иное, какъ*) омывающая сердце кровь.

1. Ἀντιθρόντος отъ ἀντιθρόσκω—соб.: прыгающей въ противоположныхъ направленіяхъ.

106. [К. 318, St. 330, М. 375].

Потому что разумъ возрастаетъ у людей въ соотвѣтствіи съ предлагающимъ¹⁾.

1. *Πρὸς παρὸν*: т. е. въ соотвѣтствіи съ налично данною дѣйствительностью, сообразно съ расширеніемъ ихъ чувственнаго опыта.

107. [К. 324—325, St. 336—337, М. 381—382].

Потому что изъ нихъ (*стихий*) все сплочено и слажено, и посредствомъ нихъ (*люди*) мыслятъ и наслаждаются и страдаютъ.

108. [К. 319—320, St. 331—332, М. 376—377].

Насколько перерождаются люди (*за день, подъ вліяніемъ разнообразныхъ переживаній*)¹⁾, настолько же разнообразныя переживанія представляются всегда ихъ мышленію (*ночью, во время сна*).

1. Такъ нужно понимать эти стихи, по свидѣтельству древнихъ толкователей: Симплиція и др.

109. [К. 321—323, St. 333—335, М. 378—380].

Ибо землею¹⁾ познаемъ мы землю, водою—воду, эфиромъ—божественный эфиръ, огнемъ же—губительный огонь, любовь—любовью и вражду—пагубной враждою.

1. Т. е. посредствомъ состоящихъ изъ земли тканей глаза.

110. [К.—, St. 222—231, М. 289—299].

Потому что, если ты, укрьпивъ ихъ¹⁾ въ глубинѣ сердца²⁾, благосклонно взглянешь на нихъ съ неподдѣльнымъ вниманіемъ, то, съ одной стороны, все это³⁾ будетъ, конечно, въ теченіе (*всей твоей*) жизни составлять твое неотъемлемое достояніе, съ другой же стороны, ты приобретешь благодаря (*всему*) тому много другого⁴⁾; ибо они⁵⁾ взаимно возражаютъ другъ друга въ направленіи присущаго каждому изъ нихъ характера⁶⁾, сообразно съ тѣмъ или другимъ его происхожденіемъ⁷⁾.—Если же ты такъ или иначе⁸⁾ будешь добиваться стяжаній другого рода, которыя бывають для людей источникомъ безчисленныхъ сквернъ и которыя притупляютъ (*у нихъ*) пытливыя думы⁹⁾, то они¹⁰⁾, несомнѣнно, вскорѣ съ теченіемъ времени покинутъ тебя, стремясь вернуться къ своему собственному роду¹¹⁾. Ибо знай, что во всемъ есть мысль и необходимая доля разумности¹²⁾.

1. Преподанныя тебѣ въ поэмѣ теоретическія и вытекающія изъ нихъ практическія наставленія.

2. *Ἀδινῆται ὑπὸ πρακτικῶν*—соб.: подъ плотною грудобрюшною преградой.

3. Т. е. вся преподаваемая тебѣ теоретическая и практическая мудрость, со всѣми вытекающими изъ нея внутренними и вѣшними благами и преимуществами, въ родѣ, напр., тѣхъ, какія перечисляются въ слѣдующемъ, 111 фрагментѣ.

4. Т. е. много новыхъ частныхъ познаній, а тѣмъ самымъ и множество новыхъ внутреннихъ и вѣшнихъ благъ и преимуществъ. Ср. Bergk, l. l. p. 65, который однако суживаетъ значеніе этого фрагмента, отмѣчая въ немъ лишь одинъ теоретико-познавательный моментъ.

5. Духовныя стяжанія, внутреннія приобрѣтенія.

6. Ἀὐτὰ γὰρ αὖτε ταῦτ' εἰς ἡθος ἔχαστον: въ виду неясности буквального выраженія, умышленно прибѣгаю къ нѣскольکو болѣе вольной передаче.

7. Т. е. сообразно съ тѣмъ, чѣмъ каждое изъ нихъ вызывается, что каждому изъ нихъ объективно соответствуетъ: ὅτι φῶς ἐστὶν ἕκαστον—соб.: гдѣ у каждого изъ нихъ происхожденіе. Ср. фрагм. 106: πρὸς παρεὸν γὰρ μῆτις ἀέξεται ἀνθρώποις.

8. Г'.

9. Ἀμβλύνουσι ψερίμνας—ср. фрагм. 2, ст. 2.

10. Эти преходящія, суетныя приобрѣтенія.

11. Смыслъ: тлѣнныя блага, которыхъ, обыкновенно, добиваются люди, скоропреходящи, такъ какъ они ежеминутно готовы ускользнуть изъ рукъ, разложившись на тѣ первичные элементы, изъ соединенія которыхъ они возникли.

12. Πάντα γὰρ ἴσθι φρονήτιν εἶναι καὶ νόματο; αἰσαν: т. е. предначертанная судьбою закономерность, роковая связь и послѣдовательность явленій, объективно-разумная причинность,—говоря современнымъ языкомъ.

111. [К. 424—428, St. 24—32, М. 462—470].

Ты узнаешь всѣ, какія только есть, цѣлебныя средства, предохраняющія отъ недуговъ и отъ старости, такъ какъ для одного только тебя сдѣлаю я все это. Будешь прекращать ярость неугомиыхъ вѣтровъ, которые, устремляясь на землю, губятъ (своими) порывами нивы; и опять, 5 если пожелаешь, ты возбудишь (ихъ) вознаграждающее (раньше причиненный вредъ) дыханіе. Послѣ мрачнаго ненастья будешь доставлять людямъ благовременное вѣдро, а послѣ лѣтней засухи будешь доставлять питающіе деревья потоки (дождя), которые и прольются изъ (небеснаго) звѣра; а также будешь возвращать изъ Аида душу ¹⁾ усопшаго человека.

1. Μένο;—соб.: жизненная сила, жизнь, что совпадаетъ съ понятіемъ ψυχή.

В): отрывки изъ „Очищенія“.

112. [К. 389—400, St. 352—363, М. 397—408].

Друзья, вы, которые обитаете акрополь великаго града золотистаго Акраганта¹⁾, (вы,) пекущіеся о благихъ дѣлахъ, (вы,) дающіе пріютъ почтеннымъ чужестранцамъ²⁾, (вы,) невѣдающіе порока,—привѣтъ вамъ! Я шествую среди васъ безсмертнымъ богомъ, а уже не смертнымъ (человѣкомъ), въ почетѣ у всѣхъ³⁾, какъ то и надлежитъ, кругомъ увѣнчанный перевязями и зеленѣющими гирляндами. Когда я вмѣстѣ съ ними, мужами и женами⁴⁾, прибываю въ цвѣтушіе грады, меня окружаетъ благоговѣйное поклоненіе. И они несмѣтною толпою слѣдуютъ за мной, во-
10 прошая, гдѣ стезя (ведущая) къ пользѣ, одни—имѣя нужду въ прорицаніяхъ, другіе же стараются услышать цѣлительное отъ различныхъ недуговъ слово, подлинно долго терзаемые тяжкими страданіями.

1. Т. е. золотистаго холма, на которомъ расположенъ Акрагасъ.

2. Перевожу по блестяще обоснованной конъектурѣ Bergk'a p. 6: ξείνων αἰδοίων, вм. рукописнаго: ξείνων αἰδοίων.

3. Какъ видно изъ дальнѣйшаго (ст. 7—8), здѣсь нужно разумѣть окружающую философа толпу, которая выходитъ навстрѣчу ему изъ города.

4. Единственно правильное, на мой взглядъ, толкованіе, предложенное Diels'омъ; τοῖσιν αἰμ' указываетъ на предшествующее μετὰ πατρὸς и поясняется слѣдующимъ: ἀνδράσιν ἡδὲ γυναῖσι.

113. [К. 401—402, St. 364—365, М. 409—410].

Однако къ чему я настаиваю на этомъ, точно я совершаю какое-то великое дѣло, если превосхожу смертныхъ людей, которымъ на каждомъ шагу грозитъ пагуба!

114. [К. 407—409, St. 366—368, М. 411—413].

Друзья! я знаю, что истина лежитъ въ глаголахъ, которые я изреку; но вѣдь, во-истину¹⁾, тяжело и трудно²⁾ бываетъ для людей внѣдреніе въ (ихъ) умъ (какого-либо новаго, чуждаго имъ допоя) убѣжденія.

1. Μάλα.

2. Δεῖνός—соб.: затруднено завистью, подозрительностью. Въ переводѣ невозможно точно передать этотъ оттѣнокъ.

115. [К. 1—6. 16—19. 7—8, St. 369—382, М. 1—8. 32—35. 9—10].

Существуетъ вѣщее слово¹⁾ Необходимости, древнее постановленіе боговъ, вѣчное, закрѣпленное всеобъемлющими²⁾ клятвами: если кто грѣ-

ховно осквернить свои члены кровавымъ убійствомъ³⁾ или, содѣлавъ преступленіе, поклянется ложною клятвой, (*кто-либо изъ тѣхъ*), которымъ выпала на долю долговѣчная жизнь въ образѣ демоновъ⁴⁾,—тотъ⁵⁾ трижды 5 десять тысячъ временъ долженъ скитаться⁶⁾ вдали отъ блаженныхъ, рождающаяся время отъ времени въ различныхъ видахъ тѣнныхъ созданій, мѣняя (*одинъ за другимъ*) тяжкіе пути жизни. Ибо ярость ээира гонитъ его⁷⁾ въ море, море извергаетъ на поверхность земли, земля—въ сіяніе яркаго 10 солнца, а оно (*солнце*) бросаетъ въ вихри ээира. Одинъ воспринимаетъ изъ другого⁸⁾, но всѣ гнушаются (*великимъ грѣшникомъ*).—Къ числу ихъ⁹⁾ принадлежу нынѣ и я, изгнанникъ боговъ и скиталецъ, довѣрившійся неистовой Враждѣ.

1. Χρημα=τὸ χρημαίνεον, effatum, vaticinium—Diels.

2. Πατέσσι—ср. фрагм. 30, ст. 3.

3. Φόνει αἴματος—лучшее, на мой взглядъ, дополненіе безнадежно испорченнаго стиха, предложенное Stein'омъ и принятое Fairbanks'омъ.

4. Διόνους οἷα κ-λ.: т. е. кто-либо изъ людей, которые, хотя и смертны, однако живутъ послѣ кончины въ образѣ демоновъ, правда—не вѣчно, но очень долго: μακραίωνος λελάχασι βίονο.

5. Μῖν: не вижу достаточнаго основанія понимать, вмѣстѣ съ Diels'омъ, это μῖν какъ αὐτοῦς и сохранять поэтому въ началѣ слѣдующаго стиха текстъ Гипполита (Ref. VII, 29 p. 249) φοομένους, вм. естественно ожидаемаго φοῖμενον. Если параллельно съ φ—ου: мы имѣемъ въ рукописномъ преданіи (Celsus apud Origen. c. Cels. VIII, 53) форму γινομένην, то, очевидно, съ полнымъ правомъ можно принять столь незначительную поправку, какъ φο—ον вм. φ—ου:. Множественное число διόνους изъ предыдущаго стиха нисколько этому не противорѣчитъ.

7. Ἀλάλοθαι:—infinitivus зависить отъ ψύφισμα въ 1-омъ стихѣ—конструкция, которую неудобно сохранить въ русскомъ языкѣ, и потому въ переводѣ она замѣнена самостоятельной конструкціей, съ прибавленіемъ для сохраненія отгѣнка слова „долженъ“.

7. Σφεί—нерѣдко употребляется какъ винительный единственнаго.

8. Т. е. одна стихія изъ другой.

9. Такихъ падшихъ демоновъ.

116. [К. 69, St. 232, М.—].

Любовь¹⁾ ненавидитъ трудно-переносимую Необходимость.

1. Χάρκ—соб.: милость, расположеніе, вм. обычной формы: Φιλότης.

117. [К. 380—381, St. 383—384, М. 11—12].

Ибо я уже былъ нѣкогда отрокомъ, и дѣвою, и кустомъ, и птицей, а также и нѣмою морскою рыбой.

118. [К. 13, St. 385, М. 17].

Я плакалъ и рыдалъ, узрѣвъ непривычную мнѣ область.

119. [К. 11—12, St. 390—391, М. 15—16].

(Отъ какой чести и отъ сколь великаго блаженства *(свергнуть я сюда, на землю, и обращаюсь среди смертныхъ)*¹⁾).

1. Второй стихъ представляетъ изъ себя предложенную Karsten'омъ реконструкцію прозаической парафразы Клементія (Strom. IV, 12 p. 569 Pott.).

120. [К. 31, St. 392, М. 29].

Пришли мы въ эту закрытую пещеру¹⁾...

1. 'Υπ'—соб.: подъ своды этой закрытой пещеры: такъ называетъ философъ подлунный міръ.—По свидѣтельству Порфірія (De antro nymphi. 8 p. 61, 19 Nauck), вышеприведенныя слова произносятъ „душеводительныя силы“—αἱ ψυχοπομποὶ δυνάμεις. Отсюда множ. число—„мы“.

121. [К. 13. 21—22, St. 385—388, М. 18—21].

...Безотраднѣю область, гдѣ Убийство и Злоба и сонмы другихъ Бѣдъ, изнуряющіе недуги и язвы и тщетныя начинанія¹⁾ блуждаютъ во мракѣ надъ лугами Пагубы²⁾.

1. Ἐργα τε ῥευστά, т. е. безплодные, недостигающіе цѣли труды и сопряженныя съ ними страданія. Таково, повидимому, наиболѣе естественное толкованіе этихъ словъ.

2. Ἀτῆς: русское „пагуба“, на мой взглядъ, лучше всего передаетъ всѣ отѣнки греческаго ἄτη, заключая въ себѣ субъективный моментъ наряду съ объективнымъ: грозное божество Ἀτῆ „губить“ человѣка не непосредственно, но посредствомъ, наводя на него „пагубное“ упоминательство.

122. [К. 24—27, St. 393—396, М. 22—25].

Тамъ¹⁾ находились²⁾: Хтонія и дальнотзорная Геліона³⁾, кровавая Борьба и степенная Гармонія, Красота и Безобразіе, Торопливость и Медлительность, милая Ясность и мрачноокая⁴⁾ Непонятность.

1. Въ той мрачной области, въ той пещерѣ (фрагм. 120), куда попала душа философа, липившійся прежняго блаженства.

2. Далѣ слѣдуетъ попарное перечисленіе тѣхъ взаимно-противоположныхъ „душеводительныхъ силъ“ (αἱ ψυχοποιοὶ δυνάμεις, см. примѣч. къ фрагм. 120), тѣхъ, говоря позднѣйшимъ языкомъ, добрыхъ и злыхъ гениевъ (μοῖραι καὶ δαίμονες—Plut. De tranquill. anim. 15 p. 474 B), которые сопровождаютъ душу въ ея печальномъ скитаніи по земной юдоли.

3. Т. е. земное божество, пригвождающее челоѣка къ грубымъ, низменнымъ интересамъ дольняго существованія—съ одной стороны, и небесное, солнечное божество, поднимающее взоръ его горѣ—съ другой. Ср. Mullach comm. in h. v.

4. Μελάγχορος—понимаю какъ μέλας + χόρη.

123. [К. 28—30, St. 397—399, М. 26—28].

...Рожденіе и Смерть, Сонъ и Бодрствованіе, Движеніе и Неподвижность, многовѣчанное Величіе и Низость¹⁾, Молчаніе и знаменательный Гласъ²⁾...

1. Φορώη—соб.: грязь.

2. Ὀμφαίη.

124. [К. 14—15, St. 400—401, М. 30—31].

Увы! о жалкій, о злополучный родъ смертныхъ: изъ какихъ распрей и воздыханій вы возникли!

125. [К. 378, St. 404, М. 416].

Изъ живыхъ стала дѣлать мертвецовъ¹⁾, измѣняя ихъ видъ.

1. Подразумѣвается, вѣроятно, смерть—πῶτος.

126. [К. 379, St. 402, М. 414].

(Природа), облачающая (людей) чуждою одеждою плоти¹⁾...

1. Рѣчь идетъ о метемпсихозѣ.

127. [К. 382—383, St. 438—439, М. 448—449].

Они¹⁾ становятся горнологовищными, спящими на голой землѣ львами среди звѣрей и лаврами среди лѣнокудрыхъ деревьевъ.

1. Люди, души которыхъ обречены на скитаніе.

128. [К. 368—377, St. 405—414, М. 417—426].

И не было у нихъ¹⁾ никакого бога Ареса, ни Кидема²⁾, ни царя Зевса, ни Кроноса, ни Посейдона, но была только царица Киприда. Ее они умилоствляли благоговѣйными приношеніями³⁾, живописными карти- 5

нами, искусно приготовленными благовонными елями, жертвами изъ чистаго мѣра и благоухающаго ладана, дѣлая возліянія бѣлаго меда на землю. Но (*иѣ*) алтарь не обагрался чистою кровью быковъ; напротивъ, величайшею гнусностію считалось это среди людей—, исторгнувъ душу (*животныхъ*), пожирать (*иѣ*) крѣпкіе члены.

1. У людей золотого вѣка.
2. Κροτοῖς—богъ смятенія битвы.
3. Ἀγάμας—приношенія вообще, по преимуществу же скульптурныя.

129. [K. 440—445, St. 415—420, M. 427—432].

Былъ среди нихъ¹⁾ нѣкій мужъ необычайныхъ познаній, который во-истину приобрѣлъ обширнѣйшее богатство разума, обладавъ въ самой высокой степени²⁾ разнообразною мудростію. Ибо всякій разъ какъ онъ напрягалъ всю силу своего ума, онъ безъ труда созерцалъ отдѣльныя явленія³⁾ всего существующаго даже за десять и за двадцать человѣческихъ поколѣній.

1. Невозможно съ увѣренностію сказать, о какой группѣ людей идетъ здѣсь рѣчь, какъ неизвѣстно и то, къ какому мужу древности относится этотъ восторженный панегирикъ. Древніе видѣли въ немъ Парменида (Diog. Laert. VIII, 54) или, что болѣе правдоподобно, Пивагора (Porphyr. V Pyth. 30 и др.). Новѣйшіе ученые склоняются на сторону того или другого толкованія, при чемъ Diels слово καίνοισιν предположительно поясняетъ такъ: „fortasse castis viris prisco more ab animalibus abstinentibus“. Burnet относитъ всю эту тираду къ Орфею.

На мой взглядъ, здѣсь возможно двоякое предположеніе: или Эмпедоклъ вообще не имѣлъ въ виду никакой определенной личности, а просто желалъ представить въ этомъ удивительномъ мужѣ миѣическій прототипъ себя самого, какъ мыслителя, пророка и нравоучителя; или, имѣя въ виду Пивагора и сознательно допуская оправдываемый легендарными сказаніями о самосскомъ мудрецѣ (ср. Rohde „Psyche“ II³ 417 f.) и вообще столь извинительный для поэта анахронизмъ, онъ переноситъ его въ тѣ отдаленныя времена, когда люди крѣпко еще держались любовныхъ завѣтовъ Киприды и, внимая высокой проповѣди нравоучителя, съ ужасомъ отвращались отъ мясной пищи.—Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ ἐν καίνοισιν слѣдуетъ относить къ той эпохѣ, о которой шла рѣчь въ предыдущемъ, 128 фрагментѣ, начало котораго, къ тому же, тождественно по выраженію съ началомъ даннаго фрагмента.

2. Τά (конъектура Bergk'a l. l. p. 30, вм. рукописнаго τὰ) παλαιοῦ ἐπιήρανος.

3. Ἐχαστον.

130. [К. 364—365, St. 421—422, М. 433—434].

Всѣ твари ¹⁾ были ручными и благорасположенными къ людямъ, какъ звѣри, такъ и птицы; и (*повсюду*) процвѣтало ²⁾ дружелюбіе.

1. Πάντα—по смыслу.

2. Δεδήει—соб.: возгорѣлось.

131. [К.—, St. 338—341, М. 383—386].

Если по поводу краткодневныхъ существъ ¹⁾ ты, о безсмертная Муза, благоволила ²⁾ непрестанно пещись ³⁾ о нашихъ начинаніяхъ, то не покидай же меня, умоляю, и нынѣ, Калліона, когда я готовлюсь повѣдать доброе слово о блаженныхъ богахъ.

1. Т. е. пока шла рѣчь о краткодневныхъ существахъ. Перевожу по конъектурѣ Schneidewin'a (у Diels'a)—τί σοι, вм. рукописнаго τίς.

2. Ἐμελεν—восполняю по догадкѣ того же Schneidewin'a.

3. Διὰ φροντίδος ἐλθεῖν=φροντίζειν съ отгѣнкомъ длительности, что выражается русскимъ „непрестанно“.

132. [К. 354—355, St. 342—343, М. 387—388].

Блаженъ, кто приобрѣлъ богатство божественнаго разума, и жалокъ, кто довольствуется темнымъ понятіемъ о богахъ.

133. [К. 356—358, St. 344—346, М. 389—391].

Его (*божество*) нельзя приблизить къ себѣ и (*такимъ образомъ*) сдѣлать доступнымъ зрѣнію нашихъ очей, ни осязать руками, гдѣ собственно ¹⁾ и пролегаетъ самый широкій и удобный путь ²⁾ для проникновенія убѣжденія въ сердца людей.

1. Ἦπερ, т. е. въ зрительныхъ и осязательныхъ ощущеніяхъ.

2. Μεγίστη... ἀμαξίτος.

134. [К. 359—363, St. 347—351, М. 392—396].

Ибо оно (*божество*) не снабжено возвышающей надъ (*остальными*) членами человѣческой головой, и (*у него*) не поднимаются изъ спины двѣ вѣтви, и нѣтъ у него ни ступней, ни проворныхъ колѣнъ, ни волосатыхъ частей ¹⁾, но оно лишь духъ святой и несказанный ²⁾, обѣгающій быстрыми мыслями все мірозданье.

1. Ср. фрагм. 29.

2. Φρὴν ἰσρή καὶ ἀθέσφατος.

135. [К. 404—405, St. 426—427, М. 438—439].

Но этотъ всеобщій законъ¹⁾ простирается непрерывно по широко-властвующему ээиру и неизмѣримому свѣту²⁾.

NB. Другіе издатели (Mullach, Fairbanks) приводятъ въ началѣ этого фрагмента еще одинъ стихъ, гадательно возстановленный изъ словъ Аристотеля (Rhet. A 13. 1373^b6) Sturz'омъ и Karsten'омъ: οὐ πέλαται τοῖς μὲν θειοῖσι τὸδα, τοῖς δ' ἀθέμοισιν — не то чтобы это (т. е. проливаніе крови животныхъ) было законно для однихъ и незаконно для другихъ...

1. По которому нечестиво проливать кровь какого бы то ни было живого существа.

2. Διὰ τ' εὐρυμέδοντος αἰθέρος ἡνεκέσσι τέταται διὰ τ' ἀπλάτου αὐγῆς, т. е. по всей вообще вселенной. — Такъ, думается мнѣ, слѣдуетъ понимать этотъ пресловутый стихъ, подавшій поводъ къ столь разнорѣчивымъ толкованіямъ: одни комментаторы, напр. Stein, понимаютъ αἰθήρ какъ „небо“, а αὐγή какъ „воздухъ“; другіе, какъ Mullach, наоборотъ: αἰθήρ переводятъ латинскимъ „aëther“, а ἀπλатор αὐγή чрезъ „immensum coeli lumen“ и т. д.

На мой взглядъ, философъ въ данномъ случаѣ не разграничиваетъ строго отдѣльныхъ мірообразующихъ стихій, а хочетъ лишь дать поэтическое описаніе понятія „вселенной“ въ общихъ чертахъ. Поэтому онъ и употребляетъ неопредѣленный терминъ αἰθήρ, не обозначающій у него какой-либо одной строго опредѣленной стихіи, но примѣняемый одинаково и къ огню и къ воздуху, т. е. къ двумъ наиболѣе легкимъ и удобоподвижнымъ стихіямъ, которыя въ силу этихъ своихъ качествъ и занимаютъ въ его космогоніи верхніе, т. е. крайніе предѣлы вселенной. Терминъ же αὐγή вообще не служитъ названіемъ какой-либо стихіи, но, выражая лишь одно изъ проявленій стихіи огня, значить просто „блескъ“, „озаряющее вселенную сіяніе“ (ср. фрагм. 21, ст. 4), что по-русски, какъ мнѣ кажется, удобнѣе всего передать неопредѣленнымъ, имѣющимъ двойное значеніе, терминомъ „свѣтъ“.

136. [К. 416—417, St. 428—429, М. 440—441].

Неужели вы не прекратите ужаснаго кровопролитія? Неужели вы не замѣчаете, что въ безопасности ума вы пожираете другъ друга?

137. [К. 410—415, St. 430—435, М. 442—447].

Отецъ, схвативъ своего собственнаго сына, измѣнившаго (*лишь внѣшній*) образъ, закалываетъ его съ молитвою, великій безумецъ! Они¹⁾ приступаютъ съ мольбами къ палачу²⁾, но онъ, не внемля (*ихъ*) крикамъ, закалываетъ (*ихъ*) и готовитъ въ чертогахъ отвратительное пиршество.

Точно такъ же сынъ, схвативъ отца, и дѣти—мать, исторгнувъ (*изъ нихъ*) 5 душу, пожираютъ свою собственную³⁾ плоть.

1. Οἱ δ'. Наиболѣе вѣроятное толкованіе съ убѣдительною ссылкой на пятый стихъ даетъ Diels: подъ οἱ δ' нужно разумѣть другихъ измѣнившихъ образъ дѣтей, которыя, повидимому, упоминались въ предыдущихъ, не сохранившихся стихахъ.

2. Θέοντες—необходимая поправка G. Hermann'a, вмѣсто рукописнаго θέοντες.—Diels слѣдуетъ конъектурѣ Wilamowitz'a θέοντες, которая, на мой взглядъ, даетъ худшій смыслъ: отецъ *самъ* приносить ужасную жертву, и къ нему-то и обращаютъ свои молебны его злополучныя чада.

3. Т. е. близкую, родную.

138. [K.—, St.—, M.—].

Мѣдью зачерпнувъ душу¹⁾...

1. Образъ становится понятнымъ, если припомнить, что душа, по Эмпедоклу, заключается въ крови.

139. [K. 9—10, St. 436—437, M. 13—14].

О горе мнѣ, что не раньше уничтожилъ меня безжалостный день, чѣмъ рѣшились мои губы на дерзко-преступное дѣло (*мясной*) пищи!

140. [K. 419, St. 440, M. 450].

(*Слѣдуетъ*) совершенно воздерживаться отъ (*Фебовыхъ*) листьевъ лавра¹⁾.

1. Перевожу по реконструкціи Diels'a: δάφνης Φοίβειον φύλλον ἄπο πάρων ἔχουσαι.

141. [K. 418, St. 441, M. 451].

Несчастные, о трижды несчастные, удаляйте (*ваши*) руки отъ бобовъ!¹⁾.

1. Любопытно аллегорическое толкованіе этого стиха у Геллія (IV, 11. 9): „...καίτοις hoc in loco testiculos significare..., idcircoque Empedoclen versu isto non a fabulo edendo, sed a rei venerei proluvio voluisse homines deducere“ (!).

142. [K. —, St.—, M.—].

Его¹⁾ не усладятъ²⁾ ни крытые чертоги эгидодержавнаго Зевса, ни... чертогъ³⁾...

1. Вѣроятно, нечестивца, проливающего кровь животныхъ.

2. Т. е. не примутъ, закрыты для него.

3. Второй стихъ безнадежно испорченъ.

143. [К. 422—423, St. 442—443, М. 452—453].

(*Слѣдуетъ очищаться*.) почерпнувъ ¹⁾ въ несокрушимую мѣдь (*воды*)
отъ пяти источниковъ.

1. Ταμόντ'. По объясненію Аристотеля (Poet. 21 р. 1457^b 13): ἐνταῦθα
τὰρ τὸ μὲν ἄρῳσι ταμῖν, τὸ δὲ ταμῖν ἄρῳσι εἶρηκεν.

144. [К. 406, St. 444, М. 454].

Не вкушать отъ порока ¹⁾...

1. Νηστεύσαι κακότητος—соб.: поститься...

145. [К. 420—421, St. 445—446, М. 455—456].

Итакъ, бѣснѹясь отъ пагубныхъ пороковъ, вы никогда не облегчите
душу отъ жестокихъ скорбей.

146. [К. 384—386, St. 447—449, М. 457—459].

А подъ конецъ бываютъ они ¹⁾ у живущихъ на землѣ людей прори-
цателями, иѣвцами гимновъ ²⁾, врачами и вождями, откуда (*они уже*) воз-
носятся до ³⁾ величаемыхъ высочайшими почестями боговъ.

1. Переживающія метемпсихозъ существа.

2. Т. е. поэтами вообще.

3. Ἀναβλαστόοι—соб.: произрастаютъ въ образѣ...

147. [К. 387—388, St. 450—451, М. 460—461].

Сожительствуя и сотрапезничая съ другими безсмертными, свободные
отъ человѣческихъ скорбей, не вѣдающіе злой смерти ¹⁾, безстрадальные...

1. Ἀπόκληροι—конъектура Scaliger'a, вм. рукописнаго ἀπόκληροι: души-
демоны, уподобляясь богамъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, должны об-
ладать также и относительнымъ безсмертіемъ этихъ послѣднихъ.

148. 149. 150. [К. 453. St. 403. 243, М. 415. 306].

(*Эмпедоклъ называетъ тѣло*) облекающею смертныхъ землею...,
(*воздухъ*) тучесобирателемъ..., (*а*) печень полнокровною ¹⁾.

1. Plut. Quaest. conviv. V 8,2 р. 683 E.

151. [К. р. 347, St. —, М.—].

Хлѣбодательная ¹⁾...

1. Ζειδωρος—подраз.: Афродита.

152. [K. 455, St.—, M.—].

(*Вечеръ*)—старость дня.

153. [K. 455, St.—, M.—].

Брюхо ¹⁾...

1. Βαυβώ=κοιλία. По объясненію Гезихія: βαυβώ: τιθήνη Δήμητρος. σημαίνει δὲ καὶ κοιλίαν ὡς παρ' Ἐμπεδοκλεί. —Diels замѣчаетъ: „nomen illustratur absonis illis figuris figlinis, quae in templo Cereris Prienensi 1899 inventae sunt caput enim eis deest, venter cum inguine muliebri tamquam os ornatur“.

153*. [По изд. 1903 года *Die Fragm. der Vorsokrat.* K.—, St.—, M.—].

(*Зародышъ развивается до степени наружнаго сходства съ будущимъ живымъ существомъ*) въ теченіе семи недѣль...

С): Отрывокъ сомнительной подлинности.

154. [K.—, St.—, M.—].

...(Солнце) стало правильно заходить ¹⁾, а затѣмъ снова совершать свой круговой путь, наполнивъ его ²⁾ плодоносными, увѣнчанными раскрывающимися почками (*растеній*), Временами года; земля же не знала мѣры ³⁾...

1. Δόσιν ἔκρινεν—соб.: стало выдѣлять, опредѣлять захожденіе.

2. Т. е. свой путь—δρόμον или, что то же, время этого пути, т. е. годъ.

3. ὕβρις.

Д): Стихи ложно приписываемые Эмпедоклу.

155. [K. 439, St. p. 18, M. 477—478].

Телавгъ, славный сынъ Θεανό и Πινεагора!

156. [K. 435—439, St. p. 9, M. 473—476].

Отечественная Гела вскормила врача, по прозванію Павзанія ¹⁾, сына Анхита, мужа изъ рода Асклепіа, который (*Павзаній*) многихъ удручаемыхъ тяжкими немощами мужей отвратилъ отъ сокроенныхъ чертоговъ Персефоны.

1. Παυσανίης=παῶν τὴν ἀνίην—Mullach.

157. [483—484, St. p. 9, M. 471—472].

Лучшаго врача Акрагантинца Акрона, (сына) лучшаго отца ¹⁾, скрываетъ высокій курганъ въ высочайшей отчизнѣ ²⁾.

1. Πατὴρ ἀκροῦ—Mullach; или: сына отца Акра—πατὴρ Ἀκροῦ—Diels.

2. Въ подлинникѣ неперевоаемая, построенная на аллитераціи, игра словъ:

Ἀκρον ἰατρὸν Ἀκρων' Ἀκραγαντίνου πατὴρ Ἀ(ᾗ)κροῦ
 χρύπτει χρημὸς ἀκροῦ πατρίδος ἀκροτάτης.

158. [К.—, St. 389, M.—].

Лишенный жизни...

159. [К. —, St. 145, M. 181].

Скученная величина...